ГАЛИНА ЧЕРНОГОЛОВИНА

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ

ГАЛИНА
ЧЕРНОГОЛОВИНА

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ

ГАЛИНА
ЧЕРНОГОЛОВИНА

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ,
РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

Алма-Ата
«Жазушы»
1984

Р 2
Ч 49

Рецензент *В. И. Ларин*, член СП СССР

Черноголовина Галина.

Ч 49 Я к вам вернусь: Документальные повести, рассказы, очерки.— Алма-Ата: Жазушы, 1984.—256 с.

В повестях, рассказах и очерках исследуются нравственные, экономические и социальные проблемы целинных хозяйств. Автор рассказывает о людях, которые сделали Казахстан одной из главных житниц страны, прослеживает человеческие судьбы на протяжении нескольких десятилетий, показывает формирование целинного характера.

Р 2

Ч $\frac{4702010200-84}{402(05)-84}$ 141—84

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хлебный колос... Прекрасное, неповторимое по своей гармонии и завершенности творение природы, олицетворение бессмертия дел человеческих. «Хлеб — батюшка, водица — матушка»,— говорят в народе. Кто, когда бросил в землю первое зерно, кто первый бережно взял в руки взращенный им колос и сохранил зерна из него до следующей весны?

Известный советский селекционер академик Павел Пантелеймонович Лукьяненко, автор прославленного сорта пшеницы «безостая-I», будучи в эвакуации в Алма-Ате, записал рассказ о том, как казахи-кочевники еще в далеком прошлом создавали неосыпающиеся сорта пшеницы методом случайного отбора. Вблизи своих зимовок они высевали пшеницу, а затем перекочевывали на джайляу, возвращаясь лишь поздно осенью. К этому времени пшеница не только успевала созреть, но и перестаивала на корню. Зерна оставались лишь у самых стойких растений, они-то и шли на хлеб и семена будущего урожая.

Как знать, может быть, это предание и помогло в какой-то степени академику создать свой замечательный неосыпающийся сорт, который до сих пор занимает солидное место на полях юга Казахстана.

Нельзя без волнения читать о казахском хлебопашеском обряде в повести Бауржана Момыш-улы «Наша семья». После коллективной жатвы и обмолота зерно ссыпали в мешки. «...Урожай считался даром «святого земледелия», и каждый из присутствующих имел право насыпать себе в мешок столько, сколько позволяла ему совесть, никто не имел права остановить его руку...»

«Сколько позволяла совесть...» Да, хлеб и совесть понятия исконно неразделимые. И ощущение святости его, присущее всем временам и народам, становится особенно сильным в нашем новом человеческом обществе. И пусть взволнованные ленинские слова были обращены в 1918 году к голодающим питерским рабочим, как актуально звучат они и сегодня: «В такое время — а для истинно коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня...»

«Рыба — вода, ягода — трава, хлеб — всему голова»,— в далекие времена родилось это присловье. А вот это — уже современное: «Хлеб — солдат, хлеб — дипломат, хлеб — валюта...» Да, хлеб — солдат в великой борьбе за мир, единение и счастье людей. Хлеб — дипломат, посредник в добрых отношениях между народами. Хлеб, выращенный золотыми руками землепашца, сам становится дороже чистого золота...

Замечательные высокоурожайные сорта пшеницы и других зерновых культур созданы селекционерами Казахстана. С благодарностью вспоминают хлеборобы об ученых, давших им новую почвозащитную систему, уберегающую землю от черных бурь, повышающую ее плодородие. В 1972 году группа целинных ученых во главе с академиком Александром Ивановичем Бараевым за внедрение системы мер по защите почв от ветровой эрозии в Северном Казах-

стане и в степных районах Западной Сибири была удостоена Ленинской премии. Ныне эту систему применяют повсюду в стране, где посевам угрожают засуха и черные бури.

Сегодняшний хлеб — это сконцентрированный труд пахаря и ученого, конструкторов сельскохозяйственной техники и рабочих заводов, где эта техника производится, химиков, мелиораторов, транспортников.

В Продовольственной программе СССР на период до 1990 года отмечается, что «повсеместно обеспечено бесперебойное снабжение населения хлебом, хлебобулочными и макаронными изделиями, сахаром...

...Теперь партия ставит задачу: используя возросший экономический потенциал страны, обеспечить в возможно сжатые сроки устойчивое снабжение населения всеми видами продовольствия, существенно улучшить структуру питания советских людей за счет наиболее ценных продуктов».

Каждый должен внести свой вклад в решение Продовольственной программы — своим трудом, бережным отношением к тому, что производится.

Возрастающий уровень благосостояния мы не имеем права сочетать с возрастающей расточительностью: выброшенный кусок хлеба, горящая среди белого дня электрическая лампочка, бесполезно льющаяся из водопроводного крана вода — равносильны оскорблению труда земледельца, шахтера, энергетика, общего нашего труда...

И как важно воспитать в подрастающем поколении бережное отношение к народному достоянию, ко всему, что сотворено руками человеческими, и в первую очередь — к хлебу.

Эта книга посвящается тридцатилетию начала освоения целинных и залежных земель. Она — о первоцелинниках, о тех, кто вбивал первые колышки в ковыльной степи, и о тех, кто продолжает их дело, кто отдает все силы, чтобы произвести для народа как можно больше хлеба, мяса, молока и других продуктов. Она — и о нерешенных проблемах, их еще немало у нас в сельском хозяйстве, и говорить о них мы должны прямо и бескомпромиссно.

Серп и молот, звезда и пшеничный колос — символы нашего государства. Так пусть же всегда будет оно для нас святым — такое простое и такое великое слово — хлеб...

ЦЕЛИНА—ЭТО СИЛА
СОЗНАНЬЯ
И ТВЕРДАЯ ВОЛЯ.

О. Сулейменов

КОРНИ ХЛЕБА

«Урожай-83»... На экране засветилась эмблема с колосом, а затем диктор объявил:

— Стратегия сева. Советы лауреата Ленинской премии Героя Социалистического Труда академика ВАСХНИЛ Александра Ивановича Бараева.

Бараев... Выступает Бараев! И те, кто в эти напряженные дни думать забыл о телевизоре, отложат самые срочные дела, а уж эту передачу не пропустят. Я представляю сейчас у экранов многих своих друзей: агрономов и механизаторов, директоров совхозов и секретарей райкомов... Советы Бараева для них, как хлеб насущный. Впрочем, они и в самом деле обернутся по осени добротным целинным хлебом, и не только целинным...

— Маленькая поправочка,— мягко улыбаясь, говорит академик симпатичной ведущей. Вот вы только что привели цитату, в которой сказано, что наша система применяется на тридцати четырех миллионах гектаров. Это данные позапрошлого года. В прошлом же, 1982 году, плоскорезами обрабатывалось сорок шесть миллионов...

Вот так. За год — прибавка на двенадцать миллионов гектаров. Бурятия и Украина, Поволжье и Сибирь, Приамурье и Кубань... Почвозащитная система, родившись на опытных полях Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства в Шортанды, утвердившись на освоенной казахстанской целине, начала триумфальное шествие по Союзу и за его пределы: противоэрозийную технику осваивают в Монголии, приезжают за опытом из других азиатских и африканских стран, полям которых угрожает засуха и кошмарный бич земледелия — ветровая эрозия. В книге отзывов музея института (да, уже есть такой музей, в экспонатах которого отражен четвертьвековой путь исканий и борьбы бараевского коллектива) я обратила внимание на краткую запись товарищей из ГДР: «Если однажды наступит такой день, когда мир победит голод, то в этом большая заслуга будет принадлежать ученым ВНИИЗХ».

Долго бродила я по залам этого уникального в своем роде музея, пропитанного запахом хлебных колосьев и сухих степных трав, и в памяти воскресали события двадцатилетней давности...

I. ЗЕМЛЕ НУЖЕН ЧАПАН

Лето шестьдесят третьего выдалось небывало знойным. Плавились ледники, бурлили горные речки; жители Алма-Аты, не опомнившиеся после иссыкской трагедии, тревожно вскидывались по ночам, боясь нового селя. А тут с целины приходили вести одна мрачней другой: хлеба выжжены дотла, на полях бушуют черные бури. «Понесло» целину; весь плодородный слой подняло в воздух, какой уж там урожай!

— Вот что, Галина Васильевна,— сказал мне в начале августа главный редактор журнала «Простор» Иван Петрович Шухов.— У меня к вам великая просьба: нужно съездить в Шортанды, в Институт зернового хозяйства. Там, говорят, сумели выстоять перед засухой и вырастили неплохой урожай. А сейчас так важно поддержать в людях веру в будущее целины.

Признаться, я растерялась. Выросла я в селе и учительствовала после окончания филфака Хабаровского пединститута в сельской школе; работать на колхозных полях с учениками приходилось, но вот насчет агрономических познаний — увы... Ехать предстояло в цитадель науки, всесоюзный институт. Неужели Иван Петрович всерьез верит, что я справлюсь с его заданием? Всего полгода минуло с тех пор, как наша семья переехала в Казахстан с Дальнего Востока, в «Просторе» я работала с апреля и уже успела «провалить» первое задание редакции; очерк, привезенный мною из Экибастуза, был забракован. Что ж, видимо, Иван Петрович решил дать мне «последний шанс»...

— Должно у вас получиться, вот увидите...

И так хорошо, по-доброму были сказаны эти слова, что я решила рискнуть. Последний — семейный — вопрос: на кого оставить детей (мужа тоже могли со дня на день отправить в командировку) был разрешен просто: сын будет с отцом, а я беру с собой в Шортанды девятилетнюю Машеньку.

Сквозь вагонное стекло, покрытое толстым слоем пыли, открывались глазу выжженные поля, на которых

паслись тощие коровы, срывая чахлые былинки; урожай был уже списан...

«Распахали целину, сняли сливки в первые годы, а теперь не спрашивай... Отдала землица все, что могла...» — настроение у пожилой супружеской пары, ехавшей с нами в купе, было далеко не радужное. Я пыталась что-то возразить, поспорить, но мои аргументы, вроде «что-нибудь же придумают, нельзя же так», разбились о жесткий вопрос: «А вы хоть представляете себе, что такое ветровая эрозия?..»

Дочь посмотрела на меня с сочувствием. Хорошо хоть, что я не брякнула раньше насчет цели своей командировки...

— Скоро ваша станция! — сказала проводница, отдавая мне билеты и забирая постельное белье. — Не прозевайте, поезд стоит недолго.

«Ваша станция!» — знала бы я, порядком трусившая тогда в душе, что эти слова окажутся для меня пророческими, что будет тянуть меня сюда, как магнитом, многие годы... Нет, тогда ничего такого я не предчувствовала, мы вышли в тамбур, я протерла дверное стекло и вдруг ахнула от изумления:

— Машенька, посмотри!

Неслись навстречу высокие тополя, а за ними, за ними... Как оазис, как чудо в этом испепеленном пространстве: сдобная желтизна хлебов, зеленые массивы кукурузы... Что это там, вдали, цветет бело-розовым? Кажется, гречиха?

С грохотом пронеслись по мосту через пересохшую речку — позднее выясним, что зовут ее Дамса, и заодно узнаем, что Шортанды означает «Щука там»...

Итак, выходим из вагона, и горячий, но все равно вольный после душного купе ветер встречает нас...

Институтский поселок ничем не отличался от тех, какие мы видели из окна вагона: дома, в основном, барачного типа. Нам указали научно-административный корпус — небольшое двухэтажное беленое здание, — рядом еще стояло тогда приземистое саманное строение клуба, в котором, за неимением другого места, проходили собрания коллектива, заседания Ученого совета. Рассказывали, что в такой же «саманушке» в первые годы существования института размещалась и администрация, и наука...

Недавно, листая старые блокноты, я нашла запись рассказа Александра Ивановича о той, первой весне 1957

года, когда он стал директором института, созданного на базе Опытной станции:

«...Представляете — бездорожье, двенадцать землянок — весь жилищный фонд, и вокруг — запущенные, заросшие сорняком поля... С чего начинать? Строиться? Людей-то ведь негде селить. Нет, первоочередное — сев... «Всего» двенадцать тысяч гектаров было у нас на первых порах, не то что сейчас — больше сорока тысяч; но управиться было нелегко: ни людей, ни машин. Пришлось ждать, когда соседние хозяйства отсеются, обращаться к ним за помощью. Самый поздний сев у нас в районе получился, а урожай собрали чуть не вдвое выше, чем другие хозяйства — по 18 центнеров с гектара. Что это — везение, случайность? Предстояло разобраться. Нужно было создавать научный коллектив, и должен вам сказать, что на первых порах ехали к нам истинные энтузиасты. Жили в землянках; если уж дождь пройдет, то грязи по колено, воду носили с реки за километр, ну и со снабжением продуктами тоже было нелегко. Но здесь для людей мысли и дела было главное: простор, широкие возможности для эксперимента...»

Рассказывал мне это Александр Иванович уже в 1967 году, когда отмечался десятилетний юбилей, в честь которого институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а тогда, в августе 1963-го, первая наша встреча с Бараевым вышла не такой уж доверительной.

...Оставив дочь в приемной, я храбро перешагнула порог директорского кабинета... Бараев сидел за столом. Высокий, очень высокий лоб, светлые, холодноватые, как мне показалось, глаза с острыми зрачками, аккуратный маленький рот.

Признаться, в своем первом очерке о шортандинских ученых «Наука, засуха, урожай» я погрешила против истины, сообщив читателю, что первая моя беседа с Бараевым в его кабинете продолжалась около двух часов — это был, так сказать, «художественный прием». Два часа, а, может, и больше, мы будем беседовать уже в Алма-Ате, куда Александр Иванович как раз приедет по делам, а я, по совету инструктора сельхозотдела ЦК Компартии Казахстана (почему понадобится обратиться с очерком в Центральный Комитет, об этом — позже), приду к нему в гостиницу «за консультацией». Вот тогда-то Александр Иванович, прочитав материал, еще несколько часов будет втолковывать мне азы новой сис-

темы, после чего мой опус вдруг обретет «второе дыхание».

А при первом нашем знакомстве Александр Иванович начал с того, что охарактеризовал обстановку. «Напади такая засуха на земледельца-единоличника — пропал... Хозяйства наши государство поддерживает. Маловеры, чувствуете, как оживились: дескать, по ошибке целину освоили. А мы твердо верим в будущее целины, только надо взглянуть на нашу землю другими глазами, понять ее требования... Мы ведь тоже по существу целину поднимаем, те приемы земледелия, которыми пользуются на Кубани, на Украине, в Центральной черноземной полосе, в Заволжье, здесь у нас мало эффективны и порою даже вредны. Приехали на целину люди из тех мест, многие стремятся работать по старинке, по привычке. Приходится попросту ломать, выкорчевывать десятилетиями укоренявшиеся представления. А многие журналисты — колюче-пытливый взгляд в мою сторону,— не разобравшись, ввязываются в «драку», и порой только дело портят, даже нам сочувствующие... Самое вредное, когда держат нос по ветру. Ветер-то и повернуться может... В общем, изучайте литературу, встречайтесь с нашими учеными, с кем именно, вам подскажут, побывайте на полях, а там еще побеседуем...»

Дали нам с дочкой пустовавшую комнату в аспирантском общежитии, и мы устроились почти как дома. Вечером пошли прогуляться. Солнце опускалось за вершины тенистых лип, выращенных еще работниками опытной станции: с 1935 года здесь начал работать известный селекционер, впоследствии академик ВАСХНИЛ, Герой Социалистического Труда, ученик и последователь Николая Ивановича Вавилова — Валентин Петрович Кузьмин. Он и его сотрудники создали в голой степи зеленый оазис, а уж строительство развернулось с приходом Бараева.

Хорошо было идти по мягкой проселочной дороге, следить, как кружатся у лесополос пестрые бабочки. Ветер то наносил медовый запах с гречишного поля, то веял тонким ароматом цветущего картофеля, то отдавал горьковатым полынным духом... Нас обогнал трактор «Беларусь», тащивший кузов-прицеп. В кузове была мебель, хозяин одной рукой придерживал трюмо, другой книжный шкаф, а жена его сидела рядом с трактористом, поглаживая кошку, которая так и норовила спрыгнуть под колеса.

Ученые, нажившиеся в бараках и землянках, переселялись в благоустроенные, на двух уровнях, коттеджи. От дороги дома заслонялись тенистыми березовыми аллеями, а дальше, к Дамсе, раскинулся молодой плодовый сад.

Но много было вокруг и пустырей, на которых еще только предстояло пролечь асфальтированным улицам с добротными жилыми домами, магазинами... Лишь в проекте были новая прекрасная школа, Дворец культуры, а то пространство, в которое должен был со временем вписаться главный лабораторный корпус, еще свободное, пылало вечерним закатом, подчеркнутым темной тучей на самой кромке горизонта.

— Солнце-то в тучку нырнуло, похоже, к дождю,— сказала дежурная, когда мы вернулись в общежитие.— Вроде бы и некстати. Хлеб убирать пора.

Она не ошиблась. Со следующего дня зарядили проливные дожди...

На поля не выедешь. Сижу в институтской библиотеке. Из водосточной трубы за окном такой поток, будто наверху качают воду мощным насосом. Доставая с полок тяжеловесные панели газетных подшивок, библиотекарша вздыхает и говорит шепотом:

— Такие бы дожди в мае, в июне — была бы целина с хлебом.

Шепотом потому, что здесь, за длинным столом, много работающих.

Подшивки сразу же занимают четверть стола, даже неудобно перед соседями.

Я храбро открываю первую из них —«Сельская жизнь»— 1961 год... И сразу же на меня обрушивается холодный поток, похлеще, чем там, за окном, из водосточной трубы...

Корреспондент «Сельской жизни» Н. Косолапов в статье с поэтическим названием «Грустная баллада о Снегурочке» в пух и прах разносит директора института А. И. Бараева за его рекомендации.

— Что это за оптимальные сроки сева?— грозно вопрошает корреспондент.— Никто этого толком и понять не может...

Статья написана гневно, с лирическими отступлениями. Насколько я поняла, суть ее такова.

Бараев рекомендует не торопиться весной сеять, а выжидать середины мая, непонятно, с какой целью. А потом хлеб может не вызреть, попасть под заморозки.

И такие рекомендации эти ученые осмеливаются давать окружающим совхозам, более того, некоторые руководители даже идут у них на поводу... В общем, не нужны целине такие ученые...

Кончаю читать, сижу ошеломленная. Что же это такое? Скашиваю глаза — что читает мой сосед, аспирант. Ага, кажется, просто фантастический рассказ в газете. Значит, можно отвлечь его.

— Скажите,— шепчу ему,— вы читали вот эту статью?

— Какую?— с любопытством заглядывает в подшивку аспирант.— А... грустная баланда...

— Как, как вы сказали?

— Баланда!— неожиданно громко говорит мой сосед. Библиотекарша вздрагивает, поднимает голову от своих картотек и укоризненно качает головой.

— Вы еще не были у нас на опытном поле «Сроки сева»?— спрашивает аспирант опять шепотом.

— А что, разве есть поле с таким названием?

— Есть. Ведет там опыты под руководством Бараева наша аспирантка, Майя Карпенко. Очень советую съездить.

Аспирант снова углубляется в фантастику. А дождь все хлещет и хлещет. И, как холодные капли за воротник, ползут слова новых заметок, новых статей уже в газете «Целинный край».

«Борьба с рекомендациями, выработанными на опытных делянках Шортандинского института, занимает немаловажное место в наступлении за большой хлеб целины»,— пишет один известный директор совхоза.

Лихорадочно листаю подшивки — дальше, дальше... И вдруг в декабре 1962 года «Целинный край» делает крутой поворот на все 180 градусов.

Читаю и глазам не верю: та же газета, что 10 января 1962 года опубликовала статью, направленную против института, 30—31 декабря этого же года печатает статью В. Чиркова — «Глубина анализа пять лет», полностью противоположную. Оказывается, те, кто 1 мая отрапортовал, что уже отсеялся, собрали в три-четыре раза меньше тех, кто сеял в те самые «оптимальные сроки», которые рекомендовал институт.

Конечно, статья Чиркова написана не с таким запалом, как вышеупомянутая «Баллада», в ней преобладают цифры и делают ее более похожей на арифметиче-

скую задачу. В задачнике по арифметике она примерно выглядела бы так:

«В совхозе «Песчанский» Павлодарской области, где директором товарищ Выдрин, в засушливом 1962 году засеяли пшеницей часть полей во вторую пятидневку мая, другую часть в третью пятидневку и так далее. Сев шел в течение двадцати дней. Посевы второй пятидневки дали по 5,4 центнера с гектара, третьей пятидневки — 6,8 центнера, четвертой — 9,2 центнера, пятой — 8,5 центнера. Спрашивается, когда выгодней начинать сев?»

Еще:

«Все годы, начиная с 1958, товарищ Выдрин обычно начинал сев во второй декаде мая, невзирая на то, что его громили на всех совещаниях за медлительность и раскачку. Исключение составил 1961 год, когда он, проявив послушание, отрапортовал об окончании сева 1 мая и попал на Доску почета. В 1958 году в совхозе был средний урожай 13 центнеров с гектара, в 1959 — 10, в 1960—9, в 1962 году, очень неблагоприятном и засушливом, когда в соседних совхозах собирали всего по 3 центнера с гектара, Песчанский совхоз собрал по 8,5 центнера с гектара.

А в 1961 году, довольно благоприятном, собрали всего по 5 центнеров с гектара. Вот тебе и Доска почета!»

Впрочем, это восклицание, кажется, уже не в духе арифметической задачи. Так когда же выгодней сеять?

А впрочем, подождем с решением. Дождь, кажется, кончается, вот и небо голубое в прорывах туч. Завтра, наверное, удастся, наконец, вырваться на это поле с необычным названием — «Сроки сева».

Когда мудрец спотыкается, за ним спотыкаются тысячи — эту поговорку я слышала в институте не раз. Да, рекомендации «мудрецов» — дело очень рискованное. А как же институтские рекомендации? Достаточно ли прочная у них основа?

— Прочная ли у нас основа?— переспросил Павел Петрович Колмаков, заведующий отделом земледелия, когда мы вместе ехали в поле.— Основа — гранитная.

— Фигурально, конечно?

— Нет, что вы, буквально. На граните стоим. Как ни бились, до воды не могли добраться. Пробурим землю на тридцать метров, а там — гранит. Так и возим воду издалека. Некоторые приедут, взглянут на наши поля: «Ну, у вас, навероe, условия... Орошаете втихо-

молку». А потом приглядятся: «Э, да у них и воды своей нет». Последние годы речушку Дамсу плотиной перегородили, талые воды собираем, теперь и с неводом побродить можно.

Рано по утрам мы с Машей видим Павла Петровича из окна: вместе с дочерью он обычно несет с речки в детской ванночке мокрые сети. Правда, улова мы что-то не замечали ни разу.

Кое-кто шутит, что за Павлом Петровичем на берег увязывается кошка, она и съедает улов.

Но шутки в сторону — мы на том самом опытном поле «Сроки сева», где ведет опыты аспирантка Майя Карпенко.

Павел Петрович идет по тропе впереди, массивный, широкоплечий, в огромных болотных сапогах с отвернутыми вниз раструбами, такому гранитный фундамент в самый раз.

— Обращайте внимание на таблички со сроками,— предупреждает он.

«Посев произведен 26 апреля»— на делянке с этой табличкой вообще не пшеница, а жалкие сухие былинки, над которыми гордо развесил сережки крепкий зеленый сорняк — овсюг. 30 апреля — здесь колоски, но какие! В них по два-три зернышка, а какие редкие, низенькие стебли, и как торжествующе качаются над этим нищенским урожаем роскошные серьги овсюга!

5 мая — чуть лучше... Но почти все так же. Еще несколько шагов — десятое мая... О, здесь пшеница чувствует себя уже уверенней, а овсюг не так нахально ведет себя. Пятнадцатое-двадцатое мая — вот где настоящий урожай! Клонятся вниз литые колосья, а овсюга и в помине нет. Двадцать пятое-тридцатое мая — здесь урожай еще лучше, пшеница в пояс, но колосья еще зеленоватые.

— На эти сроки мы совхозы не нацеливаем,— говорит Павел Петрович.— Хоть урожай еще богаче, но пшеница может не вызреть, попасть под заморозки.

Дальше — опять сухие былинки. Смотрю на табличку: «Посев произведен 26 апреля». Значит, опыт начинается снова. Придирчивая проверка ведется по широким ступеням: пшеница выше, гуще. Опыт повторен шестнадцать раз: по удобренному пару, по зяби и так далее. Везде одно и то же: растения ранних посевов отличаются от среднемайских, как хилые карлики от сильного, полнокровного племени. А ведь поле одно и то же,

одни семена, даже один тракторист со своей сеялкой работал здесь...

Но почему так получается? Не успевает прогреться земля? И это бывает. Но главная причина в другом.

Мне долго и терпеливо объясняли ее, и вот какие картины возникли у меня перед глазами.

Первого мая в совхозе... впрочем, таких совхозов тогда еще было достаточно,— гремели оркестры. Директору вручали переходящее Красное знамя за успешное окончание сева.

Между тем зерно, брошенное в землю, не дремало. Оно торопилось прорасти. Но не дремали и зерновки овсюга — их здесь была тьма-тьмущая. И когда поле зазеленело, трудно было отличить, где всходы пшеницы, а где овсюга.

Уж так устроено зерно пшеницы, что на первых порах оно может пустить всего 3-6 корешков, они идут глубоко, но много ли ими возьмешь влаги?

Овсюг же сразу развивает мощную корневую систему и тут начинается грабеж среди бела дня. Ладно, если пойдут дожди, но в мае, в начале июня на целине это явление редкое. Максимум летних осадков здесь в июле-августе.

А пока сухой горячий воздух обжигает почву, заставляет листья растений испарять последнюю влагу. Поменьше бы их сейчас, этих листьев, но пшеница посеяна рано, и кущение наступает неотвратимо, в свой срок. А чем больше листьев, тем больше площадь испарения. Растение дышит, как загнанная лошадь, жадно пьет последнюю влагу, которую тут же отбирает палящее солнце, и листья, как говорят в народе, «пекутся», начинают желтеть.

Дело осложняется тем, что пшеница не может образовать вторичные корни: то междоузлие на стебле, из которого идут вширь эти корни, развивается только во влажной почве. Нет влаги — нет вторичных корней. Нет дождя. Суховеи не унимаются. А пшенице время колоситься. И она выбрасывает колос. Выбрасывает любой ценой — пусть слабый, маленький, но колос.

Чешет затылок директор совхоза: поди ж ты, и зябь поднял, и отсеялся раньше всех, а семена опять просить у государства придется. Засуха проклятая...

А в соседнем совхозе директор не торопился сеять. «Что ты думаешь, уже 7 мая, в соседнем совхозе всходы появились»,— звонили ему из района.

Он отшучивался:

— И у меня всходы.

Поля, действительно, зеленели, только всходами овсюга. Еще в конце апреля овсюг «спровоцировали»— прошлись по полям лущильниками, и овсюг, обрадовавшись теплу, рыхлой земле, пачками полез на свет божий. По полям прошлись культиватором, а теперь по чистому полю в середине мая начали сеять пшеницу.

У этих всходов была совсем другая обстановка: влагу у них никто не отбирал, да и закрыли ее вовремя, куститься растения начали значительно позже, значит, и здесь влага сохранилась, не испарялась зря. Поэтому они сравнительно легко перенесли майско-июньские суховеи.

А незадолго перед тем, как пшенице пойти в трубку, заколоситься, пошли летние дожди, обычные на целине. Растениям эти дожди попали, как любит выражаться Павел Петрович, «прямо в рот».

Не гремели оркестры в честь этого директора совхоза, не было его портрета в районной газете, но добрый урожай он убрал вовремя, без потерь, зерно вполне вызреть успело, с государством рассчитался, на семена оставил. Так-то...

Мы дошли до конца поля, возвращаемся назад.

— Было это в 1926 году,— вдруг начал вспоминать Павел Петрович.— Я тогда только что окончил агротехническую школу. И приехал в село, в Шадринский район. Ну, это в Зауралье, где впоследствии Терентий Сергеевич Мальцев прославился, кстати, мы с ним друзья большие, вместе работали. Собрал я крестьян и стал с ними агротехническую беседу проводить — как хлеб выращивать.

Слушали они меня, грех жаловаться, внимательно. А кончил я — встает один старик, голова белая, седая борода по пояс:

— Что ты там, милок, ни толкуй, а коли в неделю до Миколы посеешь, всяды с хлебом будешь... И в засуху, и в дожди.

А в «Николин день» — по старому 9 мая, по новому 22-го. Так вот, значит, по народным приметам лучшие сроки сева были в «неделю до Миколы», то есть с 15 по 22 мая.

Я тогда усмехнулся только, но, вот уже скоро сорок лет с того дня, провел я тысячу опытов и к тому же при-

шел: лучший урожай дает пшеница, посеянная с 15 по 22 мая. Вот они, народные оптимальные сроки.

Конечно, пока мощной техники в колхозах не было, и думать не приходилось, чтобы в эти сроки уложиться: ведь сев более чем на месяц растягивается.

А сейчас можно. Сев в оптимальные сроки требует большого напряжения сил, четкости, слаженности, но потом все это сторицей окупится.

Разумеется, у каждого района свои особенности, у каждого года — также. И навязывать «оптимальные сроки», как панацею от всех бед, мы не собираемся. Сроки эти сами себя оправдали, и сторонников у них с каждым годом все больше.

Я еще раз окидываю взглядом это необычное поле, где сухие, жалкие былинки чередуются с царственно мощными растениями, и мне, как в стихах Некрасова, «кажется, шепчут колосья друг другу...» Шепчут о том, что пора наконец всем как следует изучить законы их развития, законы целинной природы. И вести земледелие не по команде «сверху», а как того требует сама целинная земля.

Павла Петровича в институте в шутку прозвали «Овсюжный генерал». Можно сказать, всю жизнь он посвятил поискам эффективных методов борьбы с овсюгом и другими сорняками.

Овсюг... С детства помнятся мне его острые семена — зерновки с изломанной, как паучья ножка, шершавой остью.

Сбрызнешь такую зерновку водой, а потом положишь на землю... Зашевелится паучья ножка, начнет подниматься, опускаться, и поползет овсюжья зерновка по земле, словно хищное насекомое, ища в почве местечко поудобней, куда можно зарыться до весны...

Упоминания об овсюге встречаются в сочинениях древних. Вергилий горько жаловался на один из засушливых годов: «Ожидание обмануло пустыми овсами». А Катон советовал: «Старайся полоть свой посев и вырывать бесплодный овес».

Хитрый, страшно выносливый, этот сорняк напоминает оборотня из старинных сказок: в любую щель пролезет, ни огня, ни меча не убоится. В Западной Сибири овсюги стали причинять большие бедствия после 1891 года, когда была большая засуха. Все посевы выгорели, а овсюг выжил и в 1892 году дал обильнейшие всходы,

Овсюг вытеснил, задушил хлеба и снова обрек крестьян на голод.

— Овес —«полетай» страшнее засухи,— жаловались крестьяне... Что мы только с ним ни делали, даже землю солили, говорят, выедает,— ничего не помогло.

Целые села бросали возделанные поля и уходили в другие губернии...

И вот этот древний оборотень с лихорадочной быстротой стал плодиться на новых целинных землях. К 1962 году добрая треть Целинного края оказалась сильно заовсюженной. Даже семян не могли вернуть с таких «замоховелых» полей — прямо скашивали на корм скоту, а некоторые — сжигали.

Само понятие «урожайность» стало относительным. Газета «Сельская жизнь» в 1961 году рассказывала, что в Рузаевском районе Кокчетавской области лежало на токах около четырнадцати миллионов пудов зерна. А когда проверили, оказалось, что чистого зерна всего девять миллионов пудов. Остальное — семена сорняков. Пять миллионов пудов семян сорняков произвел один район — жуткая цифра!

Запустить землю — трудность не велика, а можно ли теперь полностью изгнать с полей овсюг, этого древнего оборотня?

Методам борьбы с овсюгом Павел Петрович посвятил свою кандидатскую диссертацию. Перед этим семь лет работал председателем колхоза в Шадринском районе Курганской области, соревновался с почетным академиком Т. С. Мальцевым в выращивании высоких урожаев.

Победу друзья разделили по-братски: Мальцев добился самой высокой урожайности в области с гектара, а Колмаков — опередил его в средней урожайности со ста гектаров.

Когда Колмаков принимал колхоз, поля были сплошь заовсюжены, а когда уходил — трудно было найти на полях хоть один стебель овсюга.

Между тем из Целинного края в Зауралье приходили тревожные вести: овсюг свирепствовал с каждым годом все сильнее.

— Еду в Целинный край,— пришел Колмаков в Курганский обком КПСС.

Пытались удержать, но несмело, только пошутили на прощание:

— На целине овсюг искоренишь, куда поедешь?

— Вашими бы устами мед пить,— отшучивался Колмаков.— Согласен тогда идти на пенсию

Пройдут годы, и Павел Петрович действительно уйдет на пенсию, уедет в Челябинск, к давно звавшим его детям и внукам... А что же овсюг? Уж не почувствует ли он, что нет больше на целине «Овсюжного генерала», потому что где-то в конце 70-х — начале 80-х годов вдруг снова даст опять такую вспышку размножения, что ученым и производственникам придется срочно искать новые меры борьбы с ним. Хитрый, коварный, как вирус, способный десятилетиями лежать в почве, дожидаясь своего часа, почти неуязвимый для гербицидов, он, похоже, «уяснит» весеннюю стратегию земледельца и решит всходить попозже, вместе с пшеницей — мол, попробуйте, возьмите-ка меня теперь... Да, не приходится нам особо обольщаться победами над матушкой-природой, над любым ее творением, и вряд ли настанет время, когда хлеб земледельцу будет даваться легко и просто. «Подрыв иллюзий ценен тем, что отучает от соблазнов простоты, подстерегающих нас на каждом шагу». (Юлий Медведев —«Безмолвный фронт», издательство «Советская Россия», 1969 год.)

Постоянный поиск, постоянная бдительность... Самым надежным способом борьбы с овсюгом и другими сорняками по-прежнему остаются чистые пары, но тогда, двадцать лет назад, они многим казались лишь временной необходимостью, и не мною было выдумано то, что я наивно-успокоительно писала в своем очерке:

«Конечно, когда с сорняками удастся расправиться полностью, площадь паров можно будет и сократить...»

Пары до поры... А там, дескать, и отпадет в них надобность. Да, о парах в то время, если и говорили, то стыдливо, с оговорками. Еще считалось ценным указанием каждое слово академика Лысенко, а уж он-то был ярый противник паров, считая их зряшной тратой земли. Тогда, в институтской библиотеке, я записала выдержки из его речи, произнесенной, когда он приезжал в Целиноград — специально поближе ознакомиться с трудами шортандинских «крамольников»— ведь их рекомендации во многом шли вразрез с его установками.

«Я по специальности агрономический биолог,— сказал академик, обращаясь к целинникам.— Мне также хочется непосредственно своим трудом участвовать в вашем большом деле. Позвольте мне, исходя из моей

специальности, дать несколько советов по улучшению земледелия в районах Северного Казахстана...»

Между прочим, еще в прошлом веке крупный агроном А. Д. Измаильский писал: «Сельское хозяйство, прежде всего, есть дело местное: улучшение в нем главным образом обусловливается борьбой с местными препятствиями, оценка которых из «прекрасного далека» приводит лишь к одним ошибкам. Изучение их «проездами» тоже дело малопродуктивное».

Трофим Денисович думал по-иному. Он «исколесил», как писали газеты, 2000 километров целины и считал, что этого вполне достаточно. Прежде всего он твердо и категорично заявил, что на целине нужно сеять не во второй половине мая, как привыкли делать старожилы, как рекомендовали ученые-целинники, из года в год проводившие опыты по срокам сева, а в апреле («Сей в грязь — будешь князь!»).

Легко и просто академик разбивал доводы против раннего сева.

Всходам угрожает засуха? Чушь! Всем известно, что весной самая высокая влажность почвы!

Семена, посеянные в холодную землю, плохо прорастают? Так нужно сеять озимые (это при малоснежных-то целинных зимах с лютыми морозами).

И с бичом целинных полей — овсюгом, оказывается, было очень просто разделаться, если следовать советам академика. Откуда берется овсюг? Из овса. Овес перерождается в овсюг. Как образно подметил академик, семя овса «беременно» овсюгом, поэтому не надо на целине сеять овес, а надо сеять кукурузу. Кукуруза не «беременна» овсюгом, и притом квадратно-гнездовой способ обработки кукурузы, которую надо сеять вместо паров, поможет очистить даже те поля, которые уже засорены.

Все очень просто, а шортандинские ученые мудрят и сами не знают, чего мудрят.

«Надо иметь в виду не стометровые делянки в опытном учреждении,— резюмировал академик после длинной тирады, направленной против директора института А. И. Бараева,— а миллионы гектаров в совхозах и колхозах Западной Сибири и Северного Казахстана...» Лжеученый, особыми обстоятельствами вознесенный над другими, он пытался перечеркнуть и опорочить многолетний труд целого коллектива. Счастье, что этот кол-

лектив оказался очень жизнеспособным и выстоял, несмотря ни на что.

Дни бежали быстро. Уже и срок моей командировки кончился, и я позвонила в Алма-Ату Ивану Петровичу, попросила продлить.

— Живите там, сколько будет нужно, отвечал он,— только привезите серьезный материал...

Здесь часто бывали экскурсии производственников. Однажды с такой экскурсией приехал пожилой грузный мужчина. Ходил, смотрел, слушал — все как-то безучастно: то ли неинтересно ему было, то ли болел зуб — он все время за щеку держался. И вдруг, увидев невысокую женщину — мне она показалась похожей на учительницу,— бросился к ней и неожиданно тоненьким голоском закричал:

— Александра Алексеевна! Мамочка родная! И вы здесь!

А потом всю экскурсию восторженно рассказывал своим спутникам об Александре Алексеевне Зайцевой, в прошлом главном агрономе опытного поля Карагандинской области.

— Это же человек! Знаете, какой человек! Душа! А землю как понимает... Ну, раз такие люди в институте... Это ж, ну просто мать родная...

С Александрой Алексеевной мы сошлись как-то быстро, может быть, тут и Машенька сыграла свою роль, детей она любила, внуки, хотя и жили отдельно, у нее дневали и почевали, и столовая больше походила на детскую: куклы на пианино, куклы на серванте и в углу куча игрушек.

Вот сейчас я думаю, что если бы та, первая встреча с Зайцевой оказалась для меня и последней, насколько бы обеднела моя жизнь!

Все мягко, приглушенно было в ней: круглое доброе лицо, спокойный, неторопливый голос... И вдруг сквозь линзы очков блеснет такой цепкий, такой пронзительный взгляд, что моментально улетучится атмосфера благодушия — останется сущность — четкая, точная, беспощадно логичная...

«Мыслить почвой»,— это был ее любимый афоризм. И я поражалась терпению, с каким она внушала мне самые элементарные, но не известные мне истины.

На столе у Александры Алексеевны довольно толстый альбом, в каких обычно хранятся семейные фото-

графии. В этом альбоме — только одно лицо, лицо земли, охваченной тяжкой болезнью — ветровой эрозией. На фотографиях страшные картины этого бедствия. Вот кукурузное поле. Вернее, оно было кукурузным, а сейчас на всем поле видно только одно сломленное кукурузное растение — остальные срезаны пыльной бурей или просто погребены, засыпаны землей...

Погубленные посевы, барханы наметенной откуда-то почвы, глыбы снега, как слоеный пирог с черной начинкой,— оказывается, и зимой эрозия не прекращается, и ветры уносят плодородные частицы почвы, оставляя поля нищими и бесплодными.

Самая страшная трагедия в том, что разрушение почвы происходит очень быстро, иногда в течение нескольких часов, а восстанавливается плодородие веками.

Предположим, на одном участке пыльная буря снесла верхний, самый плодородный слой почвы всего на два с половиной сантиметра. Казалось бы, не так уж и много. Но чтобы восстановить этот слой естественным путем, потребуется при хорошем растительном покрове от трехсот до тысячи лет... Искусственным путем восстановление плодородия почвы идет значительно быстрее, но все равно требует времени, огромной затраты сил и средств.

Пылинка... Обычно так говорят о чем-то малом, ничтожном. А между тем с таких ничтожных пылинок, диаметр которых полмиллиметра, все и начинается. Когда дует сильный ветер, более крупные комочки почвы лежат на месте, а вот эти мелкие пылинки начинают вращаться, подскакивать, как камешки, брошенные по воде. Одна пылинка толкнет другую, другая — третью, вот их уже много, и они начинают действовать на более крупные частицы, разрушать их частыми ударами, а то и просто сдвигать с места. Количество скачущих частиц, мелких и крупных, нарастает катастрофически, как при цепной реакции.

Так, эрозия, начавшись на небольшом участке, где почва была более всего размельчена, за несколько часов распространяется на все поле, а потом и на соседние, на огромные пространства.

— Виновники этого бедствия — мы сами,— говорила Александра Алексеевна.— Мы сами готовим почву к эрозии. Ведь если земля сплетена корнями растений, ни о какой эрозии и речи быть не может. А у нас она во-

семь месяцев в году лежит раздетая, беззащитная — и намокает, и высыхает, и замерзает, и размерзается. Да еще обработкой распыляем, чего стоят одни гладкие катки. Они же в муку землю перемалывают.

— Но неужели нельзя ничего предпринять?

Александра Алексеевна отодвигает в сторону альбом:

— Все эти снимки были сделаны несколько лет назад у нас на полях. Наш институт разместился на землях, которые когда-то принадлежали маломощным хозяйствам. Получили мы от них в наследство запущенные поля, сорняки и вот эту страшную болячку — эрозию почвы. Теперь от всего этого только фотографии остались. С эрозией на полях института мы покончили полностью.

Ученые рекомендовали безотвальную обработку пашни, укрепление лесопосадками оврагов и песков, полосное размещение культур, посев многолетних трав на массивах с легкими почвами.

У Александры Алексеевны все эти меры объединялись в несколько слов: «Земле нужен чапан».

— Вы не задумывались,— говорила она,— почему старые казахи и зимой и летом ходят в этаком ватном чапане? Да потому, что зимой этот чапан спасает от холода, весной от ветров, летом от перегрева. Вот и земле нужен такой чапан. И этот «чапан» ежегодно «шьет» для себя сама земля, создавая растительный покров.

Многим, наверное, доводилось ходить по жнивью. Как густо торчит колючая щетка стерни — идешь, не поднимая босых ног, чтоб не поколоться, скользишь по стерне, придавливаешь ее к земле. А она опять встает за тобой, словно это сама земля ощетинилась: дайте мне отдохнуть, немало я поработала за лето...

Но уже гудят в поле тракторы, тащат за собой многолемешные плуга с отвалами — пора поднимать зябь. Какая уж тут стерня! Во многих хозяйствах даже выжигают ее, чтоб не мешала, а если не выжгут, то все равно запашут на большую глубину.

— Ну что же делать? Ведь нужно обрабатывать почву.

Почву обрабатывать нужно, но по-другому, совершенно по-другому.

— Вся наша беда,— говорила Александра Алексеевна,— что у нас по всей стране — от Хибин до Кушки —

землю обрабатывают плугом одной марки. А для каждой полосы нужны свои орудия. На целине, в подавляющем большинстве, должны применяться орудия для безотвальной обработки почвы, сохраняющие на поверхности земли максимум растительного покрова.

Снова открывается «семейный» альбом.

— Вот орудия, которые сейчас испытываются в нашем институте. Они сохраняют от 50 до 90 процентов стерни.

Я не в силах сдержать улыбки. На снимках — какие-то чудаковатые сооружения то на двух, то на трех птичьих лапах...

— Их в работе надо увидеть,— поняла Александра Алексеевна мое недоумение.— Обратитесь к заведующему отделом механизации Борису Михайловичу Печатникову, он вам все покажет и объяснит.

О том, как он оказался на целине, Борис Михайлович рассказал, когда мы вместе с ним ехали в зеленом фургоне передвижной ремонтной мастерской на полевой стан смотреть новые машины.

Истый ленинградец, Борис Михайлович очень предупредителен:

— Не сквозит? Может быть, прикрыть одно окно?

И, укрепив хлопающую брезентовую фортку, продолжает:

— В детстве я о самолетах мечтал, о дирижаблях. Перед войной институт дирижаблестроения окончил. Работал в одном из проектных бюро в Ленинграде. А в 1954 году собрался и поехал сюда.

— Сами решили?

— Ну, как сказать? Многие ленинградские коммунисты ехали, и я в их числе. Откровенно говоря, я тогда знал о сельском хозяйстве только то, что хлеб на земле растет и что землю пахать нужно. Приезжаю в Целиноград: «Инженер? Очень хорошо. Поедете главным в совхоз «Двуречный».

— Обратите внимание на эти сосенки,— показывает в окно Борис Михайлович. Выстроившись на открытом ветрам холме, деревца храбро топорщат колючие ветки.— Им второй год пошел. Многие сомневались, думали, не примутся. Растут... Тут такой сосновый бор будет... Так вот, о чем мы говорили? Да, приехал я в совхоз и не знаю, с чего начинать. Осень, зябь надо поднимать. А что такое зябь? Да если бы я сейчас с такими знаниями по

сельскому хозяйству в любой совхоз явился, меня бы на второй день выгнали... А тогда ничего, сошло.

И не только «сошло». Совхоз развивался быстрыми темпами, а главный инженер... Уже в 1957 году к нему приезжали перенимать опыт раздельной уборки хлебов. А еще через год Бориса Михайловича пригласили на работу в Шортандинский институт.

Теперь он испытывал новейшие машины, которым суждено было произвести революцию на целинных полях, намного увеличить их урожайность.

Вблизи эти орудия уже не показались мне такими смешными и неуклюжими, как на снимках. Отточенные стальные крылья, явно созданные для быстрого напористого движения, сходятся углом, как у реактивного самолета.

Держатся они на стальных стойках, прикрепленных к массивной раме. Когда орудия начинают работать, крылья углом уходят под землю и уже не показываются, «летят» там, в глубине, режут корни сорняков, рыхлят землю, и все это на довольно большой скорости — 10—12 километров в час.

Взглянешь на такое поле, по которому прошел КПГ-250, что означает комбинированный плуг-глубокорыхлитель, и не поверишь сразу, что это поле уже обработано. Почти вся стерня как была, так и осталась стоять наверху, только там, где двигалась стойка, пролегли борозды.

— Ну что это за обработка?— подумаете вы.

Но попробуйте пройдите по этому полю, и вы почувствуете, как пружинит под ногами земля, взрыхленная на глубине до 27 сантиметров.

— А это культиватор-плоскорез,— показал Борис Михайлович.

У культиватора-плоскореза размах стальных крыльев еще шире, он захватывает сразу пять метров.

Правда, работает он на меньшей глубине, всего на 10—16 сантиметров. Оказывается, вовсе не обязательно ежегодно глубоко рыхлить землю, лучше чередовать: один год глубокое рыхление, другой год — мелкое.

Ну хорошо, эти плоскорезы оставят на поверхности стерню, а как сеять? Не будешь же разбрасывать семена прямо по стерне, все равно весной придется разрыхлять всю поверхность?

— Не придется,— улыбнулся Борис Михайлович.— Посмотрите, какая сеялка проходит у нас испытания.

Сеялка — культиватор. Таких мне еще не приходилось видеть. Она сразу выполняет несколько операций: готовит почву к посеву, сеет, вносит удобрения, прикатывает землю. Почву обрабатывают тоже подземные крылья-лезвия, только они во много раз меньше. Маленькие «самолетики», укрепленные на трубчатых стойках, развернутым строем врезаются в землю и идут на нужной глубине.

Если бы можно было, как корку с хлебного каравая, приподнять верхний слой земли, мы увидели бы, что в канавках, сделанных «самолетиками», остаются белозолотистые полоски — это пшеничные зерна и гранулы суперфосфата стекают внутри трубчатых стоек, ложась прямо в землю. А стерня наверху остается, чтобы защищать молодые всходы от суховеев, сохранять влагу.

Необыкновенные машины — результат труда многих людей. В их создании вместе с работниками Шортандинского института участвовали конструкторы Всесоюзного научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства, Казахского института механизации и электрификации сельского хозяйства, заводов «Сибсельмаш», «Алтайсельмаш», одесского завода имени Октябрьской революции. В 1963 году эти орудия уже выпускались на ряде заводов страны, но Казахстану требовался свой собственный завод противоэрозийной техники. Ведь нужна она была не только для борьбы с эрозией.

Пятьсот-восемьсот кубических метров воды, накопленных на каждом гектаре,— вот что дает сохраненная стерня!

Не случайно поэтому даже в засуху 1963 года институт собирал на отдельных полях с безотвальной вспашкой до 15 центнеров с гектара, а там, где для контроля провели отвальную вспашку,— 3 центнера.

— Попомните мои слова,— сказал Борис Михайлович,— большое будущее у этих машин. Они будут применяться не только на целине, но всюду, где засушливый климат.

В субботу, в двенадцатом часу дня, в институтский двор лихо вкатили три «газика» и, развернувшись, выстроились против главного корпуса.

Из крайнего «газика» пулей вылетел невысокий старичок в черной кожаной куртке и помчался вверх по лестнице.

— Где Бараев?

— Бараева нет,— степенно отвечает Валя-секретарь,— в Целиноград вызвали.

— Как же так?!— наливается кровью старичок.— Мне непременно Бараева!

С любопытством наблюдаю за этим боевым посетителем. Все у него наершено: седые кустики бровей, щеточка усов, даже волосы на голове, когда он снял кепку, и те встали ежиком.

— Скажите, пожалуйста, вы откуда приехали?

Приезжий круто поворачивается ко мне:

— А вы кем здесь?

— Да нет, я не здесь... Я из журнала...

Собеседник смягчается:

— Разрешите представиться: Гнедов, главный агроном Нуринского производственного управления. Был у нас этот Бараев на совещании. Наговорил с три короба, только людей с толку сбил. Дескать, новые законы в земледелии устанавливают. Чепуха! Я сорок лет агрономом, на Украине работал, на Кубани...

— А здесь вы сколько?

— Три года, какое это имеет значение? Отвальная зябь — основа урожая, а за мелкую вспашку я в тридцать пятом пострадал, тогда порядки построже были...

— Григорий Макеевич!— зовут со двора.— Где вы?

— Вы с нами будете? Держитесь ко мне поближе, все записывайте. Я им сегодня такой бой дам!

Старший научный сотрудник Клара Исмагуловна уже собрала всех экскурсантов.

— Вот кандидат сельскохозяйственных наук Павел Петрович Колмаков,— представляет Клара.— Он проведет обзорную беседу.

— Ну, что ж, идемте ко мне,— радушно приглашает Павел Петрович.

Ночью опять был ливень, и во дворе института, где ведутся строительные работы, такое месиво, того и гляди, по колено увязнешь. А приезжие — в парадных костюмах, в щегольских узконосых ботинках, как-никак в храм науки ехали. Они с завистью поглядывают на огромные с раструбами сапоги кандидата наук.

—Можно подумать, что городские явились, стиляги,— смущенно посмеивается молодой агроном, с разбегу одолевая очередную канаву.

— Не могут заасфальтировать,— ворчит Гнедов. Ему

явно все здесь не по душе. Беседу Павла Петровича он то и дело прерывает возгласами:

— Мелкая обработка почвы? Чепуха! Признаю только глубокую!

— Да ладно тебе, Макеич,— гудит из своего угла плечистый пожилой мужчина, которого зовут Александром Даниловичем.— Дай человеку лекцию закончить.

— А мы сюда не лекции слушать приехали, пусть они нам поля покажут...

Александра Алексеевна Зайцева беседу начинает, как со старыми знакомыми:

— Ну, как, братцы-карагандинцы, не унесло вас нынче?

Видя, что некоторые смотрят недоумевающе, поясняет:

— Эрозия как? Много полей испортила?

— Ой, много у нас в Нуринском,— вздыхают агрономы.— Только посеяли, а оно как понесет. Всходы и засекло.

— Ну и урожай?

— По полцентнера с гектара, а то и меньше.

Александра Алексеевна сочувственно качает головой.

— Вон у него в совхозе эрозия больше всех, у него,— с непонятным удовольствием кивает в угол Григорий Макеевич.

Сидящий в углу молодой агроном краснеет до корней волос.

— С чего же это?— участливо интересуется Александра Алексеевна.

— Гладкими катками прикатали,— глухо отвечает тот.

— Матушки!— чисто по-женски всплескивает руками Зайцева.— Да кто же вас надоумил?

Оказывается, она много лет работала под Карагандой, на опытной станции в Долинке, бывала и в Нуринском районе, знает, как легко тамошние земли поддаются распылению. Беседа заканчивается часам к двум. Все настолько воодушевлены, так хотят побыстрей увидеть институтские поля, что даже не хотят ждать трех часов, когда закончится обеденный перерыв в столовой. Впрочем, Григорий Макеевич настроен явно недоверчиво: уж его-то, мол, провести никак не удастся. Выезжаем за околицу.

— Гм...— усмехается Гнедов.— Дескать, дороги опа-

ханы, культура земледелия. А вы мне поля, поля покажите, да те, что поглубже, подальше от главных дорог.

— Туда и едем,— весело замечает молодой аспирант Банцат Копеев, которому поручили показывать поля.

— А это что у вас?— тычет в окно Гнедов на проплывающее мимо поле.

— Чистые пары,— отвечает Банцат.

— Пары... Чистые,— ворчит Григорий Макеевич.— Вся стерня наружу. Не нравятся мне ваши чистые пары.

— Старикам никому не нравятся,— с беспощадностью молодости рубит Банцат.— Не вы первый. Зато на этом поле эрозии не будет и хлеб знаете какой вырастет. А у вас поля без стерни, да что проку? Три пуда с гектара?

— Я еще вашего хлеба не видел!— кипятится Григорий Макеевич.— Может, этот?

Машина как раз остановилась у поля, на котором топорщатся довольно чахлые колосья.

— Такого-то хлеба у нас самих хватает,— злорадствует Григорий Макеевич, шагая по полю, и вдруг останавливается, словно запнувшись.

У его ног — четкая граница, за которой пшеница сразу становится выше, гуще, да и колосья вдвое, если не втрое, крупнее.

Банцат прячет в глазах усмешку и поясняет сухим лекторским тоном:

— Позади посев был произведен по отвальной зяби, впереди нас — по безотвальной.

— Значит, здесь без отвала пахали?— спрашивает Александр Данилович, пробуя на зуб крупные зерна.

— Без отвала. Глубокорыхлителем. Да вы сами видите, на земле еще прошлогодняя стерня.

— Слышь, Макеич, а ведь безотвальная-то и впрямь лучше, зря ты разоряешься.

Григорий Макеевич делает вид, что не слышит. Он тяжело шагает по полю, на ботинки налипло по полпуда грязи, и ноги с трудом отрываются от земли.

Тучи разошлись, и теперь ярко светит солнце, словно и оно хочет, чтобы институтские поля выглядели в лучшем свете.

Вышли на дорогу, а за ней...

— Ага!— хищно бросается вперед Гнедов.— Вот он, и овсюжок, и корнеотпрысковые, и хлеб изреженный. Неужто и сорняки для опыта держите?

— Да это уже не наше поле,— говорит Банцат.— Соседи. Совхоз «Рассвет». Выдержки у них не хватило.

Рано посеяли, вот и не успели расправиться с сорняками. Ну, поехали дальше...

— Как начнут кулаком по столу — давай, давай — никакой выдержки не хватит,— мрачно рассуждает Александр Данилович уже в машине.

— Кто это начнет?— щурится Григорий Макеевич.

— Кто ж, как не ваш брат, районное руководство, начиная с главного агронома и выше. Инициативы надо больше людям на местах давать, доверять больше.

— Дай вам, как же,— отрезает Григорий Макеевич.— Такого натворите.

— А помните, Григорий Макеич, тот участок, что за холмами,— встревает молодой агроном.— Вы приезжали, кричали, что под суд отдадите за то, что поздно сею, а хлеб-то там всего лучше получился.

— Ну ты ладно, ладно,— бурчит Григорий Макеевич и, чтобы замять разговор, вдруг проявляет повышенный интерес к пшенице, мимо которой проезжаем.

— Здесь у нас «акмолинка-5»,— поясняет Банцат.— Большое поле, около 700 гектаров.

— Жаксы-жаксы,— кивает молчавший до сих пор агроном — казах Хамид Закарин.

Едем мимо ячменя...

— Жаксы!— прищелкивает языком Хамид.

Банцат, конечно, пользуется случаем показать свою «диссертацию». Она растет прямо в поле на больших массивах. Это пары, занятые кукурузой, горохо-овсяной смесью.

Банцат приготовился произнести длинную и страстную речь в защиту своей темы, но агрономы и без того в восторге. Особенно от гороха.

— Хоть здесь подкрепимся, братцы,— хрустит сочными гороховыми стручками молодой агроном.

— Ты полегче,— не то в шутку, не то всерьез одергивает его товарищ.— Они ведь опыты ставят, все на вес, а ты стручки обрываешь. Много тут нас таких приезжает, гороху не напасешься.

И снова тучное пшеничное поле. К ногам склоняются тяжелые литые колосья, какие рисуют на картинках. Один из инженеров вдруг приставляет ладони ко рту и кричит:

— Эге-гей! Сюда, агрономы!

— Что там интересного?— подходят все.

— Эх, агрономы наши, агрономы! Что вы только

делали? Люди вон какой урожай вырастили. У них ведь тоже засуха была... А вы? Где ваш урожай?

— А сам-то что?

— Я инженер.

— А вы думаете, инженеры в стороне должны стоять?— вмешивается Борис Михайлович Печатников, который пока только наблюдал за тем, как Банцат ведет экскурсию.— Поедемте смотреть машины для противоэрозийной обработки.

Огромное степное солнце висит совсем низко, когда гости заканчивают осмотр машин.

Я не удерживаюсь, спрашиваю на прощание:

— Ну, как институтские поля, Григорий Макеевич?

— Что поля... На то они и ученые,— нехотя отвечает Григорий Макеевич, счищая грязь с ботинок, прежде чем сесть в свой «газик».

И вдруг, не знаю с чего, с наигранным воодушевлением заканчивает:

— Конечно, наука — большая сила. Очень полезная была экскурсия, многое у себя применим.

Агрономы с усмешкой переглядываются. Уж они-то знают, как цепко держится их «главный» за старые приемы обработки. Трудно, ой, как трудно будет ему перестраиваться.

— Хорошо, если к полночи доедем,— вздыхает Коля, шофер Гнедова, включая мотор.— Эх, суббота, короткий день!

2. «ПАРОВИК»

Вернувшись в Алма-Ату, я особенно почувствовала, насколько обострен у всех интерес к тому, что делается на целине. «Все сгорело, а у Бараева урожай? Не может быть!.. И вы говорите, стерня наружу? А как же сеют? Непонятно... Может быть, вы это все того... Слишком идеализируете?..»

Вспоминали, что совсем еще недавно рекомендации института подвергались острой критике в печати — выходит, несправедливой?

Конечно, первым делом я доложила о результатах поездки Ивану Петровичу Шухову — он остался доволен:

— Пишите, пишите...

И вдруг — встречаю в коридоре товарища, принимавшего довольно доброе участие в моей судьбе:

— Говорят, вы собираетесь писать о Шортанды, о

Бараеве? Остерегайтесь. Рекомендации института еще не проверены и даже более того, успели скомпрометировать себя. Там же комиссия за комиссией. Боюсь, что к выходу вашего очерка Бараев уже не будет директором, и тогда вы подведете не только себя, но и журнал...

— Неужели все так серьезно?

— Очень серьезно. Из достоверных источников...

Конечно же, я не медля помчалась к Ивану Петровичу. Он неопределенно хмыкнул, прошелся по кабинету:

— Я тоже слышал кое-что... Но вы-то сами,— он остановился напротив меня,— верите, что Бараев и его коллектив на правильном пути?

— Верю, Иван Петрович...

— Ну так о чем же толковать? Заканчивайте побыстрее очерк, а там, если надо будет, и повоюем...

Вот так и оказалась я в сельхозотделе ЦК Компартии Казахстана, и товарищ, который по просьбе Шухова прочитал мой очерк, сказал, возвращая рукопись:

— На мой взгляд, все верно. Нынешний катастрофический год особенно ярко показал, что шортандинские ученые на правильном пути.

И еще он сказал, что мне все-таки лучше проконсультироваться с самим Бараевым, который, на мое счастье, как раз оказался в Алма-Ате.

Как знать, если бы не активная поддержка Целиноградского обкома партии и Центрального Комитета Компартии Казахстана, может быть, события приняли бы в то время и более крутой оборот. Академик Лысенко и иже с ним делали все, чтобы окончательно дискредитировать рекомендации Бараева, особенно обрушиваясь на чистые пары. «Но ведь чистые пары — это хлеб завтрашнего дня,— утверждал Бараев.— Нельзя жить сиюминутной выгодой: взять лишние центнеры сегодня, а там хоть трава не расти...»

«Паровик»,— приклеилась тогда к Бараеву кличка, считавшаяся почти бранной. Между прочим, в словаре Ушакова это слово толкуется так: «Паровик — паровой котел, закрытый прибор для изготовления пара, давлением выше атмосферного»... Да уж, выдержать, перебороть такое давление, для этого и в самом деле надо быть очень мощным «паровиком».

Надо было видеть Бараева в моменты, предшествующие полемике с противником: только руки, покрытые редкими веснушками, выдавали обуревающее его волнение — они или вертели цепочку из канцелярских скре-

пок, или складывали вдвое, вчетверо, в восемь раз листок бумаги, и так до тех пор, пока он не превратится в твердый брусочек, а губы поджимались, и сам он сжимался весь, как тугая пружина, а потом взрыв — точная, резкая, убедительная речь, безо всяких уверток и экивоков...

«...Я привык говорить всегда то, что я думаю, что я знаю, и никто меня отступить от того, в чем я убежден, не заставит...»

О «Главном агрономе целины», по меткому выражению Юрия Черниченко, о человеке высокого гражданского мужества, Бараеве, ныне пишут много, пишут по-разному. И как обычно, когда человек еще при жизни становится легендой, даже его биографические данные приводятся разноречиво. Одни утверждали, что его отец был питерским рабочим, другие — что вологодским крестьянином. И то и другое верно, и то и другое сыграло свою роль в том, что у Целины есть Бараев. Имей Иван Бараев с самого начала землю, не уйди в Питер на отхожие промыслы, как знать, может, был бы он заурядным, как все, землепашцем... Но устроившись в Питере кондуктором на Николаевскую (соединявшую Москву с Петербургом) железную дорогу, сопровождая товарные поезда, Иван пристрастился к чтению, интересовали его и книги по агрономии: крестьянин в нем продолжал жить,— и, получив в наследство небольшой надел земли, он не колеблясь вернулся на родину и начал хозяйствовать, стремясь применить знания, полученные из книг.

Для Саши Бараева поле и книга с детства были неразрывны, и не было у него иной мечты в жизни, чем стать агрономом.

И еще один поворот в жизни отца, также сыгравший свою роль в становлении Главного агронома целины: в 1923 году семья Бараевых с группой земляков переезжает в Поволжье и организует сельскохозяйственную коммуну в селе Сарма, председателем которой становится Иван Бараев.

После влажного климата Нечерноземья пришлось привыкать к хозяйствованию в условиях засушливой степи. Саша, заканчивавший среднюю школу в Балакове, летом работал в коммуне у отца, постигая премудрости хлеборобского дела. Сельскохозяйственный институт он окончил в Куйбышеве, работал на Безенчукской опытной станции под руководством крупнейше-

го специалиста по степному земледелию Николая Максимовича Тулайкова.

В 1936 году по рекомендации Н. М. Тулайкова Бараев становится научным сотрудником, а затем заместителем директора по науке Уральской опытной станции. Десять лет непрерывных исследований потребовалось ему, чтобы защитить кандидатскую диссертацию по вопросам растениеводства в острозасушливой зоне.

В 1953 году, в канун освоения целины, Бараев был назначен директором Казахского института земледелия имени Вильямса. Начались невиданные по своим масштабам исследования земельных массивов Северного Казахстана, и Александр Иванович принимал в них самое деятельное участие, и когда было решено создать в этой зоне новый научно-исследовательский институт, Бараев без колебаний согласился его возглавить.

В 1957 году он едет с делегацией в Канаду, в засушливые провинции Саскачеван, Манитоба и Альберта, где природа и климат похожи на североказахстанские, если не считать, что осадков там больше выпадает в июне, а не в июле, как у нас, и осень там теплее и суше, так что жатва проходит там в более благоприятных условиях. Но и там отвальная обработка почвы в тридцатые годы нашего столетия принесла неисчислимые бедствия. Пыльные бури бушевали на миллионах гектаров, уничтожая самый плодородный слой пашни. Нужно было срочно искать пути исцеления земли, и тут ученые-аграрники обратили внимание на то, что даже в этих, терпящих бедствие провинциях, есть земли, которые пыльные бури как бы пощадили. Жили здесь, в большинстве своем, русские, украинцы, переселившиеся в Канаду в конце прошлого века, и пашню они обрабатывали издавна без оборота пласта.

Интересное предположение о происхождении этого метода высказал В. Чирков в своем очерке «Урожай рассудит», опубликованном в 1969 году в первом номере журнала «Сибирские огни». Он считает, что здесь сыграла свою роль разработанная выдающимся агрономом прошлого века Иваном Евгеньевичем Овсинским система бесплужной мелкой обработки земли. Создав орудие, предназначенное как можно меньше будоражить почву с сохранением максимального количества растительных остатков на ее поверхности, Овсинский получал на юге Украины высочайшие по тем временам урожаи — до трехсот пудов с десятины.

После предвзятой недобросовестной проверки официальная царская агрономия отвергла систему Овсинского, но многие крестьяне все-таки переняли отдельные ее элементы и успешно их применяли на своих полях. Так не было ли среди украинских переселенцев, задает В. Чирков резонный вопрос в своем очерке, так сказать, «последователей» Овсинского, и не ведут ли канадские плоскорезы, глубокорыхлители, стерневые сеялки свою родословную от орудия Овсинского?

Как знать... Разве мало подспудных, может быть, так и не обнаруженных связей во всемирной истории хлебопашества?

Опыт канадцев оказался неоценимым при разработке новой почвозащитной системы у нас на целине. Конечно, создавалась она не на пустом месте. В нашей стране уже существовала Мальцевская безотвальная обработка, правда, при ней не сохранялась стерня, но успехи «народного академика» придавали уверенность Бараеву и его коллегам в том, что они на верном пути. Кстати, у земледельцев Северного Казахстана до тридцатых годов нынешнего столетия, когда отвальный плуг стал безраздельным владыкой полей, посевы по отвальной вспашке чередовались с посевами «ленивкой», «наволоком», «под припашку», то есть практиковалось то, что ныне называют минимальной обработкой земли.

Весна 1965 года была пыльная, ветреная, сулившая засушливое лето. Но в институте царило бодрое, воинственное настроение. Это была первая весна, когда рекомендации ученых воспринимались без боязливой оглядки: угодно ли это будет кому-то или не угодно?

Мне пришлось долго дожидаться Александра Ивановича — он совершал большую поездку по Кустанайской, затем по Кокчетавской областям, а вернувшись, наутро сразу уехал в Целиноград: налаживалось серийное производство машин и орудий для противоэрозийной обработки почвы.

Наконец, 19 апреля удалось его «захватить». У меня сохранилась почти дословная запись нашей беседы.

...— Дождь. Хорошо, что дождь. Почва-то у нас промочена всего на тридцать сантиметров по зяби, а там, дальше, на два метра сушь. Я, откровенно говоря, боялся, что ветер поднимется. Сейчас, при оголенной почве, это очень опасно. У нас бывают штормовые ветры, которые сносят целые поля.

— Даже те, где оставлена стерня?

— Нет, на полях со стерней такого не бывает. Но вы учтите, в хозяйствах ведь еще отвальной зяби пятьдесят процентов.

— Так что же мешает? Почему бы все поля не оставлять со стерней?

Смеется.

— Много причин. Противоэрозийной техники не хватает еще, а та, которая есть, используется плохо. Самое страшное — сила консерватизма, нежелание перестраиваться. Новая техника вся на гидравлике, а механизаторы привыкли работать с прицепной, им еще 20 процентов за прицепщика платят. Гидравлика — штука тонкая, капризная, масло не профильтруешь, или же еще песочку подсыпать можно — и стоп машина, нужно везти ремонтировать на завод, в совхозных мастерских ничего не сделаешь. Вот тебе и снова прицеп, и двадцать процентов к оплате...

— Александр Иванович, я как-то не поняла... Неужели специально портят?

— Как говорится, из песни слова не выкинешь. Придет время, когда наши хлеборобы даже представить не смогут, как это можно — обрабатывать землю отвально, а пока — нам придется еще много повоевать. Кстати, мы у канадцев спрашивали: «Как скоро удалось внедрить вам новую систему?» — Они ответили: «Нам потребовалось двадцать лет. Умерли старые фермеры, привыкшие к старым методам и орудиям, а молодых мы уже воспитали. Вся пропаганда была пущена в дело». — Мы призадумались, а канадцы нас утешили: «Вы не огорчайтесь, двадцать лет — это у нас, ведь фермы частные, и хозяева их вправе делать со своей землей что угодно, приказать им нельзя, можно только убедить. А вы можете поступить проще: отдать приказ по хозяйствам — и все будут выполнять». — Мы вежливо с ними согласились, а сами переглянулись: не так-то просто и у нас преодолеть психологический барьер...

Июнь 1967 года... Тихий и ясный вечер. Над поселком с криком носятся стаи скворцов, и враз, словно по команде, усаживаются на телевизионные антенны. Вот и коттедж, где живет Александр Иванович, и сам академик, в старой соломенной шляпе и стоптанных башмаках возится в своем розарии. Розы — его страсть. Из каждой командировки везет черенки, одни приживают-

ся, другие нет. Внук Дениска помогает деду, носит воду маленькими ведерками. Александр Иванович богат внуками, и на лето все съезжаются к нему. «У дедушки с бабушкой всегда лето»,— сделала заключение пятилетняя внучка.

Александра Алексеевна Зайцева, соседка Бараевых, смеясь, рассказывала, как однажды знойным вечером, когда бродячая туча нависла над угодьями института, Александр Иванович посадил внучат в машину и помчался ей наперерез. Ребятишки азартно визжали: они верили, что их дед запросто заарканит тучу. Но туча уплыла и пролилась дождем лишь над полями соседнего колхоза «18 лет Казахстана».

— Кан Де Хан переманил,— объявил Александр Иванович огорченным внукам...

Александр Иванович споласкивает руки под Денискиным ведерком, подходит к ограде:

— Значит, снова к нам. Как устроились?

— Спасибо, Александр Иванович. Хорошо.

— Завтра приходите с утра к главному корпусу, поедем по полям. Я вот тут, знаете, для гимнастики... Землянику посадил. Сладкая она здесь, слаще, чем у вас в Алма-Ате.

Миром и благодушием повеяло на меня в этот вечер. Земляника, розы... Только соловьев не хватает для полной идиллии. А среди ночи вдруг почудились за окном гостиницы неясные птичьи голоса. Распахиваю створки — так и есть, соловьи!

Как они пели, как старались в ту ночь, словно хотели доказать, что не вечно же быть неуюту, тревоге, борьбе.

А утром...

— Тридцать-тридцать пять процентов урожая мы еще теряем из-за того, что поля наши засорены, что парам не отводится должное место...

В бесконечном хороводе кружатся поля. Зеленеющие всходами, они для меня на одно лицо, а у Александра Ивановича каждое поле, как человек, имеет свою особую жизнь, свою родословную.

— Вот это поле обрабатывается безотвально, а то — отвально. Замечаете разницу? Я остановлю машину, приглядитесь...

В самом деле, это очень разные поля. Первое — сплошь покрыто густой щеткой хлебов, на другом, тоже зеленом с виду, если взглянуть пристальней, можно об-

наружить проплешины — участки, где пшеница не взошла.

— Зима была бесснежная,— поясняет Александр Иванович.— Безотвальная зябь под стерней влагу все-таки накопила, а вот на отвальной... Весной алтайцы к нам приезжали, первый секретарь крайкома Александр Васильевич Георгиев, с секретарями райкомов, с агрономами. Целым поездом приехали, в своих вагонах жили на станции. Вот, как раз тут, на границе между полями, Георгиев попросил лопату, сам стал копать. Сперва на отвальной зяби. Шестнадцать сантиметров прокопал — началась сухая земля. А на безотвальной — рыл, рыл, восемьдесят сантиметров. Так до сухого слоя и не добрался. Достал влажный комок земли, сдавил его в кулаке — он слепился. Подзывает одного из секретарей: «Возьмите на память. Вот что такое безотвальная обработка, а вы говорите...» Похоже, теперь начнут перестраиваться. А то ведь до чего дошли со своей пропашной системой — весь скот сунули в сухую степь, дескать, теперь его кукуруза прокормит, а в горных и предгорных районах стали сеять пшеницу. Комбайн хлеб убирает, а трактор тут же — держит его на тросе, чтоб не перевернулся. Помните сказку, как корову на баню тащили, потому что на крыше трава выросла, так здесь почище...

...«Вот что такое безотвальная обработка»,— сказал Георгиев, держа в кулаке слипшийся комок земли... Все просто, все буднично, не били в литавры, не трубили в трубы, возвещая конец состязания двух систем, пропашной, родиной которой был Алтайский край, и бесплужной, почвозащитной... Будучи в свое время в Шортанды, академик Лысенко, как панацею, проповедовал пропашное земледелие:

«...Хорошая перекрестная обработка квадратно-гнездовых посевов кукурузы, очищая почву от сорняков, содействует и накоплению в почве запасов усвояемой пищи...» Итак, один год кукуруза, другой — пшеница... А что целину осваивали ради главного хлеба — пшеницы, что кукуруза, словно насос, выкачивает из земли дефицитную влагу — это же мелочи...

Пропашная система просуществовала сравнительно недолго, но бед наделала невпроворот. Спор решила сама природа: на Кулунду обрушились черные бури, урожаи стали падать, сводиться на нет. Нужно было великое мужество, чтобы признать свои ошибки, и оно

нашлось у Алтайского партийного руководства. Барнаул стал новым центром борьбы за внедрение почвозащитной системы. Алтайцы многое взяли у Бараева, многое ввели и свое, в частности, большое внимание они уделяют лесонасаждениям.

Представления меняются. Мы привыкли писать о поле, что оно — или «зеленеющее», или «желтеющее зрелыми хлебами», или «недавно вспаханное, черное, как вороново крыло...» А вот поле, у которого сейчас остановил машину Александр Иванович: жесткая рыжая щетина стерни, вороха измельченной соломы. На первый взгляд, неприбранное, взлохмаченное, у меня такое поле теперь вызывает теплое чувство. Земля, надежно прикрытая стерней, отдыхает, набирается сил, копит влагу, знаю, что не страшны этому полю свирепые целинные ветры — эрозии здесь не будет...

— Хотите взглянуть на эрозию?— словно угадывает мои мысли академик.

— Эрозию? На ваших полях?

— Для опыта держим,— усмехается Александр Иванович.

Блеклый табачный оттенок на зелени всходов вызывает неясное чувство тревоги. Вдруг замечаешь, что воздух вокруг очень сух, что облака, пройдя над полями, обронили всего несколько капель и уплыли, ушли, вновь открыв безжалостно палящее солнце...

— Выйдем из машины,— предлагает Александр Иванович.— Обратите внимание на верхушки всходов.

Верхушки-то, оказывается, омертвелые, они «засечены» крупинками горячей пыли, отсюда и этот тревожный табачный оттенок поля.

— Вот вам результат семилетней отвальной обработки.

Горячая пыль забирается в туфли... Обращаю внимание, что поле все в бороздах.

— Специальной сеялкой сеяли, иначе бы все занесло, сровняло...

Порыв знойного ветра — и по полю начинают ходить маленькие, но от этого не менее зловещие смерчи...

«Не пугайте нас эрозией...» Что было нужнее? Прятать голову под крыло, подобно страусу, и произносить успокоительные речи или сказать прямо и открыто людям: «Да, распахав огромные целинные пространства, мы тем самым выпустили из бутылки джинна, именуемого эрозией. И давайте не замалчивать это бедствие,

а говорить о нем прямо, открыто, потому что излечивается не тот, кто скрывает болезнь, а тот, кто вовремя обращается к врачу».

Как-то на одном из представительных совещаний на Александра Ивановича обрушились сторонники отвальной обработки, возводя на безотвальную все смертные грехи: «Вас и сорняки забьют, и совка задушит». Как раз в 1964—1966 годах наблюдалась вспышка размножения зерновой совки в районах Северного Казахстана, но ведь такие вспышки неоднократно бывали и раньше, до плоскорезов, более того, безотвальная обработка помогает сохраниться хищным жужелицам, которые охотятся за совкой. А что касается сорняков, то при достаточном наличии чистого пара гарантируется полное их уничтожение, и тому свидетельство институтские поля.

— Ржавчина одолеет,— не унимались противники.— И вообще...

— И вообще,— заявил вдруг Бараев.— Что нам здесь спорить? Давайте возьмем два любых целинных хозяйства, примерно одинаковых по условиям. В одном вы будете внедрять свою систему, а в другом я свою.

Наступило замешательство, а потом послышался голос:

— Ну, сразу на производственную основу... Так научные споры не решаются.

Решаются, именно так решаются. На совхозных полях.

3. ЖИЗНЬ КОРОТКА, НАДО СПЕШИТЬ

С первых же дней существования института здесь была создана солидная группа «эрозионистов». В нее вошли Александр Иванович Бараев, Александра Алексеевна Зайцева, Эрвин Францевич Госсен и другие сотрудники. Тема ветровой эрозии в научных учреждениях страны до этого почти не разрабатывалась. Были только факты, огромное количество фактов, и тревога за землю, такая же острая, не дающая покоя, как тревога за родного человека, пораженного тяжелым недугом: всякое промедление смертельно.

...На столе у Александры Алексеевны в граненом стакане ветка цветущей липы. Она полулежит на диване, нога и локоть перевязаны: ездила в Кулунду на совеща-

ние — Георгиев пригласил, после того, как сам побывал в Шортанды,— много было встреч с хлеборобами, а возвращалась домой и вот — приступка вагона оказалась слишком высоко от земли. Не так-то легко путешествовать в 66 лет, а тут, едва вернулась — телеграмма из Москвы: просят приехать выступить по Всесоюзному телевидению; весной этого (1967) года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О неотложных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии».

Как-то попал мне в руки автореферат ее кандидатской диссертации «Возделывание яровой пшеницы в Центральном Казахстане»— наткнулась я на него случайно, и когда прочитала, стало мне ясно, почему Александра Алексеевна лишь как-то бегло упомянула об этой своей работе. Все здесь выверено, добросовестно, основано на многолетних опытах, но нет того, что впечатляет в любом ее труде, связанном с защитой почв от ветровой эрозии,— взрыва мысли, прозорливости, доходящей до ясновидения... Она по натуре своей была бойцом. Протрубила труба — вставай в ряды,— и все озаряется новым ярким светом, все обретает особый смысл. «Есть упоение в бою»... У нее сразу становилось скучным лицо, когда заговаривали с ней о том, что докторскую защищать все-таки нужно. «Потом, как-нибудь потом»...— и уводила разговор в сторону.

...— Вот я иногда думаю, если бы все наше, бабье, любопытство направить на что-то дельное, что было бы... В сущности, в первобытные-то века так и было. И хлеб растить, наверняка, начала женщина. Мужики-то охотились. А потом мужики ухитрились повернуть наши интересы в другую сторону, и сколько от этого потеряло человечество! Смеетесь? Неправда, что ли? Ну ладно, ближе к делу... Маленький комок почвы — он же нам столько условий диктует! Немыслимо создавать одинаковые орудия для всех зон. Возьмите, к примеру, павлодарские почвы и наши, целиноградские: у нас почвы более липкие, а в Павлодарской области — супесь, там орудия быстро стачиваются, абразируются. Вот мы с ребятами и разрабатываем методику, изобретаем приборы. Тут приходится быть и химиками, и физиками, и инженерами в какой-то степени.

«Ребята»— это группа молодых ученых, которая работает под руководством Александры Алексеевны: Эрвин Францевич Госсен, Евгений Иванович Шиятый, Ва-

лерий Иванович Кирюхин, Татьяна Никитична Дворникова и другие.

За стеклом книжного шкафа — большой портрет: молодая женщина с живыми умными глазами, с чуть вздернутым носом, улыбается светло и лукаво...

— Пришли ребята мои навестить... Увидели — пристали: кто да кто — познакомьте!

— Ишь, говорю, какие... А со мной не хотите разговаривать?

— Ну, с вами само собой...

— Так и это же я... Когда в ВИРе работала... Хохочут: «А мы и сами догадались»...

Александра Алексеевна была «ровесницей века»— молодость ее совпала с гражданской войной.

...— У нас на Кубани жестокие были схватки. Брат шел на брата, отец на сына. Мой отец и дядя ушли с красным отрядом. Слышим, белоказаки наступают, в станицах, соседних с нашей Николаевской, три ревкома вырезали. Я с дедом по отцу оставалась — матери уже не было в живых. Среди ночи он будит меня: «Вставай, Лександра! Беляки в станице...» Выскочила я во двор — выстрелы, крики кругом, вой бабий... Подводит мне дед коня.— «А ты, дедушка?»— «Я старый, меня не тронут...»— Ускакала в Армавир, а деда повесили...

В Армавире Шура Зайцева сразу пришла в горком комсомола, ей дали поручение — вести работу среди бедняцкой молодежи, а спустя некоторое время избрали секретарем городской комсомольской организации. Потом был Новороссийск — там она заведовала отделом соцвоса (социалистического воспитания), вместе с Федором Гладковым («Знаете, тот, что «Цемент» написал».) ездили по цементным заводам, создавали рабфак...

...— На одежду мы в то время особого внимания не обращали. Я из станицы ускакала в черном суконном сарафане, перешитом из дядиной черкески, и в кофте из козьей шерсти. И носила их четыре года. В двадцать втором в том же сарафане и кофте приехала в Москву, в Петровско-Разумовскую академию. Это уже мы ее в Тимирязевскую переименовали.

В комнату заглядывает Константин Дмитриевич, супруг Александры Алексеевны.

С Константином Дмитриевичем Постоялковым, заведующим отделом кормопроизводства, очень рекомендовал мне поговорить Александр Иванович, когда мы с

ним проезжали по участкам лиманного орошения: «Много нового, интересные проблемы...»

— Заходи, заходи,— приглашает Александра Алексеевна.— Я тут нашу Тимирязевку вспоминаю.

И поясняет мне с усмешкой:

— Он ведь у меня ярый травопольщик. Вместе у Вильямса учились... Ты не торопишься?

Вот сидят они рядом — люди, прожившие вместе более сорока лет... Всегда вместе, но не всегда рядом...

На семейное положение тогда не ссылались. Константин Дмитриевич после окончания академии был отправлен на Украину, в одну из сахарных экономий. И, «сам того не ведая», стал рекордсменом по выращиванию сахарной свеклы. В 1929 году в числе специалистов сельского хозяйства его направили на полгода в США — изучать опыт выращивания пшеницы, закупить необходимые машины.

Александра Алексеевна тем временем, закончив академию, стала работать у академика Вильямса, затем началась коллективизация, и супруги, после недолгой встречи, опять разъехались.

Посевная на Дону... Командированная сюда молодой агроном Александра Зайцева делает все, чтобы сохранить артель. Хутор распался на два лагеря: одни за, другие — против.

«...Приходит ко мне только что демобилизованный красноармеец:

— Уговорите моего батька, никак не хочет в артели оставаться...

— Ну, позови...

Является батько — такой плюгавенький казачишка, ноги колесом, а грудь вперед, кубанка на затылке...

— Чего же вы из артели выходите? Вам-то уж недолго работать, сын — главный кормилец. Он в артели останется, а вы? Неужели хозяйство делить?

Смотрю — вроде начал склоняться.

— Ну ладно, кубыть...

И тут, как на грех, мимо окна катит один «вышедший» бочку-водовозку на колесах. Глянул наш «батько» да как швырнет кубанку себе под ноги и пошел нас нести последними словами:

— Так вас и растак, там же, на водовозке, одно колесо мое приделано, а он поволок.— Выбежал, догнал, чеку выдернул, колесо сдернул, взвалил на плечи — и до дому...

...Обстановка напряженная была, буквально на револьверах спали. Кое-кто из комсомольцев-активистов меня уговаривал: «Чего церемониться? Выходит из артели — не отдавать ни имущества, ни семян...» Нет, мы все по справедливости, по количеству душ поделили, и на тех, кто выходил, и кто оставался. Ведь выходили бедняки, вдовы — одурманило их кулачье, обвело вокруг пальца... А потом видят, как у нас в артели дружно дела пошли,— обратно стали проситься. Так мы еще думали, кого принять...

...Кончился срок моей командировки, пора возвращаться в Академию. Прихожу к секретарю райкома.

— Нет, мы тебя не отпустим, останешься у нас...

— Да какой из меня прок...

— Ну, конечно, не прибедняйся. Артель-то твоя одна из лучших...

Начинает агитировать.

— Да я же в декретный вот-вот...

Он и рот раскрыл:

— Не выдумывай... Незаметно ничего...

— Спроси свою жену, она, небось, сразу заметила...

...Вот так мы со Светланкой, с дочкой, и провели в тридцатом посевную...»

Беседы наши текли неторопливо, Александра Алексеевна рассказывала о себе, будто немного со стороны смотрела: «Все-таки — как долго я живу! Давно ли, кажется, хлеб серпами жали, а сейчас?»

— Познакомилась я с Николаем Ивановичем Вавиловым на выездной сессии Академии сельскохозяйственных наук по каучуконосам. Тогда везде искали растения, способные давать каучук. И одно из них — тау-сагыз — наша экспедиция нашла на хребте Каратау, между двумя полупустынями. Он лазил по горам, как и все, нет, не так — лучше. И нас учил, как перебираться через расщелины, как подниматься на крутую гору с помощью лошади. Каждый день в этой экспедиции был для меня откровением. И как же я была счастлива, когда Николай Иванович пригласил меня работать к себе в ВИР: «Выбирайте любой отдел». Я выбрала отдел географии растений.

Видели бы вы эти делянки. Тысячи делянок, и на них — пшеница, собранная со всего мира, во всем ботаническом своеобразии: тут тебе и лютесценс голландская — красавица, листья, как у кукурузы, широкие, колос — корона, и рядом, на соседней делянке,—

йеменские карлики-эфемеры, у этих даже при молочно-восковой спелости зерно уже прорастало — так непривычен был для них влажный ленинградский воздух.

Его возвращение из командировок всегда было праздником. Дает телеграмму: «Встречайте». Встречаем гурьбой, и всем хватало поклажи. Книг он привозил уйму. Не жалел — давал читать, только с возвратом. Приезжает в ВИР — тут же все рассказывает, тут же диктует стенографистке, тут же интересуется, как у нас дела — все закипало вокруг него.

Как-то поручил мне в библиотеке найти книгу. Заглавие точно не помню, что-то связанное с гормонами растений. Я поискала — не нашла. Так и сказала. Он — ни слова. Утром прохожу через библиотеку, он на лестнице, на самом верху. Поздоровались.

— А ведь я нашел эту книгу.

Меня словно кипятком обдало.

Тучи над ним явно сгущались, а он все такой же был, улыбчивый, деловитый. «Жизнь коротка, надо спешить».

Встречали мы Первое мая. Длинный стол, белоснежная скатерть, в окна бьет солнце. Кто-то говорит ему: «Может, все-таки следует в чем-то поступиться, стоит ли рисковать? Сохранить институт, сохранить людей». Он как стукнет кулаком по столу — мы оторопели: всегда такой мягкий, сдержанный.

— На что вы хотите толкнуть меня? Лучше погибнуть, чем отступиться от своих убеждений.

Перед ним стоял графин с красным вином, графин подпрыгнул, вино расплескалось по скатерти.

Я уже в Казахстане была, направили меня на Акмолинскую опытную станцию. И я попросила, чтобы мне позволили продолжать ту же работу, что я вела в Детском селе,— с мировой коллекцией пшениц. Разрешили мне составить письмо в ВИР с просьбой прислать исходный материал. Письмо было отпечатано на машинке, моей подписи там не было, но он все равно понял по стилю. Ответ подписал сам лично, хотя подобные письма он обычно не подписывал. Я увидела его подпись и обрадовалась без памяти: значит, еще жив, еще там. Увы, это была последняя от него весточка».

Как дорогая реликвия хранится у меня книга «Николай Иванович Вавилов», изданная Академией наук СССР в 1962 году. Книга открывается портретом академика — тем самым, всемирно известным: улыбчивый взгляд с

прищуром, чуть приподнятая правая бровь, щеточка усов... А на обратной стороне вклейки — надпись, сделанная рукой Александры Алексеевны: «Галине Васильевне от А. З. в память о хорошем человеке. 17/I-1968 г.».

...Прибежала круглолицая внучка Наташа, принесла земляники, правда, еще твердой, зеленоватой. Занялись переборкой ягод. Константин Дмитриевич рассказывает о той, давней своей поездке в Америку:

— ...Побывали мы у Бербанка, смотрели машины Форда, в Чикагском университете видели, как почтенные доктора наук играли в футбол. Я тогда и не помышлял, что сам когда-нибудь забью в ворота науки гол, именуемый диссертацией. Только под старость лет ударился в науку. Кандидатскую защитил, да так разогнался, что и докторскую написал... Тема? Приходите завтра ко мне в лабораторию, все объясню.

Лаборатория «ярого травопольщика». На двери — табличка с довольно прозаическим названием: «Лаборатория кормопроизводства». Но войдешь — и почудится тихий шелест строк: «Степной травы пучок сухой...»

Они и сухие благоухают — эти снопики трав, которыми увешаны стены лаборатории...

Вот уже которое лето подряд путешествует Константин Дмитриевич Постоялков со своими сотрудниками по Казахстану; они идут по сопкам и равнинам, взбираются на горы, обследуют сосновые боры и березовые колки, изучают поймы рек и растительность степных озер.

Овсяница лесная, тонконог, ежа сборная, мятлик луговой, лисохвост, полевица, зубровка — эти травы с поэтичными народными названиями и многие другие приспособились к суровым природным условиям, многие из них растут на солонцеватых и солончаковых почвах. Но вся беда в том, что они недостаточно продуктивны, и не потому, что такие от природы, просто слишком сухо в знойной степи, слишком уплотнена и влагонепроницаема почва,— мало в ней фосфора, азота, кислорода...

В своей книге «Освоение кормовых угодий Северного Казахстана» Константин Дмитриевич рассказывает о таком опыте: созревшие семена дикой низкорослой многолетней мальвы высеяли на цветочной клумбе под Карагандой. Уже на третий год мальва достигла двухметрового роста, а листья и цветы стали в четыре раза крупнее... Переселение из дикой среды в культурную явилось причиной бурного развития. Такое же примерно измене-

ние диких видов трав происходит, если проводится залужение естественных пастбищ.

В странах Западной Европы давно уже всякое пользование кормовыми угодьями в их естественном виде считается не только невыгодным, но и вообще бесхозяйственным. Мы же пока еще мало заботимся об экономической эффективности наших пастбищ и зачастую довольствуемся тем, что получаем с гектара по 0,5-1,5 центнера сена,— говорил Константин Дмитриевич.

Затраты на получение одного центнера сена (косьба, сгребание, погрузка, перевозка, складирование) нередко превышают здесь себестоимость одного центнера пшеницы.

И так почти на 15 миллионах гектаров внепахотных угодий Северного Казахстана.

Семена трав... В свое время мы лихо, без оглядки уничтожили многие питомники трав, и теперь горько за это платимся. Надо залужать эродированные земли, улучшать естественные пастбища, а семян не хватает.

Посевная люцерна в сухой целинной степи малопродуктивна, ей нужно много воды, она не выносит повышенной засоленности почв. Эспарцет более приспособлен, но отличается жесткими сроками уборки. Десять дней передержишь — и не стебель, а дерево. Житняк еще ничего, но и он не универсален.

И в то же время Константин Дмитриевич установил, что около сорока видов дикорастущих трав могут поселиться на улучшенных сенокосных угодьях.

Многие из них по своим кормовым качествам лучше того же эспарцета или житняка, а насчет их выносливости и говорить не приходится. Нужно смелее переселять «дикарей» в семенные питомники, которые должно иметь каждое целинное хозяйство.

В тот приезд у меня состоялось еще одно, очень интересное знакомство с заведующим отделом агролесомелиорации Федором Федоровичем Самусевым.

Огромный, на десятки гектаров парк-дендрарий института выращен, по сути дела, за последние десять лет.

— Сейчас я вам ваших земляков покажу,— говорит Федор Федорович.— Вы ведь дальневосточница? Не совсем? Ну все равно, жили на Дальнем Востоке. У нас здесь много новоселов из Уссурийской тайги. Вот черемуха Маака, там, дальше, клен приречный, а вот это... Узнаете?

Как не узнать! Серая бархатистая кора, сложные перистые листья... Бархат амурский!

— Я не думала, что он может расти на целине... В Уссурийской тайге ведь очень влажно, а здесь...

— Как видите, растет... Правда, нынче зимой отдельные деревья повредило морозами, но, в основном, можно считать, что приживается.

В этих душистых зарослях даурская роза соседствует с венгерской сиренью, пенсильванская вишня растет рядом с тополем бальзамическим из Канады, лозы винограда амурского вьются по ветвям виргинской черемухи.

— Отбираем наиболее выносливые, наиболее засухоустойчивые породы, чтобы рекомендовать их потом совхозам для озеленения... Насколько это важно, сами понимаете. Наша целинная страна открыта всем ветрам, всем вьюгам. Как сиротливо и беззащитно выглядят поселки без зелени в голой степи... И не здесь ли одна из причин того, что у нас по-прежнему остро стоит вопрос оседлости?

Приедут новоселы в совхоз:

— Боже ж ты мой, ни кустика, ни деревца... Да как же здесь люди живут?

Озеленение совхозных усадеб, полевых станов — одна из первоочередных задач. Не одной красоты ради, хотя и красота для человека много значит,— необходимо создание микроклимата: в тех целинных поселках, где создан надежный заслон от ветров, зноя и пыли, люди становятся здоровей, исчезают такие «целинные» заболевания, как пыльные ангины, пыльные пневмонии, силикоз. Хорошо, когда механизатор может отдохнуть в лесочке у полевого стана. Березки шумят над головой, птичка-чечевичка спрашивает: «Витю видел? Витю видел?» Кукушка ему годы посчитает, а ночью, может, и соловья послушает.

— Вы же поэт, Федор Федорович, честное слово, поэт!

Федор Федорович смущенно улыбается:

— Знаете, сама природа настраивает на такой лад. Вот посадили мы сосенки в степи... Ждем, вырастут — бор будет, хорошее место для отдыха. Как-то наведался я туда и изумился. Сосенки-то еще невысоконькие, а под ними уже идет своя, настоящая, лесная жизнь. Грибы вдруг прорезались — маслята, волнушечки, а ведь леса от нас ближе чем за пятьдесят километров и не найдешь.

Ну ладно, споры грибные ветром занесло. Гляжу — и муравьи лесные кучек понастроили, они-то как сюда добрались? На попутных машинах, что ли? Биоценоз: появились деревья, а за ними весь шлейф: птицы, насекомые и даже грибы...

Будут у нас на целине рощи и сады, обязательно будут.

4. В РАНГ ЗАКОНА

Начало августа. Жара, сушь. На площади, перед Домом Советов, мальчишки гоняют футбольный мяч, тренируются: в Целинограде идут областные соревнования «Кожаный мяч-68», и нижний этаж гостиницы отдан этим шумным сорванцам.

Еще там живут абитуриенты — их можно сразу узнать по серьезным, осунувшимся лицам и воспаленным глазам.

Верхние этажи отведены участникам Всесоюзного совещания-семинара по защите почв от ветровой эрозии.

У стойки администратора идет регистрация прибывающих. Сулейман Еникеев — Башкирия, Уфа... Короленко — Украина, Киев... Минаев — Хакассия... Елеманов — Алма-Ата... Саратов... Омск... Краснодар... Чита...

Академики, доктора, кандидаты наук, просто научные работники, просто производственники. Что-то у них всех общее. А, понятно — загар, не тот, курортный, ровный загар, а полевой, рабочий, когда на лбу, у корней волос, там, где обычно кромка шляпы или косынки, чернота резко сменяется белизной кожи, не затронутой солнцем и ветром.

Кто-то сетует: «Пора еще страдная. Попозже осенью собраться бы или зимой».— «А что б мы тогда, здесь, в институте, на полях увидели?— возражают другие.— Ведь приехали не поговорить — главное, посмотреть, разобраться, как это у них все получается».

Особенно запомнилось мне на этом совещании выступление Георгия Григорьевича Берестовского, заместителя директора Павлодарской опытной станции по защите почв от ветровой эрозии.

— Представьте себе,— говорил Георгий Григорьевич,— как было у нас в области совсем недавно: лишь несколько лет назад построена совхозная усадьба, а вокруг — уже песчаная пустыня, и бурая поземка метет по улицам.

О Берестовском мне много рассказывала Александра Алексеевна. Уже немолодой опытный партийный работник, он, когда начались пыльные бури, переехал в самый их эпицентр: поля Павлодарской опытной станции тоже пылали от эрозии — это был настоящий «ядерный котел», по выражению самого Георгия Григорьевича. Благодаря ему я познакомилась с Павлом Васильевичем Журавлевым, начальником областного сельхозуправления, с Каруланом Шакировым, старшим агрономом Ермаковского сельхозуправления, другими павлодарцами, приехавшими на это совещание, и вот что они мне рассказали:

— ...В нашей области почвы песчаные, легкие. Всего, по данным обследования, может быть подвержено эрозии свыше двух с половиной миллионов гектаров. Нельзя сказать, чтобы эрозия явилась для нас неожиданностью — пыльные бури наблюдались у нас в Прииртышье еще до революции. Но тогда крестьяне оставляли эродирующие земли, переходили на новые. Существовала так называемая переложно-залежная система земледелия, при которой большие площади были покрыты естественной растительностью.

Когда началась массовая распашка, мы, старые агрономы, конечно, видели, что идет игра с огнем, что сами себе готовим большой пожар. От наших предостережений отмахивались... Беда усугубилась распашкой трав. Были не только созданы условия для эрозии — подорвали кормовую базу. Ведь до чего дошли в результате? Из Прииртышья ездили в Джамбул, в Чимкент, с реки Чу камыш на корм скоту возили, солому в соседних областях — в Целиноградской, Кокчетавской выпрашивали.

165 тысяч гектаров трав по области вы спасли от уничтожения. Конечно, и эти бы заставили распахать, но в 1963 году эрозия как разыгралась, так страсти и притихли.

С этих оставшихся трав мы и жить пошли. Нынче к нам за семенами едут из Минвод, с Алтая, из Кокчетава, даже из Чимкентской области обратились с просьбой: выручите семенами, а мы вам лесу подбросим. Канада запросила тысячу тонн семян житняка, видите ли, нужны семена обязательно из Павлодарской области — самые засухоустойчивые.

Впрочем, если уж рассказывать, так все по порядку. Так вот, когда нас прихватило, дальше некуда, стали мы

внедрять новую систему земледелия. С трибуны вообще-то говорить как-то легче, чем внедрять.

Ведь тут тоже нужно с умом и не так, что дали тебе направление — иди и не оглядывайся. Вот незначительный, на первый взгляд, но характерный пример. Нынче весной и в начале лета у нас ветры были дикие: мачты летели, столбы валило. Главное, дуло весь май, когда земля еще не прикрыта растительностью, а эрозии в области практически не было. И вдруг в одном совхозе появляется очаг — картофельное поле —30 га, понятно, никакого на нем защитного покрова, и землю с него несет, как из трубы, на другие посевы. А вы же знаете: стоит возникнуть очагу эрозии, как он очень быстро начинает распространяться.

Мы скорей туда — к агроному: что ж ты делаешь, такой-рассякой, ведь у тебя так и другие посевы эродировать начнут. А в этом совхозе агроном трусливый, напуган по другим делам. Бледнеет и говорит: «Что же делать? Ума не приложу».

— Быстро,— говорим,— пусть выезжают на это поле трактора с отвальными плугами!

— Как же так,— пугается агроном,— да ведь отвально теперь пахать нельзя.

— Вообще,— говорим,— нельзя, а в конкретном случае нужно запаковать эродирующий слой, перевернуть пласт, и на самое опасное время эрозия будет притушена. А потом надо будет посмотреть, возможно, придется пойти на залужение.

Чего мы еще нынешней весной опасались — так это дорожной эрозии. Этакая цепная реакция получается: начнется на обочине дороги, смотришь, песчаный язык уже полгектара поля отхватил. Тоже паника была: вдруг один наш павлодарский работник, точно кто, уж не помню, звонит в управление: «Павел Васильевич, в Кызыл-Кураминском совхозе разыгралась эрозия. Минимум восемьсот гектаров...»

Спешно приезжаем в район, а там уже и райисполком созван, и агронома прорабатывают (между прочим, очень хороший агроном):

— Как же вы допустили, Иван Иваныч?

И мы тут же, с ходу:

— Восемьсот гектаров, шутка ли!

— Помилуйте, откуда восемьсот? Всего пять гектаров. Несло по обочинам дороги, теперь мы их перепахали, потушили эрозию.

Все ясно: наши павлодарцы из мухи слона сделали: едут по дороге — темно кругом. Вот и решили, что поля по обе стороны дороги эродируют. Но это хорошо, пусть лучше такая паника, чем благодушие и самоуспокоенность. И этот агроном, Иван Иванович, тоже не будет медлить — засеет обочины многолетними травами.

Спрашиваете, с чего мы начинали в 1963 году? Создали комиссии из почвоведов, землеустроителей. Начали проводить почвоэрозионное обследование — по всем хозяйствам, нарезать на полях производственные полосы для введения почвозащитных севооборотов.

Издали в области книгу с рекомендациями по охране почв от ветровой эрозии. Стала она настольной у каждого бригадира. По всем районам провели конференции, по совхозам — семинары. Знакомили людей с противоэрозийными машинами, которые уже начали поступать к нам в область. И все-таки, как только стали приходить эти машины в хозяйства, начались всякие неполадки, поломки. В хозяйствах — тревога: как с ними справляться, с этими машинами?

А хорошо ли разбираются директора совхозов, главные инженеры, управляющие отделениями в новой технике? Если они не разбираются, что спрашивать с рядовых работников? Снова мы объявили по всей области семинары. Теперь уже проверочные, на знание техники. Звонишь в совхоз — едем к вам проверять, как разбираетесь в новых машинах, начнем с руководства. Взмолятся — повремените несколько дней, дайте еще раз досконально все изучить, потом уж приезжайте.

Переход на безотвальную обработку почвы мы сочетаем с внедрением и освоением почвозащитных севооборотов, с полосным чередованием культур и пара с полосами трав.

Приходится и здесь ломать сложившиеся привычки. У нас, целинников, размах широкий: если уж поле, так 400 гектаров. А тут вдруг то поле надо делить на 20 полос.

Мы, павлодарцы, на совещании говорили о необходимости завести во всех совхозах Книгу истории полей — поверьте, это не из любви к бумаготворчеству, мы против лишних бумаг, но такая Книга необходима. Именно по ней земледельцы смогут руководствоваться — какие полосы под пар, какие под пшеницу, когда и где проводить посев трав, их распашку.

А что такие севообороты нужны, в этом сейчас каж-

дый бригадир не хуже академика разбирается. Ведь одно время сильно люди пали духом, особенно в 1963 году,— казалось, и не справиться с этими пыльными бурями, а если и удастся справиться, то через много лет.

Пять лет прошло, как взялись за активную борьбу, и вот уже результаты — урожаи стали устойчивее, животноводство поднялось, хозяйства становятся рентабельными. И люди видят, что это не просто так, а благодаря новой, научной системе земледелия.

Впоследствии мы не раз встречались с Георгием Григорьевичем Берестовским, он много рассказывал о своем детстве, об отце, его биография — еще одно свидетельство того, как много значит в судьбе человека «почва», на которой он возрос...

«Предъявитель сего гражданин солдат Берестовский Григорий Денисович есть действительно солдат от первой роты Выборгского гарнизона...»

«...Полковой комитет удостоверяет, что т. Берестовский командирован на агитационные курсы при ЦИК крестьянских депутатов — 5 января 1918 года».

«Предъявитель сего — заведующий обобществления при Усть-Каменогорском земельном отделе Берестовский Г. Д. командируется в город Семипалатинск, а если потребуется, в город Омск. Берестовскому поручается ходатайствовать перед совучреждениями о скорейшем отводе для колхозов участков земли, также ходатайствовать о снабжении колхозов тракторами и прочим сельхозинвентарем, стеклом, мануфактурой и т. д. А потому просьба ко всем совучреждениям тов. Берестовскому оказывать законное содействие — 21 сентября 1921 г.»

«...Предъявитель сего действительно есть член Коммуны «Южной» Велико-Дмитриевской волости Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской губернии т. Берестовский Григорий Денисович, которого совет Коммуны командирует в г. Семипалатинск, по делам, касающимся Коммуны,— а именно по делу сдачи пшеницы Симбирской организации — что и удостоверяется — 28 декабря 1921 г.»

Мандаты писались на листках, вырванных из канцелярских книг царского времени. Было даже такое выражение: «Односторонне писанная бумага, годная к употреблению».

На обратной стороне одного из таких «односторонне писанных» листков можно было прочесть: «При неграмотности обозначаются приметы»... Далее следовал

перечень примет некоего «чернорабочего» Кузякина: «Рост средний. Волосы темно-русые...» А на лицевой стороне, на мандате, выданном коммунару Берестовскому, стояла круглая печать, настолько четкая, что и за полвека не выцвела, будто вчера ее поставили: «Коммуна «Южная». Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И герб на печати — нет, еще не совсем такой, каким он станет вскоре, после образования Советского государства, станет на века,— это еще прообраз будущего герба, но уже есть на нем и серп, и молот, и венок из пшеничных колосьев...

И еще сохранилась стенограмма Всероссийского совещания крупных колхозов в Москве, в 1928 году, на котором выступал делегат от Казахстана, член большевистской партии с июля 1917 года Григорий Денисович Берестовский. Он говорил, что для колхозного строительства нужны образованные люди, нужны школы, а в республике их не хватает, и нарком просвещения Луначарский заинтересовался его выступлением и поддержал его.

Одно из ранних воспоминаний Георгия Григорьевича Берестовского — как арестовали отца колчаковцы за большевистскую пропаганду. Отца бросили в семипалатинскую тюрьму, колчаковцы несколько раз приходили делать обыск. «Помню, был у нас портрет Ленина в картонной рамке, так мать его в пшеницу зарыла. И два мешка политической литературы зарыла на улице, в яме с картошкой».

Памятны Георгию Григорьевичу тревожные ночи, таинственный стук в окно: «Пора!» Памятно утро, когда установилась в селе Советская власть, и снова тревога в семье за судьбу отца — он командир красного отряда, очищающего волость от белогвардейцев...

А потом... Потом Георгий Григорьевич помнит себя уже двенадцатилетним мальчишкой, юным коммунаром.

Весной 1921 года проводилась «Неделя крестьянина» под девизом «Смычка рабочих и крестьян». Отец был председателем губернской комиссии по проведению «Недели». В городе мобилизовали буквально всех сапожников, портных, парикмахеров, артистов, плотников. И вот заработали в селах на полную мощь кузницы: правили лемеха, топоры, оковывали колеса. Плотники ремонтировали ограды и крыши домов, портные и сапожники больше чинили одежду и обувь, чем шили новую,— не из чего было. Доходило до забавного: идет по

улице ученик в рваной одежде — изловят его, и тут же, в одночасье, все залатают, если можно, перекроят и перелицуют, еще и шапочку подправят.

Вечером артисты выступали с концертами. Ну и крестьяне в долгу не остались — собирали все, что могли, устраивали для горожан обеды.

Было трудное время, но эта «Неделя» запомнилась как праздник, и до сих пор Федора Артемовна, мать Георгия Григорьевича, вспоминает: «Вот у нас в коммуне-то было...»

И еще запомнилось — как отправляли баржу с хлебом голодающим Поволжья. «Отправили мы хлеб — через некоторое время приезжает рабочая делегация с подарками от трудящихся Поволжья, с новой одеждой и обувью. Тогда мы еще им зерна собрали, а те товары, что они привезли, оценили и распределили на трудодни. Я, подросток, уже тогда в коммуне вовсю работал — на конных граблях, на сенокосилке. И досталась мне за работу пара новых хромовых сапог — это были первые сапоги в моей жизни».

Окончив семилетку, Георгий Григорьевич получил от коммуны путевку в сельскохозяйственный техникум. Потом — Тимирязевская академия, работа в хозяйствах Павлодарской области... Началась война, окончил пулеметное военное училище, воевал на территории Польши, в Германии, ранен был, «но вот жив остался...» А брат Вукол, офицер, погиб. Был Георгий Григорьевич награжден орденом Отечественной войны I степени, а после войны, за освоение целинных земель,— дважды — орденом «Знак Почета».

— Отец мой, как всякий крестьянин, очень был привязан к земле,— вспоминал Георгий Григорьевич.— Он ведь и стихи писал все больше о земле, о хлебе.

Стихи Григорий Денисович писал по-украински, но иногда прорывались и русские слова,— ему было восемь лет, когда семья переселилась на Иртыш из Полтавской губернии:

Передо мной открылось поле
По обе стороны дороги,
Густа пшениця, гнеться колос,
Не вдержить важкого зерна.

А вот это — когда его угоняли на германскую войну в четырнадцатом:

Прощевай же, неорана ныва,
Хто тэбэ заорэ?

Прощевай же, моя ридна жинка,
Хто тэбэ прыгорнэ?

Умер Григорий Денисович в 1958 году, в городе Павлодаре, оставив после себя, кроме сына Вукола, отдавшего жизнь за Родину, шестерых сыновей и дочерей.

Ранним утром к гостинице подъезжает вереница автобусов с надписью «По заказу». Едем на поля ВНИИЗХ.

Мимо окон проносятся хлебные поля. Совхоз имени Сакена Сейфуллина... Пшеница густая, чистая. За последние годы целинные поля, благодаря научно обоснованным рекомендациям института зернового хозяйства, заметно избавляются от сорняков.

Разговоры об эрозии не прекращаются и в автобусе.

Фортунат Миронович Щербина, заведующий кафедрой земледелия Ульяновского сельскохозяйственного института, рассказывает:

— Нынче в начале лета поехал я в командировку в Мелекесский район — это на границе с Татарией,— ветры там такие же, как у вас тут, на целине. И, знаете, больно смотреть на поля: все распаханы отвально, леса, какие были, уничтожены, травы пока не восстановлены — никакой защиты земле. Вот и поднимает ее тучами. Подсолнечник взошел, а его горячей пылью засекло, и всходы свеклы на многих полях погибли от эрозии. Еду и думаю: вот учим студентов, готовим будущих работников сельского хозяйства, а даем ли мы им самое главное — умение надежно защитить землю... Как узнал, что здесь такое совещание, все дела бросил, собрался и поехал. Перед землей мы все в ответе, довели ее до такой степени.

Сворачиваем с шоссе — начались поля института. Очень жарко, и все, выйдя из автобуса, прежде всего бросаются к большой автоцистерне, стоящей у обочины дороги. Шофер поворачивает шланг, и мощная струя прозрачной холодной воды бьет в подставленную кружку, плещет на дорогу, свертывая в шарики горячую черную пыль.

— Да, земля здесь, действительно...— говорит Сулейман Ахметгиреевич Еникеев, приехавший из Уфы.— Тут до черной бури недолго. Ишь, как пыль взметает...

По дороге ходят пыльные вихри, но рядом, на паровом поле, покрытом стерней, ветра словно бы и нет, земля лежит спокойно.

— Как на самолете здесь себя чувствую,— говорит Сулейман Ахметгиреевич.— У нас в Башкирии — пригорки, леса, а здесь словно в воздухе висишь, так далеко видно. И все пашня, пашня, есть где ветру разгон взять.

Машины демонстрируются одна за другой... Уходят под землю острые лемехи глубокорыхлителей и плоскорезов; молодой паренек в берете, забравшись на раму сеялки СЗС—9, разъясняет принцип ее устройства. Вот на этом самом поле, а, может быть, где-то рядом показывал мне, как работают новые машины, Борис Михайлович Печатников, приехавший на целину в 1954 году вместе с отрядом ленинградских коммунистов. В программе этого совещания значилось, что доклад о создании новых почвообрабатывающих орудий и посевных машин должен делать начальник Специального конструкторского бюро по машинам для Сибири и Северного Казахстана Б. М. Печатников.

Не удалось встретиться с Борисом Михайловичем. И уже никогда больше не удастся. За две недели до этого семинара он скоропостижно скончался в Москве от кровоизлияния в мозг, после одного из заседаний в главке...

— Он плохо себя чувствовал,— сетовали товарищи, которых я расспрашивала о Борисе Михайловиче.— Не надо было ехать ему в Москву, да разве удержишь?

— Это был человек, преданный своему делу до конца,— говорил Александр Иванович Бараев.— Нам жаль было отпускать его из института, но мы понимали, что в СКБ он сможет полностью проявить свой инженерный талант. Какой коллектив он создал — молодой, боеспособный. Орудия, которые там разработаны, сейчас получают повсеместное признание.

«Помяните мои слова, большое будущее у этих машин»,— так сказал мне тогда на прощанье Борис Михайлович...

Вылет самолета задержался. Пользуюсь этим, чтобы привести в порядок последние записи. Накануне был координационный совет — блокнот и голова распухли от названий всяких новых машин, их марок, технических характеристик.

Прежде всего, что такое координационный совет? Это орган, координирующий научно-исследовательские работы по созданию комплекса противоэрозийных машин. Исследования ведутся в трех Всесоюзных научно-

исследовательских институтах и возглавляет всю эту работу Всесоюзный НИИ зернового хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы это заседание проходило чинно — скорее, наоборот. Насколько я поняла, сталкиваются три волны интересов: ученым-агрономам хочется как можно быстрей получить машины, надежно охраняющие землю от эрозии; их не всегда устраивают темпы и методы конструирования и создания этих машин. Конструкторам нужно, чтобы в производство пошли именно их машины, и притом агротехнические требования ученых кажутся им не всегда обоснованными, требования — чрезмерными, но так или иначе им тоже нужно, чтобы машины были приняты быстрее. А вот инженеры-испытатели к каждой машине относятся придирчиво и нередко накладывают «вето» на запуск в производство.

На этот раз страсти разгорелись в основном вокруг БИГ-3, бороны игольчатой.

На институтском поле я видела это новое, не похожее на другие, орудие. Стальные острые зубья, вращаясь, по очереди впиваются в землю, разрыхляют ее, нарушая капиллярность, и, таким образом, БИГ-3 предотвращает испарение с полей, выражаясь языком агрономов, «закрывает» влагу. Она не распыляет почву, сохраняет стерню.

— Как можно скорее в производство!— настаивают агрономы — и ученые, и производственники.

— Нет, погодите!— возражают инженеры-испытатели.— Уж больно она неуклюжа, неповоротлива, тяжела, по сравнению с теми же зубовыми боронами. И насчет того, чтобы давала прибавку урожая,— пока нет определенных данных. Так что преимуществ особых не видим.

— Но она же предотвращает распыление почвы!— возражают ученые.— Это вам не преимущество?

— Преимущество. Но зачем запускать недоработанное орудие в производство?

— Сколько лет можно дорабатывать? За это время много земли унесет!

— Да, но по сравнению с зубовой бороной...

— Причем тут зубовая борона?— вмешиваются конструкторы.— Это орудие совсем другого типа, и требования к нему другие. Его, если уж на то пошло, и бороной неправильно назвали.— Это, скорее, ротационная мотыга!

— Вот так и сказали бы. Тогда и требования к ней будем предъявлять другие.

— Может, назвать ее ротационный культиватор?— неуверенно предлагает кто-то.

— А что, она от этого легче станет?

Общий смех. Смех-смехом, а орудие, как бы его ни окрестили, все-таки позарез нужно.

Спорили, горячились, но в итоге пришли к одному: срочно устранять недоделки и запускать «БИГ-3» в производство. Вот и утвердилось имя нового орудия, а спустя некоторое время прочно войдет в обиход у целинников, распространится по всей стране слово «бигование»— вместо «боронование»...

Целиноградский аэродром сразу переходит в степь, и вот она уже под крылом самолета, просторная целинная земля... Сегодня я смотрю на нее с особым чувством: мне понятны эти желтые, перемежающиеся с черным, полосы — полосные пары, зеленые линии — молодые лесонасаждения.

Самолет поднимается все выше и выше, но и сквозь туманную дымку земля продолжает слать нам сигналы — желтыми, зелеными, черными полосами и квадратами, словно хочет сказать: думайте обо мне, помните обо мне — я ваша земля, земля ваших потомков!

5. «АРМАВИРСКИЙ КОРИДОР»

«15 июля 1971 года. Поездка с А. И. Бараевым по полям. Пшеница выбрасывает колос... Водохранилище — выводки уток. Разговор о Каменной степи и «Армавирском коридоре»...— перечитываю короткую запись в одном из путевых блокнотов — и вот уже дан толчок воспоминаниям, и я снова в том лучезарном июльском дне... В голубой синеве проплывают высокие торжественные облака, вокруг — зеленый пшеничный простор. И воздух, живительный степной воздух, без пыли, без гари...

По лицу Александра Ивановича вижу, что он доволен состоянием хлебов, так, пожалуй, отец смотрит на подрастающее свое чадо — любовно и в то же время несколько критически, и как бы в подкрепление моего мысленного сравнения, академик произносит:

— Пшеница, когда лишь только выбрасывает колос... Здесь косма торчит, там вихор, но уж как вся заколосится, тут она красавица статная...

Все вокруг дышит устоявшейся гармонией: и эти зеленеющие хлеба, и коричневатые, лиловые, желтые полосы трав, даже выцветшая прошлогодняя стерня на паровых полях — и та вроде бы к месту... Поселки по обе стороны железнодорожного полотна, утопающие в зелени, пруды и рощи возле бригадных станов, выводки уток на островках обширного водохранилища, и молодой сосновый бор, темнеющий на взгорке...

Только что шел разговор о Каменной степи, где благодаря продуманным лесонасаждениям великому ученому-почвоведу В. В. Докучаеву удалось создать своеобразный заповедник плодородия и необыкновенный по красоте зеленый оазис.

— Как видите,— резюмирует Александр Иванович, обводя рукой простор, открывшийся нам с высокой плотины водохранилища,— у нас другие условия, чем под Воронежем, но и без крупных лесных массивов можно сделать степь прекрасной и плодородной.

Кое-кто называет Бараева «врагом леса», но, пожалуй, мало кто любит лес так, как он.

— Я же в Вологодских лесах рос,— говорит он,— да и сейчас люблю отдохнуть в лесу, чаще всего езжу в Боровое. Но всему свое место. Легко ли вырастить лес в знойной степи, где чуть ли не через год повторяются засухи, одна хлеще другой,— представьте себе, на какие пространства надо насадить лесополосы, сколько людей, сколько техники потребуется для ухода за ними... Деревья следует сажать в поселках и вокруг них, у бригадных станов, в оврагах, вдоль рек и водоемов. А для урожая толку от лесополос в наших условиях мало. Многолетние исследования показали, что снег распределяется при них неравномерно: у нас, на опытном поле института, разница на три центнера с гектара в пользу тех полей, где нет лесонасаждений. И вообще,— продолжает Александр Иванович,— глубоко ошибаются те, кто видит в лесополосах панацею от черных бурь. Приходилось вам бывать на Кубани? И под Армавиром жили? Уж там ли не лесополосы!

На благодатной кубанской земле я жила в детстве, а потом побывала там в начале шестидесятых годов. Хозяйка, к которой мы попросились на квартиру, недоуменно сетовала: «И шо таке з землею робыться — взвару (компоту) наготовишь, на веранду выставишь, шоб остыло, и крышка вроде плотна, а як выпьем весь, так на донци земля...»

«Несло» землю все время потихоньку, но кубанцы особого значения этому не придавали: слой чернозема у них в несколько раз толще целинного, казалось, на все века хватит. Пшеницу уберут и сразу же предают огню стерню и солому, а затем пашут отвально и сеют кукурузу на силос. Кукурузу скосят, снова пашут отвально, боронуют, сеют озимые... Огромные пространства заняты пропашными культурами: табаком, подсолнечником, кукурузой... А ветры там непрерывные. Вот и курила земля, сносило ее потихоньку в Азовское и Черное моря... А зимой 1969 года разразились страшные черные бури, и тут уж миллионы тонн плодороднейшей земли поднялось в воздух. Говорят, что оседала она даже за тысячи верст, в Греции и в Италии. Особенно пострадал так называемый Армавирский коридор, где много ветроударных склонов. Вот тогда и приглашен был на «консилиум» академик Бараев.

...— Проехал я по шоссе Москва — Баку. И на протяжении 40 километров двигались как в туннеле: дорога была занесена толстым слоем почвы, ее расчистили бульдозером, и по обеим сторонам тянулись земляные валы вышиной в четыре метра. А лесные полосы были забиты землей по самые макушки, образовались курганы высотой в восемь метров. «До чего ж довели землю!»— сказал я местным руководителям. А они руками разводят: «Стихия...»— «Нет, не стихия, говорю, а бедствие, которое подготовили и вызвали мы сами!»

Тут как раз домик дорожного мастера, сад, огород — все утонуло в земляных сугробах. Хозяйка вышла. Посочувствовал я ей и спрашиваю: «Как думаете, в чем причина?»—«Ото ж все пораспахалы, зачепиться ни за шо, воно и нэсэ...»

Простая женщина, а сразу в корень смотрит, чего не скажешь о директоре Краснодарского НИИ сельского хозяйства Тимофее Семеновиче Дубоносове: «Мы свою кубанскую систему выстрадали, мы ее менять не собираемся...» Схватились мы с ним в Ростове, на сессии ВАСХНИЛ,— она состоялась осенью 1969 года и была посвящена мерам борьбы с ветровой эрозией. Я им чистого неба пожелал, а он в ответ: «Мы на Кубани, Александр Иванович, не только о чистом небе думаем, но и о полных закромах зерна...» Полные закрома... А на многих полях потеряли на пятьдесят сантиметров почвы, и если даже слой чернозема полтора метра, то одной трети его запасов как не бывало... Так

сколько будущего хлеба ни за что ни про что на ветер бросили? У нас-то на целине чернозема всего сорок сантиметров, и если бы себе позволили такую «роскошь», вообще остались бы без земли.

Но, рассказывал мне Александр Иванович, далеко не все на Кубани и на Дону рассуждают, как Дубоносов. Вплотную занялись разработкой новой почвозащитной технологии применительно к местным условиям Донской и Ставропольский научно-исследовательские институты сельского хозяйства.

Вспомнил Александр Иванович и о своей недавней поездке с первым секретарем Алтайского крайкома партии Александром Васильевичем Георгиевым по Кулундинской степи.

...— Молодцы они, крепко за дело взялись — теперь у них полосное размещение посевов, многолетние травы. Люди говорят, что хоть дышать стали, а то окна одеялами завешивали, и все равно пыль набивалась.

— А вот в Хакассии и Бурятии вроде бы и переняли безотвальную обработку, а толку что? Обработают поле плоскорезами, а потом овец на него пускают. Где же тут угомониться черным бурям? Наша система тогда эффективна, когда действуют все ее звенья... В общем, воевать нам еще да воевать...

Вдоль стен коридора, ведущего в лабораторию агропочвоведения,— полки, забитые небольшими картонными коробками — в таких хранят детскую обувь, здесь же образцы почв со всей целины. В кабинете Александры Алексеевны над картой-схемой целинных земельных угодий — портрет Вильямса. Академик сфотографирован уже после инсульта, рот чуть перекошен, а глаза сквозь пенсне смотрят хмуро и требовательно. Серый селекторный аппарат, герань на окне, на столе — алюминиевая плошка, заменяющая пепельницу. Чувствуется, что хозяйка здесь особенно не засиживается. Недавно вернулась из Кургальджино, рассказывала, что на опытное поле повадились сайгаки, Банцат Копеев нашел способ их отпугнуть: сколотил сорок деревянных крестов, привез из общежития сорок списанных матрацев и расставил чучела по полю.

— Подъезжаем, батюшки, что за толпа...

Перед поездкой в Кургальджино Александра Алексеевна с Эрвином Францевичем Госсеном ездила в Бар-

наул — на координационное совещание по созданию противоэрозийной техники — такого же плана, какое было в 1968 году в Целинограде. Не очень-то довольна:

— Каждый норовит протолкнуть на испытания свою машину. Уж в чем, в чем, а в защите земли не должно быть местничества и корыстолюбия. Пока митингуем, земля из-под ног выскочит.

На загорелых руках — темные выпуклые вены. Обычная ее летняя одежда — свободный костюм из легкого штапеля спокойной расцветки. Пепельно-седые волосы скручены в узел.

— Ответственность за землю мы несем величайшую. Сейчас уже позади, а вот когда нам вплотную пришлось приступить к выведению из севооборотов очагов эрозии, ох и трудно пришлось. Недооценишь степень эрозии — потом еще больше земли потеряешь. Переоценишь опасность — значит, зря отнимешь место у пашни. Как тяжелая хирургическая операция — связана с риском. Находятся и крикуны, которые только и вопят: «Хлеб! Хлеб!» — Покричал и ушел на пенсию, а после хоть всю землю выдуй...

...— Между прочим, и в науке у нас уже немало пустозвонов-иллюстраторов появилось, это ведь вначале идея с кровью пробивается, а как она утвердится, дальше, словно по лыжне, диссертанты катят.

Ее рассуждения о роли ученого я записала буквально:

«...Ученый обязан быть государственным человеком, понимать вопрос в широком производственном аспекте и болеть не только за то, что при нем совершается, а и за то, как его работа «аукнется» годы спустя, может быть, в следующем тысячелетии.

...Самое главное — оставить после себя последователей. Ученый-одиночка, не имеющий учеников, скряга, не уступающий молодежи ни одной своей мысли, ни одной идеи, представляется мне этаким плешивым орлом в зоопарке, который терзает свою порцию мяса, прикрывши ее крыльями».

Сама же она была, как добрая почва для целой поросли молодых ученых. Пройдут годы, и ее питомцы станут докторами наук, профессорами, руководителями научных учреждений, а она до конца жизни так и останется кандидатом сельскохозяйственных наук...

«...— Умереть — значит полностью раствориться, телом — в земле, разумом — в людях... Смерти я не

боюсь, но у меня такое ощущение, что я и в двухтысячном году буду жить. Человечество должно поставить памятник мозгу. В старости, если его упражнять, мозг работает интенсивно и даже оказывает омолаживающее влияние на организм, да, да, где-то я читала...»

И вдруг — грустное:

«...Все-таки, когда уходит человек, сколько бы соратников и последователей у него не было, многое умирает вместе с ним...»

Сумерничаем дома у Александры Алексеевны. Чай она разливает в изящные чашки от сервиза —«ребята» подарили на семидесятилетие. Потом уж признались: хотели бюст Вильямса преподнести, да скульптор подкачал — даже отдаленного подобия академика не получилось.

Возвращается с какого-то семинара Константин Дмитриевич, усталый, запыленный.

— С Постоялковым сейчас как с иконой Пресвятой Богоматери носятся,— подтрунивает Александра Алексеевна.— Травы, корма — только и разговору, а свой огород прополоть некому.

Но участок у них все-таки приятный: над цветущим картофелем — зонтики укропа, подсолнухи, тут же грядки с зелеными стрелками лука, подвязанными к палкам кустами помидоров. Малина зреет, в палисаднике — ромашки, флоксы.

Ухожу, снабженная книгами «для дальнейших размышлений» и предвкушая удовольствие от чтения Овсинского: Александра Алексеевна дала мне на вечер фотокопию «Новой системы земледелия», в последний раз изданной в 1909 году. Иван Евгеньевич Овсинский во многом предвосхитил положения книги Эдварда Фолкнера, фермера из штата Огайо,—«Безумие пахаря», вышедшей в 1943 году.

«Молодые растения, как и молодые животные,— писал Овсинский,— нуждаются в обильном питании». А плодородие верхнего слоя почвы, в котором развиваются ростки, можно сохранить и повысить только путем мелкой обработки — Овсинский рассматривал ее как способ образования гумуса, а отвальную, глубокую — как способ разрушения.

«... Разве мы не видим степей, в которых верхний слой почвы, богатый органическими остатками, в продолжение многих веков находился на поверхности, пока не образовал удивительно плодородную почву — чернозем! Если

мы рекомендуем оставлять верхний слой на поверхности, то следуем только указаниям природы, которая сама прекрасно возделала миллионы десятин по всему свету в тех местах, где человек не успел еще попортить плугом ее труда».

...Глубокая вспашка — это порча почвы или непроизводительная трата удобрений,— писал Овсинский.— Знаменитый Крупп (пушечные и оружейные заводы) своими разрушительными военными орудиями не наделал человечеству столько бед, сколько фабрика самоходов (плугов) для глубокой вспашки... Достаточно напомнить голод в России в 1891—92 гг., достаточно было проехать осенью прошлого года через южную Россию, чтобы при виде черных от засухи полей понять весь вред, получаемый от применения ложной системы земледелия».

Овсинского отвергли при жизни, им пренебрегли и в более близком к нам времени, обвиняя в том, что он считает устройство природы «мудрым» и призывает подражать ей, не осложняя природных процессов лишними производственными приемами.

У Александры Алексеевны на этот счет свое мнение:

— Не признавали, потому что гром не грянул. Появись Бараев на полвека раньше, и его бы затуркали. Помните «Сцену в корчме» в пушкинском «Борисе Годунове»? Как там Варлаам: «Давно не читывал и худо разбираю, а тут уж разберу, как дело до петли доходит». Так вот и нам: как накинула ветровая эрозия петлю на шею, пришлось основательно разбираться, что к чему, тут и Овсинский из праха воспрянул, и Терентий Семенович Мальцев оказался прав — тоже ведь не «праздновали» его поначалу. Кончаются времена, когда милости у природы силой брать призывали...

— Мы ведем непрерывный бой, но не с природой, а с теми, кто ее уродует,— это уже слова Александра Ивановича Бараева.

Когда-нибудь наши потомки будут читать в учебниках примерно следующее: «В XX веке человечество столкнулось с грозным стихийным бедствием — ветровой эрозией почв, вызванной бурными темпами распашки земель, устаревшими методами обработки почвы. К семидесятым годам угроза потери большей и лучшей части пашни оказалась для человечества вполне реальной. Переход на новую систему земледелия был совершен сравнительно быстро и в глобальных масштабах».

Конечно, потомкам покажется быстро — за какую-то четверть века — взяли и перешли. Но для нас он происходит слишком медленно. Медленно и трудно.

Весной 1972 года страна узнала: за внедрение системы мер по защите почв от ветровой эрозии в Северном Казахстане и в степных районах Западной Сибири А. И. Бараев, Э. Ф. Госсен, А. А. Зайцева, Г. Г. Берестовский, А. А. Плишкин и И. И. Хорошилов удостоены Ленинской премии.

В начале июля этого же года я получила телеграмму за подписью Бараева с приглашением приехать в Ставрополь на Всесоюзное совещание по борьбе с эрозией почв.

Нигде я не видела столько роз, как в этом городе. Розы — алые, бордовые, белые — буйствуют на бульварах и в скверах, расстилаются коврами у памятников, каскадами низвергаются с каменных стен. В ботаническом саду гостям показали даже голубую розу, выведенную местными селекционерами.

Но эти розы, казалось, только подчеркивали опасность, угрожающую земле, на которой они возросли.

Эпицентр ветровой эрозии переместился с целинной пашни в южные районы страны. Позади была трудная, очень суровая зима, сухая весна, очень жестокие ветры. Иссушенная, распыленная бесчисленными обработками земля трескалась — то от мороза, то от зноя.

Озабоченная Александра Алексеевна готовилась к выступлению. Должны были также докладывать о результатах своих исследований и ее «ребята».

— Гуляют себе,— ворчала она добродушно.— Говорят, «подготовились, не волнуемся». Ишь какие, не волнуются. А мне вот уж семьдесят лет, а как выступать, так мороз в животе.

Многие участники совещания были знакомы между собой, а если не знакомы, все равно, разговор завязывался быстро. «Раз такий хворум собрали, то вже ясно — с землей шось надо робыты,— певуче говорила круглолицая женщина в капроновом платочке, как потом я узнала, агроном из запорожского колхоза.— У нас же все то вымерзло, то згорило...»

— А у нас в Волгограде нынче...

— Не могу понять, отчего у нас на Дону озимые вымерзли в одних местах, в других нет?

— Применяйте бараевскую систему — нигде не вымерзнут... Вот хотя бы у нас на Николаевщине...это

Когда в президиуме появились наши казахстанцы, ленинские лауреаты: Бараев, Госсен, Зайцева, Берестовский — зал дрогнул от аплодисментов.

«Бараев, академик Бараев»,— неслось по рядам. Вот так же, пыльной ветреной весной 1965 года, на одном из районных совещаний под Целиноградом приветствовали Александра Ивановича механизаторы и агрономы, а потом со вниманием и надеждой ловили каждое его слово, и так же буднично, и в то же время сурово и бескомпромиссно звучал его голос, как сегодня:

«Опасность резкого снижения плодородия велика. Плодороднейшие почвы Северного Кавказа и Украинских степей могут быть превращены в бесплодную пустыню. Несмотря на это, меры по защите почв от ветровой эрозии не выполняются. Только отдельные ученые на своих делянках и производственники в хозяйствах пытаются вводить новую систему. Там, где введена противоэрозийная обработка, озимые нынешней зимой были сохранены полностью, и урожай — на 2-6 центнеров с гектара выше, чем при старых методах обработки.

Нужно принимать меры... Земля говорит сама за себя».

Осматривали поля, шофер, чуть притормозив, обратил наше внимание на холм, с подножья до вершины усыпанный алыми маками. «Когда проедем — оглянитесь». Мы оглянулись и увидели холм в разрезе — он состоял из добротнейшего угольного цвета чернозема, снесенного с полей. Теперь холм служил как бы карьером — здесь брали плодородную землю для хозяйственных нужд.

Виктор Ефимович Козлитин, секретарь парткома колхоза имени Свердлова Шпаковского района Ставропольского края рассказывал:

«До чего дошло — люди из колхоза уезжать стали. Почву сносило до основания. Вокруг кошар — земляные сугробы. Только благодаря научно обоснованным методам мы опять подниматься стали. Очень помог целинный опыт, рекомендации академика Бараева».

Внимательно слушали участники совещания доклад кандидата сельскохозяйственных наук Владимира Васильевича Жигайлова о борьбе с ветровой эрозией в Алма-Атинской области.

Совхозы «Илийский» и «Каскеленский» были организованы в 1954 году на целинных землях, в пустынно-степной зоне, на необеспеченной богаре. Необеспечен-

ной — потому что здесь выпадает за год всего 206-220 миллиметров осадков. Распахали обширные пространства легких почв, а дальше история известная: землю понесло. Гибли посевы, заносило дома. Нужно было принимать срочные меры, переходить на почвозащитную систему.

...Сверкающие снежные вершины, а внизу, под крылом, чаша рукотворного моря и бесконечные желтые и темно-зеленые полосы — такой ныне видится нам, когда самолет заходит на посадку в алма-атинский аэропорт, желанная земля. Там, где ветер наметал барханы супесчаного серозема, зеленеют травы, колосятся хлеба.

В Илийском совхозе, рассказывал В. В. Жигайлов, в полтора раза повысилась урожайность зерновых; благодаря многолетним травам, обеспечившим кормовую базу, удвоилось производство мяса.

Настороженность, недоверие уступали место живому интересу. На полях известного всей стране звеньевого В. Я. Первицкого уже перешли на почвозащитную обработку.

«...— Разве так у нас встречали год назад Александра Ивановича Бараева? Усмехались, слушая: «Что за пророк новоявленный?» А он предупреждал...»

На Армавирской опытной станции ВИМ, на раскаленной зноем бетонированной площадке выстроились машины для почвозащитной обработки; на многих надпись: «Целиноград». Это и стерневые сеялки, и глубокорыхлители, и плоскорезы.

Разговоры — знакомые по целине: «Плоскорезная обработка без БИГ-3 — филькина грамота».

Директор Ставропольского НИИ сельского хозяйства Александр Александрович Никонов и сотрудники института возили участников совещания по хозяйствам, где новая система уже действует.

— Неправильной обработкой,— говорил Александр Александрович,— наши почвы были доведены до предынфарктного состояния. Встал вопрос: жить или не жить? Психологический барьер преодолен, многие хозяйства уже перешли на плоскорезную обработку — противоэрозийную технику закупаем в Целинограде. Конечно, полностью переносить целинные методы на свои поля мы не собираемся. У нас иной рельеф, нам нужно интенсивней бороться со смывом почв, проводить закрепление и облесение оврагов. Главное то, что целинные ученые явились для нас ярчайшим примером му-

жества и принципиальности в борьбе за сохранность земли.

В Ставрополе, как и во всяком большом городе, есть воскресный «толчок». В многоликом содоме, среди груд старой обуви, огромных цыганских подушек и пестрых ковров, я увидела расстеленную на земле тряпку, а на тряпке — аккуратно нарезанные серовато-коричневые кубики. Я взяла один кубик, подбросила на руке — по тяжести ни металл, ни дерево. Что это?

— Макуха, дамочка,— пояснил старичок в очках, с усмешкой наблюдавший за мной.— Макуха, для рыбной ловли.

Я сконфуженно отошла. Как я не узнала сразу, что это «макуха», подсолнечный жмых. Это кубики ввели меня в заблуждение, мы же покупали, а чаще выменивали на базаре увесистую плитку, разбивали молотком на крошку, а потом мололи на ручной мельнице, состоявшей из двух деревянных чурбаков с набитыми железными пластинами.

Голодное военное детство заставило нас узнать цену хлебу. Но как оценить землю, которой предстоит кормить хлебом бесчисленные поколения грядущих веков?

Солнечная, щедрая, благодатная кубанская земля! Бесконечно дорога ты каждому из нас, как дороги просторы целины, леса Подмосковья, роскошествующие зеленью луга берега Амура...

6. «С ЗАГЛЯДОМ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ»

Лето 1974 года по всему Казахстану запомнилось как сухое и знойное. Да и осень дождей не принесла. После жатвы в полях было солнечно, пусто и — странное для целины дело — безветренно. Ночью морозы сковывали землю, а днем она оттаивала и рассыпалась под ногами.

«Входим в зиму с нулевым запасом влаги»,— эти слова я услышала, в конце октября приехав во Всесоюзный институт зернового хозяйства. И сразу вспомнилась другая засуха, 1963 года, когда я была здесь впервые, но тогда хоть осенью пошли дожди.

Одиннадцать лет... Именно столько длится самый короткий период циклической деятельности Солнца. Да, теперь уже почти никто не сомневается, что многие климатические явления на земле связаны с Солнцем и повторяются периодически. Периодически сменяя влажные

годы, повторяются и засухи. Так что же делать человеку? Смириться? Склонить голову перед их неизбежностью?

«Наука. Засуха. Урожай» — так назывался очерк, опубликованный в «Просторе» одиннадцать лет назад. Тогда, в 1963 году, поля института и нескольких соседних хозяйств, перенявших его почвозащитную систему, показались мне оазисом, чудом среди выжженной степи. Спустя одиннадцать лет эта система применялась в нашей республике и за ее пределами на двадцати двух миллионах гектаров, и там, где выполнялись все ее требования, даже в засушливые годы стали получать гарантированные урожаи.

Округлые, серые валуны на взгорках растрескались за много веков, как яичная скорлупа. Ныне степь расчерчена полосами, словно для какой-то грандиозной игры, впрочем, это и есть игра, вечная игра человека с солнцем, ветром и морозами, разрушающими даже камень, не то что почву, и нужно очень хорошо изучить правила этой игры, постичь все ее секреты, чтобы не проиграться в пух и прах.

...— Ну что, моя дорогая, много набрали цифр?

Взгляд из-под очков немного насмешливый и в то же время добрый, все понимающий взгляд...

— У медведя сто сказок — и все про мед. Так и мы, все одно и то же: «Плоскорезная обработка дает урожаи на столько-то выше, чем отвальная...» А почему выше? Какие почвообразовательные процессы происходят при многолетней плоскорезной обработке? Вот мы с вами уже на двадцати миллионах гектаров новую систему внедрили, а можем ли с уверенностью предсказать, как поведет себя почва через пять, десять, двадцать лет?

— Александра Алексеевна, но ведь доказано...

— В том-то и дело, что не доказано. С Кубани, из Кустанайской и Уральской областей сообщают, что при плоскорезной обработке урожаи, бывает, понижаются. Как будто все правильно: почва спасена от ветра. Всходы в безопасности. Влаги стало больше. Сорняки уничтожены. А урожаи — ниже. В чем дело? Еще недавно решили бы просто: ниже — значит, плоскорезная там не годится, надо вернуться к отвальной вспашке. Перевернуть пласт — и все тут. Но теперь мы так решить не имеем права. Земля дороже всего, и мы не можем отдавать ее на милость ветрам: то ли выдует, то ли нет. Значит, надо разработать теоретические основы: почему

урожай при плоскорезной обработке в большинстве случаев повышается, но может и понижаться? Должна вам сказать, что теоретических разработок по этому вопросу нет ни у нас, ни в Канаде, хотя там уже сорок лет обрабатывают землю плоскорезами. «Предотвращает эрозию», «накапливает влагу» — этого еще маловато для теоретических основ.

— Плоскорезная система будет распространяться и в дальнейшем, все сухое земледелие — заведомо наше. Значит, надо думать и об отдаленных последствиях, жить, так сказать, с заглядом через сто лет. Мы стоим на грани двух систем земледелия — прошлой и будущей. Тем, кто придет после нас, уже не с чем будет сравнивать плоскорезную обработку. Наша обязанность — расставить для них вехи, чтобы не потерять безоглядно и то, что было хорошего...

Под руководством Александры Алексеевны лаборатория плодородия почвы отдела агропочвоведения развернула скрупулезные исследования водного и пищевого режима растений. Пшеницу, ячмень, овес выращивали в вегетационных и вегетационно-полевых условиях. Землю брали из разных мест, из разных слоев пахотного горизонта. Привозили даже из Курганской области, с полей почетного академика Терентия Семеновича Мальцева: там безотвальная обработка велась уже длительное время, и, естественно, определенные изменения в составе почвы должны были произойти.

— И что же вы думаете? Сразу же обнаружили снижение содержания нитратов! Пожнивные остатки копятся, разлагаются, и микробы, участвующие в процессе разложения, интенсивно поглощают нитраты, а растениям его начинает не хватать. Они ведь очень остро ощущают изменения в почве, все наши химические анализы не сравнятся с их реакцией; для сотворения полновесного зерна пшенице необходимо определенное количество азота, и вынь его да положь именно сейчас, а не в отдаленном будущем, когда микробы, сами превратившись в перегной, вновь отдадут его почве. Улавливаете, в чем дело? При плоскорезной обработке плодородие не исчезает, плодородие копится на будущее, идет восстановление почвы, гумуса, сотворение пахотного слоя!

«Некоторые вопросы плодородия почвы при почвозащитной технологии возделывания сельскохозяйственных культур...»

Нелегко же дались заведующему лабораторией плодородия Ивану Павловичу Охинько эти «некоторые вопросы»!

Данных было достаточно, но Александра Алексеевна, научный руководитель Охинько, все медлила с обнародованием выводов, а, значит, задерживалась и защита кандидатской диссертации. Десять лет упорного труда... Зато в своей кандидатской И. П. Охинько, действительно, сказал новое слово в разработке теоретических основ почвозащитной системы. Плодородие при плоскорезной обработке можно и должно регулировать, детально разработав дозы удобрений для каждой зоны и способы внесения их в почву.

— Молодежь наступает нам на пятки,— посмеивается, довольная, Александра Алексеевна.— Вы знакомы с Мехлисом Сулейменовым?

— Конечно, еще с 1967 года.

— С тех пор он сильно вырос. Обязательно с ним побеседуйте.

Мехлис Касымович Сулейменов приехал в Шортанды в 1962 году после окончания сельскохозяйственного института. Когда меня с ним познакомили, уже заведовал лабораторией агротехники полевых культур. Мысли двадцатипятилетнего ученого впечатляли зрелой широтой, масштабностью.

«...Институт у нас всесоюзный, и нам надо формировать теоретические основы, а не попутные программы и методы...

...У нас даже нет теоретических основ посева, и семена сеются, как из рога изобилия...»

Кандидатскую молодой ученый защищал по предпосевной обработке почвы под яровую пшеницу, и уже в это время занимал его очень существенный вопрос, который его наставник академик Бараев сформулировал в своей краткой, впоследствии ставшей крылатой фразе: «Зачем сеять больше, чтобы убирать меньше?» Ведь, если посеяно густо, растения начинают «глушить» друг друга, им начинает не хватать не только питания из почвы,— не имея вокруг себя достаточного жизненного пространства, они не могут нормально осуществлять фотосинтез.

Еще академик Д. Н. Прянишников учил: чем лучше условия для развития растений, тем реже должен быть посев. Условия-то мы действительно улучшаем: растет культура земледелия, появляются новые интенсивные

сорта, а пшеницу как сеяли густо, так и продолжаем сеять, а потом огорчаемся: урожай отменный, а полегла пшеничка-то! И невдомек иным хозяйственникам, что посей они не четыре-пять миллионов зерен на гектар, а два с половиной, то и урожай был бы выше, и стебель крепче...

Между прочим, еще в 1957 году, занимаясь вопросами возделывания яровой пшеницы в Центральном Казахстане, Александра Алексеевна Зайцева наибольшую урожайность получила при норме в два с половиной миллиона семян на гектар.

На опытных полях ВНИИЗХ, при поддержке и добром совете академика Бараева, Мехлис Касымович Сулейменов начал многолетний эксперимент, который показал, что в засушливые годы при более редком посеве яровая пшеница лучше переносит засуху. А во влажные годы в редких посевах выше продуктивное кущение, тяжелее колос.

Почему же все-таки в Северном Казахстане на протяжении многих лет считали, что лучше сеять погуще? Во-первых, загущенные нормы сева родились, когда господствовал отвальный плуг. «Поковеркают землю,— говорил мне Александр Иванович Бараев,— набросают глыб — посеют, росточек взошел то тут, то там, не поле, а рябчик...» Во-вторых, ранние сроки сева не позволяли полностью очистить поле от сорняков, и загущенной пшенице предлагалось как бы самой с ними справиться, и в-третьих, всхожесть семян оставляла желать лучшего. Если же выполнять все требования современной целинной агротехники, то вполне можно сеять и реже. Только экономия пятидесяти килограммов семян на гектаре сберегла бы в Северном Казахстане около шестисот тысяч тонн высококачественного зерна сильных пшениц!

Весной 1971 года состоялось совместное заседание президиума ВАСХНИЛ и редколлегии «Комсомольской правды», научный обозреватель которой А. З. Иващенко долгие годы занимался и продолжает заниматься разработкой принципиально новых элементов технологии возделывания пшеницы. Самым молодым участником совещания был Мехлис Сулейменов, сообщение которого слушали с огромным интересом. Президиум ВАСХНИЛ постановил считать необходимым организовать, начиная с 1971 года, исследования норм высева колосовых культур; первым в числе научно-исследовательских уч-

реждений, кому поручалось это важное дело, был назван Всесоюзный НИИ зернового хозяйства.

— Деревья растут, как дети. Если на глазах, то и незаметно...

Мы стоим с Федором Федоровичем Самусевым на опушке молодого соснового бора. Тишина. Сосны, разогретые запоздалым осенним теплом, источают смолистый дух...

— Шишки появились, обратите внимание,— говорит Федор Федорович.— Зайцы у нас здесь живут, лисы, косули забегали. Но вот беда...— Федор Федорович мрачнеет.— Видите глубокие колеи в междурядьях? Это по ночам с включенными фарами за дичью гоняются. Сколько все-таки у нас еще дикости! Посадили мы лесополосы вокруг Опытного хозяйства, чтобы снегом дома не заносило, и в них — облепиху, черную, и красную смородину, дикую вишню, черемуху даурскую... И что же вы думаете? Не успели появиться первые ягоды, как из Целинограда, по выходным, двинулись сюда орды автомобилистов-частников. Ломают, рвут, топчут... Странная у людей психология: раз в степи растет, значит, ничье, а ведь в эти посадки труд вложен — и какой труд...

Во многих целинных хозяйствах тянутся к небу деревья из саженцев, выращенных в дендрарии института.

Едем по дамбе водохранилища. На нем уже ледяные забереги; они как бы зависают в воздухе — водохранилище мелеет на глазах.

— Как бы нынче зимой рыба не задохнулась,— беспокоится Федор Федорович.— Карпы у нас здесь. А по берегу серые цапли уже поселились. Чайки летают, видите. Еще через несколько лет здесь тоже будет лес шуметь — весь берег обсадили; и от смыва почву предохраняет, и для отдыха неплохо.

Деревья и травы... Одежда и защита земли. Ее тепло, ее прохлада. Захожу в кабинет доктора сельскохозяйственных наук Константина Дмитриевича Постоялкова. Он сидит за письменным столом, а за его плечами, как стражи, в рост человека снопы сухих трав.

— Эта травка,— говорит Константин Дмитриевич, с нежностью поглаживая могучий сноп, увенчанный длинными изящными колосками,— способна давать зеленую отаву до глубокой осени. Даже под снегом она зеленеет. «Волоснец ситниковый» и «волоснец узкий»—

на наш взгляд, с помощью этих трав можно решить проблему осеннего выпаса скота.

На освоенной целине идет коренное улучшение сенокосных угодий, вводится лиманное орошение, высеваются многолетние травы. Благодаря этому многие хозяйства уже имеют большие запасы кормов.

— Но ура кричать еще рано,— говорит Константин Дмитриевич.— Если вы изучите годовые сводки надоя молока в хозяйствах, то обратите внимание, что они начинают падать,— чуть ли не с июля. Это начался так называемый «голодный пастбищный период». Скот уныло бродит по выгоревшим пастбищам, выискивая свежую траву. Наши степные травы рано заканчивают свое развитие, обсеменяются и умирают. Голодные коровы теряют в весе, урезают молоко, и даже хорошие зимние корма уже не могут потом поправить дело. Некоторые хозяйства вывозят на пастбища и скармливают скоту прошлогодний перекисший силос, другие перегоняют скот в поймы рек, но это все полумеры, не дающие эффекта. Нужно коренное улучшение пастбищ, и оно уже началось. У нас, в шести северных областях Казахстана,— около тридцати миллионов гектаров естественных угодий, представляете, какие возможности.

— Долгое время,— говорил Константин Дмитриевич,— мы искали в дикой флоре республики наиболее пригодные для пастбищ типы трав, которые бы росли и давали отаву до глубокой осени. И вот остановились на «волоснеце»— долго испытывали его и пришли к убеждению: это как раз то, что нужно. Мы начали размножение семян «волоснеца» и уже отпускаем их совхозам Целиноградской области и других областей Северного Казахстана.

Сейчас сотрудники отдела кормопроизводства стремятся улучшить дикие формы «волоснеца»— выведен новый сорт «шортандинский», еще более продуктивный.

В те дни Александр Иванович Бараев был в отпуске, я уже примирилась с мыслью, что не увижусь с ним на этот раз, и вдруг, накануне отъезда, узнала, что он прилетел из Ленинграда.

— Очень рад,— послышался в трубке знакомый голос.— Я, правда, приболел — простыл в Ленинграде, но если вы сможете зайти ко мне домой, то потолкуем.

Супруга академика, Алевтина Филипповна, как мне

показалось, встретила меня укоризненным взглядом: «И в отпуске человеку покоя нет».

— Кабинет мой оккупировали внуки,— сказал Александр Иванович, когда мы уселись за круглым столом в гостиной,— и сейчас у них «мертвый час», а то бы я показал вам интересные письма, которые приходят со всех концов страны по поводу нашей системы. Друзей и единомышленников у нас с каждым годом все больше. Только главное,— о чем мы не перестаем всем говорить и писать,— нельзя слепо копировать нашу систему, нужно подходить к ней творчески. Настала пора объединить усилия всех научных учреждений по разработке теоретических основ почвозащитной системы в засушливой зоне страны. Ну, а что касается северных областей Казахстана, где раньше всего введена новая система, вы видите, что урожаи неуклонно растут. Конечно, в резко засушливые годы они могут снижаться, но в среднем, если считать примерно за пять лет подряд, там, где выполняют все требования почвозащитной системы, будут держаться на уровне пятнадцати-шестнадцати центнеров.

В Ленинград Александр Иванович летал по приглашению телестудии, снимающей фильм о Кировском заводе, где выпускаются тракторы-богатыри К-700. Главный конструктор завода Вячеслав Александрович Поляченко и академик Бараев знакомы уже давно. Вячеслав Александрович не раз бывал в целинных хозяйствах, когда испытывали трактор, приезжал он и в Шортанды. Вот теперь телестудия и устроила встречу старых друзей.

О тракторе К-700 в свое время было много споров: опасались, что тяжелая машина будет сильно утрамбовывать землю. И все же «богатырь» одержал победу. Механизаторов на целине, как и везде, впрочем, не хватает, пространства обширные, а «кировец», к примеру, тащит за собой пять стержневых сеялок, захватывая сразу десять с половиной метров. Более эффективна в сочетании с ним и другая противоэрозийная техника. В опытном хозяйстве института в бригаде Станислава Ивановича Гаврилюка шесть механизаторов шестью «кировцами» обрабатывают более пяти тысяч гектаров пашни. На производство одного центнера зерна они затрачивают шестнадцать минут, в то время как американские фермеры — двадцать две минуты. Опыт Гаврилюка перенимают многие целинные механизаторы.

— К сожалению,— продолжал Александр Иванович,— противоэрозийной техники в хозяйствах еще не хватает. Мало выпускается глубокорыхлителей, плоскорезов, а уж о запасных частях и говорить нечего. Большие претензии у земледельцев к нашей промышленности. А нынешняя сухая осень...

В гостиную буквально ворвался белоголовый мальчуган.

— Дедушка, где моя машина? А в сад пойдем?

Пора и честь знать,— подумала я.— Пускай Александр Иванович займется внуками и хоть немного отдохнет».

Ноябрь и декабрь, пожалуй, самые бесприютные месяцы в году: солнца мало, дни катастрофически укорачиваются, но что поделаешь, в сельском хозяйстве они самые «отпускные», и отдыхает в это время большинство земледельцев, от тракториста до академика. А там, в январе, уже начнется подготовка к посевной, заботы о новом урожае.

Поезд набирал скорость. Пронеслись знакомые берега водохранилища, институтский поселок, зеленеющий на взгорке сосновый бор, и начались поля, поля. Земля тоже отдыхала. Каким-то выдастся будущий год? Засушливым? Влажным? Может быть, действительно, все решают пятна, что сейчас проплывают там, на поверхности великого Светила?

Активность Солнца... Что может сравниться с ней, что может ей противостоять? Активность человеческого Разума...

7. ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИСЬ

Коттеджи ученых тонули в сугробах: зима 1979 года выдалась затяжная, не отпускала до середины апреля. Но уже теплела небесная синь, и птицы летели стаями с юга... На талом снегу у крыльца были свежие следы — значит, в доме кто-то есть. Я постучалась и, не дождавшись ответа, приоткрыла дверь.

— Кто там?— Александра Алексеевна в теплом байковом халате спускалась по лестнице из спальни. Увидев меня, ахнула:

— Ну, пропащая... Что так долго не заявлялась? Константин Дмитрич, иди-ка, глянь, кто приехал...

Последний раз перед этим у нас была недолгая встреча летом 1976 года — тогда мы заезжали в Шор-

танды с Иваном Петровичем Шуховым — по дороге из Кокчетава.

— Кому же теперь отдано ваше предпочтение?— продолжала она шутливый допрос и, услышав, что у меня в Подмосковье появился внук, всплеснула руками:

— Машенька — мама?! Такая девчушка с косичками приезжала, да, правда, шестнадцать лет уж тому...

Кресла в столовой стояли у стены, завешенной большим ковром, но и сквозь ковер проникал сырой холод.

— Топят неважно, может, наверх поднимемся, там теплей. Хотя вот вам шаль, накиньте. А самовар-то, Костя, я налила, а включить, кажется, забыла, посмотри, пожалуйста...

Спросила, надолго ли в Шортанды, я ответила, что привезли меня товарищи из Целинэнерго — они двинулись дальше, по своим делам, а на обратном пути обещали заехать.

— Ну вот, с электриками ездит, об электриках пишет... Я же говорю — изменница...

— Александра Алексеевна, понимаете...

Ну как было объяснить, что теперь, когда институт получил мировое признание, когда трудно стало найти газету или журнал, где виднейшие публицисты страны не писали бы о подвиге целинных ученых, когда столько рассказывали о них по радио и телевидению, вряд ли мое незатейливое перо могло добавить ко всему этому что-нибудь свежее...

Да что там, все она понимала...

— Приезжайте почаще, так хочется порой просто поговорить.

И тут же:

— Видали в степи, какой мощный разлив готовится? Ох и много воды мы теряем с начала таяния до сева. Удержать бы эту влагу, вырвать хоть часть ее у природы...

Попив чаю, Константин Дмитриевич ушел в свою лабораторию, он еще продолжал работать, а Александра Алексеевна была уже на пенсии. Так случилось, что именно в этот день ее и Александра Ивановича Бараева пригласили в школу поселка Ждановского на встречу с первоцелинниками.

— Знаете что,— предложила она.— Едемте с нами. Электрикам вашим передадим, чтобы в Ждановский завернули.

Александр Иванович, как всегда, был приветлив и доброжелателен.

— С учебником-то как?— обратился к Александре Алексеевне, когда уселись в машину.

— Вот, полюбуйтесь,— весело пожаловалась она мне.— Человеку и на пенсии покоя нет. Требуют писать учебник по почвоведению. А отдых, по-вашему, я не заслужила?

— Так это и есть отдых, Александра Алексеевна,— парировал академик.— Простор для творческих размышлений.

А ей хотелось быть с «ребятами». И вернулась ведь после в лабораторию, простым сотрудником, но вернулась.

Вместе с почтенными, в орденах, целинниками нас пригласили пройти в президиум.

— Ну вот и становимся живой историей,— шепнула она мне, оглядывая зал.

Шумело, озоровало, рассаживаясь по местам, «племя младое», рожденное и возросшее на освоенной целине.

— Старшие, следите, чтобы младшие не бегали по залу!— взывала озабоченная учительница.

Имя академика Бараева и здесь оказало магическое действие, все сразу стихло, когда он встал за кафедру.

— На вашей памяти,— говорил Александр Иванович школьникам,— уже не бушевали черные бури. Вы не видели, как сорняки душили пашню. В наследство вам достанутся улучшенные, облагороженные поля. Но помните: запустить землю снова очень просто, трудней сохранить ее плодородие. Скоро на вас ляжет ответственность за судьбу родной земли. Со школьной парты начинайте осваивать азы почвозащитной системы земледелия...

— Ужасно волнуюсь,— шепнула мне Александра Алексеевна.— Перед детишками выступать, пожалуй, страшней, чем перед взрослыми...

Ее выступления мне дождаться не удалось — приехали-таки за мной товарищи из Целинэнерго. Она даже как будто обрадовалась:

— Поезжайте, не ждите... Я только провожу и вернусь,— пообещала Александра Алексеевна встревоженной учительнице — ведущей.

Вышла со мной на крыльцо:

— Приезжайте... Договорились?

Мы крепко обнялись, и пока машина не свернула за угол, Александра Алексеевна смотрела вслед. Она-то, наверное, предчувствовала, что это наше расставание навсегда.

Клубились в небе весенние облака, и все степные овражки были уже заполнены бурливой талой водой...

Тихо в залах институтского музея. Диаграммы, графики. «Семейный» альбом — лик земли, пораженной тяжким недугом,— его я впервые увидела в 1963 году на столе у Александры Алексеевны и, листая, услышала памятные слова: «Земле нужен чапан...» Модели новой техники, спасшей целинные земли... А вот и она сама, Александра Алексеевна Зайцева. Простое русское лицо, одухотворенное упорной неотступной мыслью,— такой увидела ее при жизни и запечатлела в бронзовом барельефе скульптор Л. П. Колотилина.

«...Земля, как мать, все прощает нам — и носит, и кормит нас, но вечно ли это? Она — это мы — и прошлые, и живущие, и будущие. И хитрить, и поступаться, и ловчить с нею не имеет смысла». (Из бесед с А. А. Зайцевой).

Выхожу на крыльцо, и сразу охватывает яростный зной. Засуха на этот раз начала свой «разбег» в восьмидесятом и достигла апогея в восемьдесят втором.

— Ну что, будем писать «Три июня без дождей»?— невесело пошутил Александр Иванович, когда, наконец, допустили меня к нему в кабинет. Академик выздоравливал после тяжелой болезни, и врачи разрешали ему бывать на работе не больше трех часов — можно представить, какая образовывалась к нему очередь, в том числе и нашей пишущей братии...

— Из последних восьми лет у нас в Шортанды пять лет были острозасушливые. И все же урожаи были устойчивые.

Хоть и не так уж часто мне приходится видеть Александра Ивановича, но все же мне кажется, он не меняется, не стареет, разве стал более худощав да взгляд и черты лица как-то помягчели. Впрочем, упорства в отстаивании своих принципов ему по-прежнему не занимать. Как раз в эти дни в Целинограде проходил Всесоюзный слет ученических производственных бригад, и на полях Опытного хозяйства ВНИИЗХ состязались юные пахари. Академика пригласили выступить перед будущими

хлеборобами. Наверно, ждали от него торжественного выступления, а он начал просто, даже сердито:

— Откуда вы взялись такие, с отвальным плугом? У нас отвально не пашут!

Пятнадцать-шестнадцать центнеров с гектара в такие острозасушливые годы, как 80-й, 81-й (забегая вперед, скажу, что в 82-м было собрано не меньше) — красноречивое свидетельство торжества новой целинной системы. Ведь при прежней, отвальной обработке почвы в такие годы и семян не собрали бы. И это еще не предел: на полях бригадира Опытного хозяйства лауреата Государственной премии Казахской ССР, Героя Социалистического Труда С. И. Гаврилюка с каждого из четырех тысяч гектаров получают около 20 центнеров.

— Но ошибаются те, кто думает, что соблюдать правила нашей системы легко и просто, она требует вдумчивого, творческого подхода,— сказал Александр Иванович.— Вот, скажем, прошлая осень была без единого дождя. О какой обработке могла быть речь? И все-таки почти повсеместно поднимали зябь. Плоскорезы трещали, выворачивая вот такие глыбы — «чемоданы». Пускали бороны БИГ-3 — ну что, скользят по поверхности, ничего не берут, а в трещину зуб попадет — ломается. Тратили зря горючее, гробили технику, портили землю. Для чего — спрашивается? Пришлось нам срочно выступить в газетах, по радио — кое до кого дошло — прекратили, а часть руководителей так и осталась при своем — дескать, так ежегодно делаем, зачем установленный порядок ломать. Нет, шаблон, слепое копирование элементов нашей системы могут нанести непоправимый вред.

— Александр Иванович, в 1965 году вы рассказывали мне о беседе с канадцами, о том, что им потребовалось двадцать лет для перехода на новую систему земледелия. Вот и у нас... В восемьдесят третьем году исполняется двадцать лет с тех пор, как был налажен выпуск почвозащитных орудий, не так ли?

— Да, противоэрозийные орудия для целинников были разработаны и поставлены на конвейер за три-четыре года. И на полях их освоили довольно скоро — необходимость заставила. Конечно, было и сопротивление со стороны некоторых руководителей, агрономов, механизаторов. Было и такое, что забор из плоскорезов вокруг машинного двора городили, но, как говорится,

нужда заставит калачики есть. Теперь у нас подросло молодое поколение целинных хлеборобов, для которых отвальный плуг — нечто допотопное. Устои почвозащитной системы земледелия они впитали, можно сказать, с молоком. Но если бы так было везде! В прошлом году ездил я в Полтаву к нашему давнему другу, первоцелиннику, ныне первому секретарю Полтавского обкома партии Федору Трофимовичу Моргуну. Он принял область под свое руководство, будучи убежденным поборником почвозащитной системы, он понимал, что внедрение ее на Полтавщине даст возможность намного больше сберечь урожаи не только зерновых, но и других культур. Но на какой мощный психологический барьер пришлось ему натолкнуться!

Во многих полтавских хозяйствах и при плужной обработке имели высокие урожаи.— «От добра добра не ищут,— так рассуждали опытные агрономы и руководители хозяйств.— Собираем по 30-35 центнеров с гектара, чего еще надо?» А многие механизаторы просто бойкотировали плоскорезы: «Нэ буду робыть! Щоб я ту рогульку до трахтору причепив? Та ни за що!»— «Такое сорное поле после себя оставлять?— возражали другие.— Да нас жинки дома засмиють!»— это они стерню сором считали.

Приходилось убеждать и «жинок». Да, да, специально собирали в хозяйствах женщин и растолковывали им преимущества этих самых «рогулек»— плоскорезов.

В 1981 году полтавчане уже больше миллиона гектаров обрабатывали по-новому. И в ряде хозяйств взяли до сорока четырех центнеров озимой пшеницы с гектара. Подсчитано, что благодаря плоскорезной обработке, хозяйства области получили дополнительно полмиллиона тонн хлеба.

— Поволжье, Сибирь, Украина, Кубань, Дон — всюду теперь работает наша целинная почвозащитная техника,— продолжал Александр Иванович.— Но должен сказать, что у нас в Казахстане еще не везде ее как следует оценили. Долго и трудно вводила у себя новую систему Актюбинская область, но теперь, когда этот процесс закончен,— посмотрите, как резко поднялись у них урожаи! Еще не знают, что такое плоскорезы, в ряде хозяйств Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, Джамбулской областей. Странно как-то: приезжают к нам за опытом из разных концов страны, даже из-за рубежа, а свои, под боком, и не поинтересуются...

А ведь не зря говорят: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Между прочим, почти буквально эту поговорку повторил министр сельского хозяйства США Р. Берглэнд, который побывал в Шортанды весной 1978 года: «Мне говорили, мистер Бараев, что разработанные под вашим руководством мероприятия спасли крупнейшую житницу страны от ветровой эрозии, но то, что я увидел своими глазами, это действительно поражает воображение».

...— Не только пары, многолетние травы и способы обработки почвы, но и сроки сева, и нормы высева семян, и сорта, и удобрения, и эффективные методы борьбы с сорняками — неразрывные звенья нашей системы,— говорил Александр Иванович,— выпади хоть одно — и все пойдет наперекос...

Беседа наша продолжалась второй час, недовольство ожидающих за дверью передавалось мне «телепатическим» способом. Я нехотя поднялась:

— Большое спасибо за беседу, Александр Иванович... Мне все ясно...

Бывает же, вырвется словечко — ни к селу, ни к городу...

— Ясно?!— академик с хитроватым изумлением взглянул на меня.— Скажите, пожалуйста... А мы только-только уяснять для себя кое-что начинаем. Ничего-то вам не ясно, признайтесь-ка лучше...

И он подвел меня к большому графическому изображению пшеничного растения с широко разветвленной корневой системой.

— Царь и бог, которому мы поклоняемся и тайны которого еще неизвестно сколько времени нам дано постигать. Вы, наверно, уже знаете, что Мехлис Касымович Сулейменов в своей докторской диссертации обосновал принципиально новый подход к решению проблемы оптимальных площадей питания пшеницы. А теперь вот — с помощью меченых атомов — мы провели интереснейшие исследования корневой системы этого удивительного растения. До сих пор считалось, что основной урожай обеспечивают корни, идущие из узла кущения. А как быть в острозасушливые годы, когда корни из узла кущения вообще не образуются? Тогда, ответит вам любой агроном, вы получите лишь те 2-3 центнера с гектара, которые гарантируют зародышевые корни. Так оно и было до внедрения безотвальной обработки, а вот

теперь, несмотря на испепеляющую засуху, мы умудряемся собирать до 16 центнеров с гектара. В чем дело? Благодаря меченым атомам мы узнали, что зародышевые корни способны проникать далеко вглубь и разветвляться на мириады тончайших волосков, которые, сплетаясь в густую сеть, забирают влагу с большой глубины. Сохраните с помощью правильной обработки зимне-весеннюю влагу в глубоких почвенных слоях — и в засушливый год все равно будете с хлебом. Как видите, век живи — век учись.

Век живи — век учись... Перспективные планы института — уже на третье тысячелетие. И судьба последователя Бараева Мехлиса Касымовича Сулейменова, ныне доктора сельскохозяйственных наук, заместителя директора ВНИИЗХ по науке, эксперта продовольственной организации ООН, побывавшего во многих странах мира, так же, как и судьба других талантливых молодых ученых ВНИИЗХ, кровно связана с судьбой земли целинной.

Вечером с Александром Ивановичем и Мехлисом Касымовичем мы проехали набиравшими колос хлебными полями. Зной понемногу спадал — за ночь пшенице предстояло чуть передохнуть, чтобы завтра снова мужественно противостоять разъяренному солнцу — нет, не просто противостоять, а творить из его лучей хлеб наш насущный...

РУКИ ТВОРЦА

I

— У него были удивительно мягкие, излучающие тепло руки. Пальцы длинные, чуткие... Идешь, бывало, с ним по делянкам — прикоснется к колосу, зерно в пальцы возьмет, и все это так, словно жизнь в них переливает. Я тогда только начинал, все в память западало, преломлялось в душе по-особому, и теперь, когда молодых селекционеров убеждаю в том, что холодные закономерности генетики, физики, математики неминуемо должны согреваться жаром душевным,— иначе, как ни рассчитывай, как ни соизмеряй — не выведешь доброго сорта,— в эти минуты непременно Валентина Петровича Кузьмина вспоминаю, высокого горения был человек, музыка постоянно в душе его звучала, и знаете, что он больше всего любил? «Пер Гюнт» Грига — это была его страсть...

Так, с воспоминаний о замечательном казахстанском селекционере Герое Социалистического Труда академике Валентине Петровиче Кузьмине началась у нас беседа с заведующим лабораторией мягкой пшеницы Западно-Сибирского селекцентра кандидатом сельскохозяйственных наук Владимиром Алексеевичем Зыкиным.

Решение поехать в Омск пришло в жаркую уборочную страду восемьдесят первого. Парторг совхоза «Бостандыкский» Ленинградского района Кокчетавской области Саттыбай Кажкенов остановил свои «Жигули» на краю поля, где плотно друг к другу золотились крупные остистые колосья. Зерна из размятого колоса напоминали полупрозрачные палевые стеклышки; я взяла одно на зуб — оно не смялось, а треснуло, распавшись на мелкие твердые осколки. «Алмаз», новый сорт твердой пшеницы, выведенный омскими селекционерами, несмотря на суховейное лето, дал в 81-м около двадцати центнеров с гектара. По душе пришлась земледельцам Кокчетавщины и сильная мягкая пшеница «омская-9». Посевы омских сортов в северных целинных областях Казахстана заняли

уже свыше полутора миллионов гектаров; кое у кого это пробудило недоверие: не слишком ли мы увлекаемся «пришельцами»? Ведь и наш Северо-Казахстанский селекцентр в последние годы дал новые сорта, по урожайности, качеству зерна, засухоустойчивости не уступающие «саратовской-29», уже четверть века царствующей на освоенной целине. Но чем больше хороших сортов, тем легче земледельцу выбрать наиболее подходящие для своей зоны, варьировать сроки сева и жатвы...

Итак, осень 1982 года. Мой маршрут: Омск, Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, затем Кокчетавская область, Ленинградский район и Степноишимская опытная станция Красноармейского района, наконец, Шортанды, ВНИИЗХ.

Осень выдалась с причудами: в Алма-Ате деревья рушились — внезапный снег облепил неопавшую листву, Омск же встретил теплой, почти жаркой погодой. Прилетела я под выходной и все воскресенье бродила по просторному, открытому степным ветрам, знакомому и незнакомому городу. Никогда я здесь не жила, и все же нет, пожалуй, места, более близкого кровно. На речном вокзале шла посадка на Тару — там, вниз по Иртышу, деревня Солдатская, триста лет назад основанная хлебопашцем с Дона Василием Павловичем Черноголовиным, моим пращуром... По этой набережной гуляли мои молодые отец и мать, он рабфаковец сельхозинститута, она студентка педучилища...

Группа людей с почтительного расстояния наблюдала за работой земснаряда: шестьдесят с лишним лет пролежала на дне Омки затонувшая колчаковская баржа с боевыми снарядами — теперь их извлекали со всеми предосторожностями и отправляли за город... И снова воспоминания: рассказы моей бабушки Анастасии Ивановны Петровой о далеком 1918 годе. Ранней весной вывезла она из голодного Питера четверых детей, среди которых старшей была моя мама, двенадцатилетняя Маруся.

«Не знали мы тогда, что из огня да в полымя попадем,— вспоминала бабушка.— Колчак-то осенью объявился, а тогда, в апреле, приехали мы в Любино, что неподалеку от Омска, и ахнули: настоящий пшеничный хлеб люди едят. Пустили нас на квартиру, хозяйка добрая, сразу хлеба дала, две булки. Разрезали одну, старшие едят, все крошечки подбирают, а младший, Ленечка, съел свой ломоть — и за целую булку. Обхва-

тил ее ручонками, никому не отдает: «Леп... Мой леп...» А к вечеру водой налился, личико словно стеклянное. Не удалось мне его спасти, ослабел очень от голода. Схоронили мы его в сибирской земле...»

Какими словами выразить горе и ужас матери, которой нечем накормить ребенка...

Раннее детство мое совпало с годами коллективизации — страна испытывала серьезные продовольственные трудности. Помню, мы жили в Калачинске, тоже недалеко от Омска, при школе, которой заведовал дедушка; ученикам давали талоны на обед, чаще всего состоявший из тарелки жидкой лапши, заправленной луком, пережаренным с подсолнечным маслом, и это нехитрое блюдо осталось в памяти самым что ни на есть вкусным.

Детство кончилось в тот день, когда фашисты ворвались на Кубань, куда переехали из Сибири мы с бабушкой и дедушкой. Спустя много лет я снова побывала там, в станице Ильской, где мы, школьники, помогали взрослым скорее, до прихода врага, убрать урожай. Эвакуироваться мы не успели и хлеб вывезти полностью тоже не удалось. Тот, что остался, разрешили разобрать населению. Ночью бабушка замуровала мешок за печкой и правильно поступила: фашисты, войдя в станицу, первым делом расклеили приказ под страхом расстрела сдать пшеницу, взятую на станционном складе. Была страшная зима, беспрерывные бомбежки, нас выгнали из хаты, мы скитались по чужим углам, отсиживались в окопах, но в голоде и холоде вдруг возникало на ладонях ощущение теплых тяжелых зерен...

Первые лепешки из пшеницы, которую достали из тайника, бабушка испекла для советских бойцов, освободивших нашу станицу. Они перевалили через горный хребет, оставив пушки, обоз, кухни. В клочья порвали одежду, разбили ноги. Два дня ничего не ели. Я молола пшеницу на самодельной мельнице, бойцы из взвода, остановившегося у нас, мне помогали:

— Погоди, сестренка. Прогоним фашистов — опять будут у нас горы хлеба...

Большинство из них погибло в жестоком бою под станицей Крымской...

Потом, спустя много лет, читая жизнеописание крупнейшего советского селекционера, автора знаменитой «безостой-1» Павла Пантелеймоновича Лукьяненко, я узнала, что именно в те суровые дни, вернувшись в Краснодар из эвакуации, из Алма-Аты, он был потрясен

страшной вестью: фашисты расстреляли его сына, Геннадия Лукьяненко, шестнадцатилетнего комсомольца, оставшегося в городе, чтобы помогать партизанам...

Тогда же была казнена в Краснодаре и моя любимая учительница, коммунистка Вера Антоновна Тылькина.

«Где мы были? В комнате сидели? Как могли дышать мы в этот час?» Помню, в юности меня потрясли эти слова из поэмы Маргариты Алигер о Зое Космодемьянской... Впервые тогда я ощутила, что все происходящее на земле где-то, какой-то нитью связано и с моей судьбой, с судьбой каждого...

Горе не сломило Лукьяненко — оно только утроило его энергию. Хлеб... Стране нужен хлеб... Вскоре на кубанских полях появился новый сорт озимой пшеницы «краснодарка», работу над которым селекционер начал еще до войны. Он был особенно ценен тем, что не осыпался,— ведь уборка в разоренных врагом колхозах затягивалась на несколько месяцев, и серпы, и косы шли в дело. А впереди были новые сорта, и среди них «безостая-1», которой предстояло приобрести мировую известность...

Дети и внуки наши ныне уже не представляют, как это может не быть хлеба на столе. И в том, что сейчас хлеба у нас в достатке, великая заслуга и нашей советской селекции, ведущей свое начало от делянок, заложенных Николаем Ивановичем Вавиловым в 1918 году под Саратовом. А освоение целинных и залежных земель Сибири и Северного Казахстана дало стране не просто дополнительный хлеб, но хлеб высокого качества.

Еще в 30-е годы по инициативе академика Вавилова был проведен эксперимент всесоюзного масштаба: ежегодные посевы в 115 точках страны показали, что продвижение пшеницы с запада на восток по одной широте с 33 градуса до 70-го увеличивает содержание белка в зерне на 10 процентов.

В зоне семидесятого градуса — Омск, Петропавловск, Павлодар, Кокчетав, Кустанай, Целиноград. Зерно пшеницы, растущей здесь, используется для улучшения муки из пшениц, выращенных в европейской части страны. И гостей своих встречают целинники такими пышными белыми караваями, какие трудно найти где-нибудь еще.

Вот такой высокий каравай с поджаристой, чуть лопнувшей по краю верхней коркой я увидела в кабинете руководителя Западно-Сибирского селекцентра, заместителя директора СибНИИСХоза Камиля Галие-

вича Азиева. Каравай стоял на книжном шкафу, перед портретом академика Вавилова.

— Ну в точности, как наш целинный,— вырвалось у меня.

— Целинный и есть,— улыбнулся Камиль Галиевич.— Кустанайский...

Оказалось, что хлеб привез Александр Трофимович Волковский, агроном колхоза «Путь к коммунизму» Федоровского района: «Жинка велела передать, дюже ей нравится хлеб из «омской-9», и подъемный, и запашистый...» А приезжал Волковский на совещание-семинар по производственному испытанию и внедрению новых сортов в Сибири, Зауралье и Северном Казахстане — такие совещания в Омске проводятся дважды в год.

Колхоз «Путь к коммунизму»— тот самый, о работе партийной организации которого по исполнению решений Майского пленума было принято в декабре 1982 года Постановление ЦК КПСС. В Постановлении особо отмечалось, что в десятой пятилетке продажа колхозом хлеба государству, в том числе пшеницы твердых и сильных сортов, возросла вдвое. В хозяйстве большое значение придают семеноводческой работе: вот уже десять лет как сеют только семенами первого класса — ищут, сравнивают, какие сорта лучше, продуктивнее. Когда я впоследствии беседовала с председателем колхоза Анатолием Александровичем Багуном, он сказал, что омскими сортами занято в хозяйстве 12 процентов посевных площадей — больше не рискуют: этим высокоурожайным сортам нужен и высокий агрофон — сеют их большей частью по удобренному пару. К тому же, наряду с омскими и казахстанскими сортами, приходят на колхозные поля новые волжские сорта, так что,— подчеркнул Анатолий Александрович,— в последние годы у нас стало из чего выбирать, и здесь уж многое зависит от опыта и чутья агронома, чтобы не увлекаться одним каким-то сортом, а учитывать все обстоятельства.

В кабинете Азиева — карта Советского Союза. Красными кружками отмечены опорные и базовые хозяйства СибНИИСХоза — по испытанию и внедрению новых сортов. При взгляде на эту карту невольно приходит на ум аналогия с «расширяющейся Вселенной»— вот здесь, в большом красном кружке, означающем Омск, произошел «взрыв»,— в самом деле, чем не взрыв,— за две последних пятилетки районировано восемнадцать новых

перспективных сортов не только пшеницы, но ржи, ячменя, овса, проса — и все эти сорта начали стремительно распространяться во все стороны, захватывая новые и новые площади...

Даже старейший омский писатель Леонид Иванович Иванов только руками развел, когда я его спросила, чем объяснить такой резкий качественный скачок в работе омских селекционеров.—«Сам диву даюсь. Тридцать с лишним лет не было ни одного доброго сорта, и вдруг...»— Но тут же добавил, что, конечно же, не вдруг, что СибНИИСХоз — старейшее в нашем регионе сельскохозяйственное учреждение, что сорта, выведенные омскими селекционерами, еще до войны занимали большие площади и на казахстанских полях.

— Ощущение такое,— поделился Камиль Галиевич,— словно у самой уже земли мы вырвались из стремительного пике и стали набирать высоту...

Внизу, за окнами кабинета, сквозь длинные стеклянные крыши, рвалась к пасмурному осеннему небу яркая зелень теплиц.

— Там сейчас июнь,— кивнул Камиль Галиевич, перехватив мой взгляд.— Эта пшеница посеяна в конце сентября, жатва будет в конце декабря. В январе — снова посев, уборка в апреле, ну, там — в мае, как обычно... Глядишь для земледельца лишь год минуло, а для селекционера три пролетело, эту роскошь мы только недавно смогли себе позволить, с 1974 года, когда был введен в строй новый тепличный комплекс,— это сразу двинуло вперед селекцию, для выведения нового сорта требуется теперь не тринадцать-пятнадцать лет, как было раньше, а семь-восемь, причем селекционер имеет возможность моделировать самые разные условия, в которые попадает его сорт.

Потом вместе с инженером Алексеем Алексеевичем Ольховым мы осмотрели это поставленное на индустриальный уровень хозяйство: комплекс новых теплиц, где в каждом блоке — своя кондиционная система с автоматически управляемой температурой и влажностью воздуха, новый крупный фитотрон — с помощью новейшей техники здесь можно «устроить» растениям и жестокую засуху, и «холодное дождливое лето», можно имитировать заморозки на почве и горячий иссушающий ветер, словом, «спросить» у будущих сортов, как собираются они вести себя в коварных превратностях климата Западной Сибири и Северного Казахстана,

Здесь можно смоделировать почвы любой зоны, испытать растения на восприимчивость к тем или иным заболеваниям.

Ускоренное выведение новых сортов сочетается с активным внедрением их в производство. Сейчас у Западно-Сибирского селекцентра более пятидесяти опорных хозяйств в четырнадцати областях Сибири и Северного Казахстана. Путь от селекционной делянки до совхозного или колхозного поля резко сокращен. Размножать семена нового сорта омичи начинают с момента включения его в конкурсное сортоиспытание, и когда сорт получает официальную путевку в жизнь, уже имеется достаточно семян. Всего два-три года уходит на внедрение нового сорта, вместо пяти-восьми, как было раньше.

Лаборатории селекцентра закреплены за определенными областями, в частности, лаборатория генетики иммунитета — за Кустанайской областью, лаборатория твердой пшеницы — за Северо-Казахстанской, а у каждого сотрудника — свое опорное хозяйство, и нужно сказать, что осведомленность о том, как ведут себя их сорта на казахстанской земле, у омичей завидная.

— Считаю, что польза тут обоюдная,— говорил мне Камиль Галиевич.— Хозяйственники получают от ученых нужные рекомендации, мы же видим все свои плюсы и минусы, и это дает стимул в дальнейшей работе над новыми сортами.

Сколько же людей ныне участвует в создании нового сорта! Генетики и цитологи, технологи по качеству зерна, другие специалисты. Но,— подчеркнул, беседуя со мной, Владимир Алексеевич Зыкин,— так же, как при создании самолета, «душу» вдыхает в него главный конструктор, так и в новом сорте воплощается душа ведущего селекционера. Он и с уходом из жизни продолжается не только в своих, но и в выведенных его учениками сортах. Именно таким остался для казахстанцев и сибиряков Валентин Петрович Кузьмин.

— Селекция — это направленная эволюция,— часто повторял он вавиловские слова, а эволюцию органического мира прежде всего видел в постепенном избавлении от рабского подчинения внешней среде. Чем меньше растение зависит от превратностей окружающей среды, тем оно жизнеспособней.

— Всю переписку с ним храню,— продолжал Владимир Алексеевич,— я ведь долгое время в Шортанды работал, на опорном участке ВИРа, при ВНИИЗХ, так Валентин Петрович был моим наставником: по делянкам селекционным он меня натаскивал, диссертацию кандидатскую я под его руководством писал, словом, именно он выпестовал меня как селекционера, да и работая уже здесь, в Омске, я постоянно обращался к нему за советом. У североказахстанской селекции очень много общего с омской. У нас разве что получше с осадками, но на юге Омского Прииртышья три года из пяти чаще всего острозасушливы. Так же, как и на казахстанской целине, требуется пшеница засухоустойчивая, с крепким стеблем и не слишком позднеспелая. Разумеется, при сохранении всех продовольственных качеств, и прежде всего содержания по белку..

...— Вот эти слова Валентина Петровича — это же как завещание нам всем.— Владимир Алексеевич берет со стола книгу с дарственной надписью: «Сорта должны обладать максимальной климатической пластичностью. Отсюда в селекции возникает необходимость совмещать в сортах противоположные свойства: засухоустойчивость с влагоотзывчивостью, жаростойкость с холодостойкостью... От сортов требуются свойства приспособления и к жестокой засухе, и способность в условиях влажной погоды дать максимум зерна. Они должны обладать устойчивостью против полегания, иммунитетом против ржавчины и пыльной головни. Такие сорта в мировом сортименте очень редки».

— И все же мы должны стремиться к созданию именно таких сортов,— продолжал Владимир Алексеевич.— С шортандинскими учеными и после смерти Валентина Петровича мы поддерживаем связь, широко используем в своей селекции сорта ВНИИЗХ —«акмолинку-1», «шортандинку-25», «целинную-20», «пиротрикс-28»— они ценны своей засухоустойчивостью, высокими качествами зерна. Но, к сожалению, контакты наши могли быть значительно теснее. Пока еще дает себя знать этакая обособленность, а в итоге зачастую дублируем друг друга, хотя могли бы дополнять и обогащать: мы им — наш материал на испытание, они нам — свои гибриды...

Ярко-желтые макароны «соломка», вермишель «паутинка», что при варке не слипается в вязкий серый комок, где они, почему такая большая редкость? Специалисты

макаронники ответят: не хватает твердой пшеницы, ведь именно она идет на макароны, значительно превышая мягкую по качеству белка. Так почему не производят ее в достаточных количествах?

Тут много причин, и прежде всего в том, что твердая пшеница, резко отличающаяся от мягкой, даже количеством хромосом (у твердой их 28, у мягкой — 42), требует к себе и особого подхода, особых предшественников. Твердая — южанка, основные центры ее происхождения — в Средиземноморье (Италия по производству твердых пшениц занимает второе место после СССР), конечно, она прошла многовековой искусственный и естественный отбор, но все же сохранила некоторые прежние свойства. На набухание ее стекловидного крупного зерна с повышенным содержанием белка требуется гораздо больше влаги, чем для зерна мягкой пшеницы. Листья ее развиваются более замедленно, она сильнее страдает от почвенной засухи; в засушливые годы урожайность твердой пшеницы, как правило, ниже мягкой на 15-20 процентов, в благоприятные же она одинакова.

Во многих хозяйствах неохотно сеют твердую пшеницу, хотя закупочная цена намного превышает цену на мягкую. Итоги деятельности хозяйства прежде всего оценивают по «валу» — сколько тонн хлеба будет сдано: с твердой хлопот больше, а продуктивных ее сортов, кроме «харьковской-46», очень чувствительной к засухе, не было. Вот почему земледельцы Северного Казахстана так доброжелательно приняли омский «алмаз», среди родоначальников которого есть и выносливая кокчетавская полба. Новый перспективный сорт твердой пшеницы «атлант», который готовят омичи вслед «алмазу», создан на основе гибрида канадской безостой пшеницы и остистой казахстанской, привычной к сильной засухе.

Увидеться с автором этих сортов — кандидатом сельскохозяйственных наук Верой Алексеевной Савицкой не удалось — она как раз была в командировке. Несмотря на годы,— за плечами у нее тридцатипятилетний стаж селекционной работы,— Вера Алексеевна поддерживает действенную связь с хозяйствами Омской области и наших целинных хозяйств.

— Минувшим летом Вера Алексеевна много ездила по Кустанайской области,— рассказывала мне младший научный сотрудник Галина Михайловна Летова.— И в Тарановском, и в Федоровском, и в Урицком районах побывала. Сводкам не доверяет, сама, своими глазами

хочет увидеть, как ведет себя сорт в разных хозяйствах. А лето было — пекло настоящее. Я ей говорю: «Вера Алексеевна, вы бы хоть транспорт просили у райкома или у директоров совхозов».— «Вот еще! Стану я людей беспокоить. Я и автобусом от хозяйства до хозяйства доеду».

У Веры Алексеевны — трое сыновей, один из них, Дмитрий, похоже, пойдет по ее стопам, по крайней мере, после окончания Тимирязевки работает у нее в лаборатории. А вообще омские селекционеры, впрочем, как и селекционеры по всей стране (об этом даже как-то статья в «Комсомольской правде» была), всерьез обеспокоены тем, что молодежь неохотно идет в селекцию. Как-то,— вспоминал Камиль Галиевич Азиев,— попытались предложить выпускникам одного села, расположенного рядом с опытным хозяйством, пойти в сельскохозяйственный институт с «загадом» на то, чтобы потом заняться селекцией, и услышали обескураживающий ответ: «Это чтобы всю жизнь в земле копаться, еще неизвестно, выведешь сорт или нет?..» Невольно вспоминаются времена, когда престижность труда селекционера была очень высока. Вспомним, как гремели имена Мичурина, Цицина... Сейчас же мы часто слышим и читаем в адрес селекционеров слова неодобрения: вот, дескать, не дают народному хозяйству нужных сортов... Но в довоенные-то годы мечтой был стопудовый урожай, сейчас этот рубеж взят, а чем выше новые вершины, тем труднее их освоение. И трудностей у селекционеров немало, в этом я лишний раз убедилась, побывав в Северо-Казахстанском селекцентре, во ВНИИЗХ, но об этом речь впереди. Прежде — Кокчетавская область, Ленинградский район.

II

С Николаем Яковлевичем Бектевым, заслуженным работником сельского хозяйства Казахской ССР, бригадиром второй бригады совхоза «Бостандыкский», мы беседуем не впервые. Но прошлые встречи получались летом, осенью, когда дел у бригадира было невпроворот, и поговорить в спешке толком не удавалось. Сейчас за окном дождь вперемежку со снегом, стерня на полях уже белая, может, хоть в эту зиму выпадет достаточно влаги, а то ведь уже два года подряд была засуха.

...— Пацаном, бывало, пилю с отцом дрова, только чурки отлетают. Взмокну весь, жду, когда же лесины

кончатся, а отец допилит последнюю, оглянется, нет ли еще где: «Эх, пилил бы еще да пилил...» Теперь вот, когда хлеб убираю, часто его вспоминаю: «Убирал бы да убирал, лишь бы было что...»

Бронзовый загар от минувшего знойного лета еще не успел выцвести на лице Николая Яковлевича.

...— Отец мой, Яков Алексеевич, как я впервые на ХТЗ сел,— тогда еще МТС были,— трижды трактор обошел, гордый такой: «Ну, Николай, ты первый тракторист в нашем роду...» Дед Алексей слепой был, умер рано, отцу пришлось четверых братьев и сестер поднимать. Ни класса образования не имел, всю жизнь хлеб растил и меня к этому делу приохотил. Как-то, помню, я еще мальцом был, привел меня в березовую рощу: «Гляди, Коля, вот здесь, на ветке, моя качка висела, мать покачает, покормит — и опять в поле, пшеницу жать». А поле-то и до сих пор зовется «Бектева пашня». На родине я часто бываю, рядом — Омская область, Исилькульский район.

...— Сюда приехал, сначала сильно о лесе тосковал, здесь ведь степь открытая, да еще черные бури поднялись, сорняки душат. Начали мы почвозащитную систему осваивать. Наши поля вы видели, с шестьдесят шестого года стали их по-новому обрабатывать, вот и считайте, 16 лет, человек паспорт получает, и земля наша возмужала, в силу вошла... Осенью возьмешь горсть земли — неживой запах, отдала силы, закончила свой процесс, а весной даже ноздри раздуваются, так бы и тянул в себя этот дух: ожила кормилица, хлебом будущим пахнет...

...— Каждый новый сорт мы с надеждой встречаем. Пристрастия нет — наш ли сорт, казахстанский, омский ли, саратовский,— лишь бы по урожайности и качеству устраивал. Услышали, «омская-9» появилась, говорят, сильный сорт и не полегает... Достали семян на триста гектаров, посеяли, а весна холодная была, сырая. Лежит наша «омка» в земле и всходить не думает, даже тревога берет. С полмесяца пролежала, а тут тепло — и как пошла она, будто на дрожжах... Кущение мощное. Стебель невысокий, а колос крупный. Восьмидесятый год добрый выдался — по тридцать два центнера с гектара дала нам «омская-9», а в восемьдесят первом, хоть и засуха, около двадцати было. А вот нынче, как совсем припекло, дела похуже пошли, где на уровне «саратовской-29», а где и

пониже. Что урожайная то да, но и влаги ей подавай достаточно.

А директор совхоза «Ленинградский» Владимир Ильич Демакин так отозвался об «омке»:

— Достоинство ее, что не полегает, прямо колос держит. В восьмидесятом осень тяжелая была: снег с дождем, ветры, пшеницу других сортов косами перепутало, а она — стоит... Но вот беда — поздновато созревает. А нам для маневра на жатве нужны и более ранние сорта.

Степноишимская опытная станция. Настоящий городок среди степи. Добротное четырехэтажное здание самой станции, нарядная школа, детский сад, уютные коттеджи — все радует глаз, и трудно представить, что еще каких-то два десятилетия назад здесь были глиняные мазанки с плоскими крышами, бедные колхозы, на базе которых и было создано опытное хозяйство. Зона, в которой расположена станция,— острозасушливая. Ученые ведут исследования по сокращению количества механических обработок почвы, по освоению солонцов, внедрению индустриального метода возделывания кукурузы. Коллектив разрабатывает агротехнические приемы, способствующие повышению урожайности зерновых культур, и особенно пшеницы новых перспективных сортов: «целинная-21», «омская-9», «саратовская-46».

В докладе члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева на VII (1982 г.) Пленуме ЦК Компартии Казахстана отмечалось: «В текущем году, например, на Степноишимской опытной станции Кокчетавской области, где за вегетационный период выпало всего 67 миллиметров осадков, урожай яровой пшеницы, размещенной по пару, превысил 15,6 центнера с гектара».

Ежегодно опытное хозяйство дает 30 тысяч центнеров элитных семян, и одной из главных задач стоит размножение «целинной-21», которая в 1982 году показала себя гораздо лучше «омской-9» в смысле засухоустойчивости и дала на несколько центнеров больше с гектара.

— Что вам сказать об «омской-9»... Хороший сорт, спору нет,— говорит директор Опытной станции кандидат сельскохозяйственных наук Анатолий Иванович Боровский.— Но постоянно следует помнить об острой засухе, которая может у нас разразиться чуть ли не через год, а то и несколько лет подряд. Вот почему доля этого довольно влаголюбивого сорта не должна превы-

шать трети посевов. Все-таки еще не в полной мере оценили наши хлеборобы «целинную-21», да и семян ее пока не хватает. Вот вы едете от нас в Шортанды, на родину этого сорта. Думаю, что стоит разобраться, почему он сравнительно медленно распространяется.

III

Шортанды встречает бураном. От Дамсинского железнодорожного полустанка до гостиницы ВНИИЗХ километра полтора. Колючий снег слепит глаза, бьет в лицо. Вдруг упираюсь в черное, взрыхленное, перегороженное траншеями и буграми пространство с ревущими экскаваторами и бульдозерами. После узнала: здесь закладывается фундамент селекцентра, строительство его из-за недоброкачественного проекта и прочих неувязок затянулось на неопределенное время, а между тем шортандинские селекционеры имеют крайне неудовлетворительные условия для работы. Лаборатории селекции размещаются в сером приземистом корпусе. Открываю разбитую, не раз чиненную дверь, по скрипучей лестнице поднимаюсь на второй этаж. Невольно вспоминаются просторные нарядные холлы Западно-Сибирского селекцентра, уставленные снопами злаков и трав. Невыгодное сравнение для Всесоюзного института зернового хозяйства!

В лаборатории селекции мягкой пшеницы — эмалированное ведро с кружкой для полива комнатных цветов: с водой во ВНИИЗХ плоховато, часты отключения.

— Конечно, омичам в городских условиях гораздо легче решать все вопросы, в том числе и строительства,— говорит Олег Сергеевич Хориков, руководитель Северо-Казахстанского селекционного центра, кандидат сельскохозяйственных наук.

По всей стране только два селекцентра размещаются в селе: в Шортанды и в Мироновке — это на Украине. Отсюда трудности — с водоснабжением, с теплоцентралью, с обеспечением строительными материалами... Странно получается, вот посмотрите на карте, как густо идут селекцентры: Саратов-Куйбышев-Омск-Барнаул-Новосибирск... А в Северном Казахстане, где самое высококачественное по белку зерно, на огромное пространство — один-единственный селекцентр, и тот не строится как надо.

В своем докладе на VII (1982 г.) Пленуме ЦК Ком-

партии Казахстана Д. А. Кунаев сурово критиковал министерство сельского строительства за то, что оно «сорвало строительство селекционных центров в Целинограде и Алма-Ате, от ввода которых зависят будущие казахстанские миллиарды пудов зерна».

Плохо то, что проект селекцентра, еще не будучи воплощенным в жизнь, уже морально стареет. Между тем шортандинские селекционеры —«пшеничники», «ячменники», «овсяники», «травники»— теснятся на мизерных площадях не слишком благоустроенных теплиц. С моделированием патологических состояний растений вообще проблема. Нет биохимической лаборатории, которая позволяла бы выбраковывать неподходящие сорта еще в процессе селекции. Плохо с малогабаритной техникой для селекционных делянок. Было бы проще, если бы в масштабе страны существовал специальный институт по промышленному производству гибридов до третьего поколения — за рубежом такое производство очень облегчает работу селекцентров, ускоряет создание новых сортов, но у нас пока дело ограничивается разговорами.

В музейной тишине — все как было при жизни академика Кузьмина: простая рабочая обстановка, на полках — мешочки и баночки с зерном, весы, деревянный некрашеный совок, которым он брал пшеницу... Рядом со старым чернильным прибором — керосиновая лампа, напоминающая о трудных военных и послевоенных годах, когда ученый выводил свои знаменитые по урожайности сорта: «акмолинку», «шортандинку», «ласточку»...

Так и кажется, войдет сейчас сюда высокий старик со вздернутой бородкой, с руками, сплетенными за спиной, не горбясь, не сутулясь, пройдется вдоль длинного ряда тугих снопов. Сколько труда, раздумий, бессонных ночей было связано у него с этими тяжелыми золотистыми колосьями!

Первое десятилетие освоения целины... В эти годы у него уже была широкая известность, почетное звание академика ВАСХНИЛ. На месте основанной им опытной станции был создан Всесоюзный институт зернового хозяйства. Сорта, выведенные им, занимали миллионы гектаров, и среди них — его любимое детище —«шортандинка». «Шортандинка» вышла на простор примерно в 1950 году. Это был скороспелый сорт. Такие сорта обычно уступают поздним по урожайности, но «шортандинка» превысила их в среднем на полтора-два центнера с гек-

тара и долгое время оставалась эталоном по урожайности и засухоустойчивости. После «шортандинки» появилась «снегурочка», у нее был прочнее стебель, она почти не осыпалась при уборке, и если на опытных делянках давала уж не такую сильную прибавку урожая, то в полевых условиях, где труднее предотвратить потери зерна, превысила «шортандинку» на четыре-пять центнеров с гектара. Производственники сразу ухватились за этот сорт, но «снегурочке» не повезло. Было нечто фатальное в ее названии: она пришла на поля в 1957 году, а последующие годы оказались сырые, холодные, и бедная «снегурочка» зачастую уходила под снег.

Но Валентина Петровича тогда не так удручали неудачи «снегурочки», как другие обстоятельства. В наши дни стало уже аксиомой то, что из химических свойств зерна главное — содержание и качество белка, в котором присутствуют необходимые для нашей жизни аминокислоты. А сразу после войны о таких качествах пшеницы задумывались мало. «Главное — большой каравай хлеба,— считали тогда,— а уж какой он получится — приплюснутый или пышный — это дело второстепенное. Давно ли примешивали в лепешки жмых и лебеду?»

О лаборатории по технологии зерна Валентину Петровичу приходилось только мечтать. И вообще как-то само собой считалось, что в засушливой степи зерно должно быть высокого качества. Но вот в 1956 году был собран первый миллиард пудов казахстанского зерна. Можно было выходить на мировой рынок. Тут-то и обнаружилось, что качество пшеницы, выращенной на поднятой целине,— среднее. Срочно потребовались сильные сорта с высоким содержанием белка. И такие сорта нашлись: это были «саратовская-29», выведенная Валентиной Николаевной Мамонтовой, и «безенчукская-98»— с Куйбышевской опытной станции.

Вот тогда и была создана при Институте зернового хозяйства лаборатория технологии зерна.

— В последнее время,— говорил мне Валентин Петрович в августе 1963 года,— мы стали больше внимания уделять конкретным морфо-физиологическим признакам. Что определяет засухоустойчивость растения? Прежде всего, сильно развитая корневая система, плотная кутикула (надкожица растений), восковой налет, умеренный размер стебля и листьев.

Валентин Петрович много рассказывал, как по времени образования и по количеству узловых корней ему

удалось вывести стойкие против засухи сорта с мощной корневой системой. Теперь, когда от новых сортов необходимо было добиться повышенного содержания белка и других веществ, характеризующих сильные пшеницы, Валентин Петрович и его ученики продолжали действовать по этому методу.

Неистовое целинное солнце, то самое, что порой нещадно опаляет растения, дает и силу пшеничному зерну. Наверняка придет время — и у селекционеров будут умные электронные приборы, улавливающие тончайшие оттенки цвета листьев, помогающие предсказывать по этим оттенкам и другим признакам выносливость нового сорта и силу его зерна. А пока, в основном, приходилось и приходится двигаться ощупью.

Сорта в Северном Казахстане выводят буквально в стрессовых ситуациях, каждый год какой-нибудь сюрприз: то влажное холодное лето, то ранние заморозки. Но земледельцам нет дела до трудностей, они с нетерпением ждут новых сортов.

— Не так-то просто вывести сорт, отвечающий всем требованиям,— говорил Олег Сергеевич.— На «велютинум-72» мы возлагали большие надежды, сорт был хорош по содержанию белка, колос крупный, тяжелый. А вот оказался подвержен осыпанию — и все, сходит со сцены... Иногда сорт преподносит такой сюрприз, что и не ожидаешь. «Целинная-20» вдруг хорошо пошла не у себя на родине, под Целиноградом, а в Омской, Челябинской областях, там ее районировали и очень довольны. В чем дело? Почему «степнячку» вдруг больше устроила лесостепь? Роль сыграл такой факт: селекцию этого сорта вели вблизи лесополосы, там постоянно накапливалось больше снега. Вот и совершился естественный отбор, и оказалась наша «целинная-20» отзывчивой к близости леса. А вот селекцию «целинной-21» вели на открытых пространствах, сейчас она районирована более чем на 700 тысячах гектаров именно в засушливой зоне.

У истоков «целинной-21», сильного сорта, все более завоевывающего популярность у целинников, стоит Валентин Петрович Кузьмин. Первое скрещивание сорта «ласточка» шортандинской селекции и «саратовской-29» было проведено им в 1960 году. К новому сорту Кузьмин и его ученики Кандауров, Мовчан, Ермилов, Оковатая, Хориков — отнеслись очень придирчиво: лишь через семь лет было отобрано исходное элитное растение, и сорт передали в Государственные испытания. «Целинная-21»

обладает той пластичностью, о которой мечтал В. П. Кузьмин: она сравнительно медленно развивается в июне и быстрее, когда формирует и наливает зерно; ее всходам не очень-то страшны поздневесенние холода, и засуха не так губительна при наливе и формировании зерна. И еще одно достоинство, очень важное: «целинная-21» устойчива к осыпанию. На корню ли перестоит, в валках ли перележит под дождем — зерно плотно удерживается в рубашке. Отличается новый сорт и высоким содержанием белка.

И все же...

— Нет пророка в отечестве своем,— горько пошутил заместитель директора ВНИИЗХ доктор сельскохозяйственных наук Мехлис Касымович Сулейменов.— Так получилось, что и «омская-9», и «целинная-21» вышли «на старт» в благоприятные для «омской-9» хорошо увлажненные годы. Сразу возник ажиотаж: некоторые хозяйства даже сдавали «целинную-21» на элеватор и запасались омскими сортами. Но вот ударила нынешняя засуха, и на больших площадях Северного Казахстана, от совхоза «Путь Ленина» Кургальджинского района до Степноишимской опытной станции, «целинная-21», по сравнению с «эталоном»—«саратовской-29», повсеместно дала прибавку от двух до четырех центнеров с гектара.

Слухом земля полнится, уже с Алтая приезжают, просят: дайте тысячу тонн «целинной-21» в обмен на «саратовскую-29». Но семян не хватает... В этом я имела возможность убедиться, разговорившись в холле гостиницы в Шортанды с секретарем партийной организации совхоза «Путь Ленина» Кургальджинского района Еркином Джанковичем Саркеновым и агрономом третьего отделения этого совхоза Ержаном Сериковичем Джаманбаевым. Ержан Серикович — молодой агроном, всего год, как окончил Целиноградский сельскохозяйственный институт; нынешняя жестокая засуха стала для него серьезным испытанием. О шортандинских селекционерах говорит с благодарностью:

— «Целинная-21» у нас нынче единственная себя и показала — на четыре с половиной центнера больше «саратовской-29» с гектара дала...

А парторг шутливо посетовал:

— Ержан мне с этим сортом всю голову заморочил: «поедем да поедем...» Вот сидим, ждем у моря погоды. Воды холодной нет в номере — лимонад пьем, столовую на ремонт поставили — консервами и хлебом питаемся...

Что говорить, сорт верный. Прибавка урожая гарантированная.

В чем же дело? Почему так трудно с семенами хорошего районированного сорта? Почему омичи могут дать не только своей, но и любой области Северного Казахстана требуемое количество семян своих сортов, а «целинную-21» приходится выпрашивать, «выбивать», причем не всегда успешно?

— Видите ли,— ответил мне Олег Сергеевич Хориков,— у нас очень остро стоит вопрос промышленного семеноводства. У омичей есть специальное опытное хозяйство Новоуральское, которое все выращенные семена отправляет на реализацию в хозяйства. Семеноводство в СибНИИСХозе стоит на очень высоком уровне, у нас же в институте нет отдела первичного семеноводства, нет отдела внедрения новых сортов, нет хорошего контроля за чистотой семян на зерноочистительных пунктах. Иногда, знаете ли, бывают в нашем опытном хозяйстве такие казусы... Лежит на току 1200 тонн элиты. Сами понимаете, семенам нужен определенный срок, чтобы отлежаться, затем их подрабатывают, проверяют в контрольно-семенной лаборатории... И вдруг, как снег на голову, приезжает районное руководство: пятидневный план сдачи хлеба государству не выполнен, а тут бурты на току — немедленно на элеватор! Я телеграмму давал министру сельского хозяйства, куда только не обращался — сдали нашу элиту как рядовое зерно... Представляете, 1200 тонн отличных семян, только с нашего хозяйства, это сколько гектаров можно было бы засеять! Хоть волосы на себе рви — любые протесты без толку. Во имя сиюминутных показателей «по валу» подрываются основы будущих урожаев...

О том, что слабая постановка семеноводства тормозит внедрение новых сортов, говорил мне и заведующий лабораторией твердой пшеницы кандидат сельскохозяйственных наук Сергей Ефремович Давыдов:

— Три года испытывали твердую пшеницу «целинная-75». Показала себя хорошо, превысила по урожайности с гектара на три центнера «харьковскую-46». Решили районировать, нужно было только размножить семена. Опытное хозяйство института отказалось размножать, мотивируя отказ тем, что семеноводство твердой пшеницы невыгодно. Сорт решили не районировать до тех пор, пока не будет достаточно семян, а тут появил-

ся и быстро стал занимать площади омский «алмаз», теперь вот и у него сильный конкурент — «безенчукская-139», а будь достаточно семян, я уверен, наша «целинная-75» шла бы наравне с ними... Сейчас вот испытываем новый перспективный сорт твердой пшеницы, и опять дело упирается в семеноводство. Что можем дать мы с опытных делянок? Каких-то три мешка, а чтобы направить на сортоиспытание, нужно минимум 20 центнеров. Очень нужны специальные хозяйства, которые бы выращивали элитные семена твердой пшеницы, но таковых нет.

— Как же так?— поразилась я.— Выходит, работает-работает ваша лаборатория — и все остается в стадии эксперимента?

— Выходит, что так,— горько усмехнулся Сергей Ефремович.

С каким же настроением должен трудиться селекционер, выводя сорт и заведомо зная, что дальше опытных делянок он шагнуть не может... Все упования — на будущий селекцентр, но вряд ли и он позволит размножать семена новых сортов в достаточном количестве. Кстати, в Омске я была свидетельницей разговора Азиева с одним из сотрудников, увозившим партию семян одного из новых сортов для зимнего посева в Термез, Сурхандарьинскую область. Неужели невозможно найти на юге страны площади для ускоренного размножения и новых целинных сортов?

Буран улегся, снег опять растаял. До чего же теплая осень... С заведующим лабораторией селекции мягкой яровой пшеницы кандидатом сельскохозяйственных наук Владимиром Кирилловичем Мовчаном собираемся в совхоз «Красноярский», где испытываются сорта, выведенные шортандинскими селекционерами.

— Хлеб — солдат, хлеб — дипломат, хлеб — валюта,— любимое выражение Владимира Кирилловича. Когда я впервые пришла к нему в кабинет, он, разговаривая, выдвинул ящик большого старомодного стола и пояснил:

— Знаете, чей стол? Валентина Петровича Кузьмина.

Потом, разбирая бумаги, показал исписанный листок:

— Угадайте, чей почерк? Правильно, его...

Мовчан — родом с Украины. Служил в армии, после демобилизации решил поехать на целину, здесь поступил в Целиноградский сельскохозяйственный институт.

— Мечта у меня с детства была, щоб на верби груши росли,— шутит Владимир Кириллович.— В родном селе, в балке, до сих пор деревья растут, что я окулировал. В Шортанды впервые приехал в 1959 году, студентом направили на сельхозпрактику. В саду работали, а жили в бараке.

...— Кто в другой половине барака жил, я не знал. Как-то вечером пошел к соседям — шахматы или домино попросить. Открывает старик в тюбетейке. И как я еще у него карты не попросил! Слово за слово, разговорились, теперь меня вечерами к нему как магнитом тянуло. Многое он о жизни своей рассказывал — как в Монгольской экспедиции участвовал,— это Вавилова идея была — поиск географических центров происхождения культурных растений,— как встречался с самим Сухэ-Батором. Об академике Вавилове я впервые от Кузьмина услышал. В общем, целый мир он для меня открыл...

После окончания института Мовчана направили в Шортанды по вызову Кузьмина.

— Какие бы трудности ни возникли, вновь и вновь обращаемся к Кузьмину. Это и Сергей Ефремович Давыдов подтвердит, и Олег Сергеевич Хориков. Идем тем направлением, которое он дал.

Как бы обращаясь к своим последователям с вещим предостережением, академик Кузьмин писал в своей книге «Селекция и семеноводство зерновых культур в Целинном крае Казахстана»:

«В Целинном крае под действием сильно меняющихся по годам метеорологических условий довольно быстро изменяются различные свойства сортов зерновых культур. Чаще всего происходит деградация признаков продуктивности и усиление свойств климатической выносливости... Имея четкое представление о направленности деградации сортов, можно предотвратить ее специальными семеноводческими приемами, дающими возможность поддерживать и даже улучшать хозяйственно полезные признаки сорта».

Нужно ли доказывать, на какой высоте должна стоять служба семеноводства на освоенной целине! Уже по возвращении в Алма-Ату я побывала в Управлении семеноводства Министерства сельского хозяйства Казахской ССР, беседовала с его начальником Алексеем Георгиевичем Гиршем и ведущим специалистом министерства по первичному семеноводству Галиной Алексеевной Щепота.

— За последние годы,— сказали они мне,— заметно улучшается качество высеваемой пшеницы. Более восьмидесяти процентов площадей засеваются семенами первого и второго класса. Особенно хорошо поставлена работа по семеноводству в Кустанайской области — здесь ниже четвертой репродукции семена не признают. В каждой целинной области — две-три опытных станции; освобожденные от плана хлебосдачи, они выращивают элитные семена для хозяйств.

И все же новые сорта внедряются еще очень медленно, да и вообще служба семеноводства оставляет желать лучшего. Не хватает в областях знающих, боевых специалистов, непримиримых ко всякого рода нарушениям; это они должны отстаивать элиту, которую порой, что греха таить, сдают как простой хлеб, держать под строгим контролем засыпку семян, отдавая строгое преимущество районированным сортам. Но различные неоправданные перестройки в областях сильно подкосили семеноводческую службу.

— Представляете,— говорила Галина Алексеевна,— у нас в облсельхозуправлениях сейчас два-три специалиста, и оклады у них от ста двадцати до ста сорока рублей. Попробуйте взять на такой оклад семеновода высокой квалификации.

Шел разговор и о Северо-Казахстанском селекцентре.

— Первичным семеноводством селекцентр занимается недостаточно,— сказала Галина Алексеевна,— все отдано на откуп Опытному хозяйству ВНИИЗХ, но семеноводческая работа в хозяйстве на втором плане, оно не в состоянии полностью обеспечить спрос совхозов и колхозов на семена новых сортов. Сейчас вот, похоже, договорились с совхозом «Красноярский», что будут давать ему суперэлиту «целинной-21», а «Красноярский» станет выращивать элиту для окружающих хозяйств.

Что ж, это здорово, если договорились, а когда мы с В. К. Мовчаном были в «Красноярском», у его директора, Героя Социалистического Труда Давида Вильгельмовича Бурбаха, еще ничего не было решено, и Давид Вильгельмович убеждал представителя ВНИИЗХ, какая может быть обоюдная выгода от такого сотрудничества:

...— Засоренность полей овсюгом у нас сведена к нулю, а пшеница выращивается в гораздо более суровых засушливых условиях, чем на полях ВНИИЗХ, наши земли расположены по ходу жестких суховеев, так что

хозяйства от нас получали бы закаленные семена. Пора, пора нам налаживать более тесные контакты...

Ныне «Красноярский» определен как элитно-семеноводческое хозяйство. На его опытных полях испытываются шортандинские, омские и другие перспективные сорта. Требования к ним предъявляются жесткие: учитывается полегание и осыпаемость, поражение болезнями и повреждение засухой. В совхозной лаборатории определяются технологические качества зерна. Нужно сказать, что интерес к испытанию новых сортов возрастает во многих целинных хозяйствах. Из колхоза «Звезда коммуны» Чкаловского района Кокчетавской области я однажды привезла пучок колосьев десяти сортов, выращенных в первой бригаде Отто Карловича Кошке. Многие годы бригада поддерживает связь с ВНИИЗХ и СибНИИСХозом. Хлеборобы становятся как бы соучастниками создания новых сортов, привыкают к ним «психологически», в конце концов, учатся находить то, что нужно им для их климатической зоны, для их почв.

Правда, когда потом, в Алма-Ате, я беседовала с начальником инспектуры Госкомиссии по сортоиспытаниям сельскохозяйственных культур Наумом Григорьевичем Плотниковым, он подчеркнул, что как бы тщательно ни велись испытания новых сортов в хозяйствах,— главное, все-таки,— работа госсортоучастков: именно здесь есть возможности обеспечить строгое, непредвзятое отношение к новым сортам.

— Знаете ли вы,— сказал Наум Григорьевич,— что мы имеем право районировать только те культуры, которые дают восемнадцать-двадцать процентов прибавки по отношению к стандартному сорту? Именно с этой точки зрения и строго зонально мы и должны подходить к новым перспективным сортам сильной и твердой пшеницы. В Северо-Казахстанской области, например, в нынешнем 1982 году, благодаря внедрению «омской-9» удалось получить дополнительно свыше шестидесяти тысяч тонн зерна, и в то же время в Целиноградской был недобор зерна в связи с тем, что во многих хозяйствах необдуманно засеяли семенами «омской-9» тысячи гектаров. А будь у нас получше поставлена пропаганда «целинной-21» да семян побольше, так, может, такого и не случилось бы.

Уезжала я из Шортанды в туманный моросящий день. Отдыхающие поля жадно впитывали влагу. В голове еще продолжали «прокручиваться» разговоры послед-

них дней, вспомнился и рассказ руководителя селекцентра Олега Сергеевича Хорикова:

«Вырос я на Волге, в Саратовской области. Отец на фронте погиб, и похоронная пришла, а нам с матерью все не верилось. Как начали возвращаться фронтовики из Германии, так мы, ребятня, стали за околицей торчать. Ждем — не покажется ли кто. А уж как появится чей отец — с такой завистью смотришь и так хочется, чтобы он хоть по голове погладил, ласковое слово сказал... Как-то кричат по деревне: «Дядя Семен Горячев идет!» Дядя Семен, кузнец, с моим отцом воевал, отец погиб, а он дошел до Берлина. И вот идет он по улице, а я стою у калитки, как сейчас помню, босой, в оборванной фуфайке... И вдруг, не доходя до своего дома, поворачивает он ко мне, представляете, не к своим ребятишкам идет, которые уже бегут навстречу, а ко мне: «Ты сын Сергея Хорикова? Вот тебе яблоки, отец из Берлина прислал...» С теми яблоками я всю деревню обежал: «Отец жив, он яблоки прислал, скоро приедет...» Так у меня и осталась надежда: вдруг живой?.. Подрос — по всем госпиталям инвалидов войны писал, пусть без рук, без ног, какой бы ни был — заберу. Сильно мне отца не хватало. Лишь спустя годы, встретившись с Кузьминым, впервые почувствовал по-настоящему и отцовскую заботу, и отцовскую строгость... Вот уж десять лет, как его нет, а ощущение — с нами Валентин Петрович, и мысленно — всегда в ответе перед ним...

Я слушаю Олега Сергеевича и вспоминаю свою первую встречу с академиком В. П. Кузьминым в августе 1963 года.

— Вот,— говорил он,— и песня поется: «Стеной стоит пшеница золотая». Музыка хорошая, задушевная, а слова мне не нравятся. Не устраивает нас в нашем засушливом климате пшеница, которая стоит стеной. Пусть низкорослые хлеба, но с хорошо развитым колосом, чтобы влага расходовалась не на солому, а на зерно...

Двадцать лет минуло с тех пор. Сорта, задуманные Кузьминым, ныне занимают многие сотни тысяч гектаров. Ученики продолжают его дело. И если сорт хороший, то, в сущности, неважно, где он создан,— в Шортанды или Омске, на Алтае или в Саратове. Важно другое — не распылять зря силы, не «варить каждому свою кашу». Время одиночек-селекционеров прошло.

Будущее отечественной селекции — не в соперничестве, а в добром содружестве.

ПРОНИЦАЕМОСТЬ ВРЕМЕНИ

Взлетное поле — островок былой целины. Терпкий полынный дух некоторое время еще держится в салоне нашего АН-2, а под крылом уже плывут хлебные поля, синеют озера с белыми стаями гусей по берегам, шагают высоковольтные мачты, и солнечные отблески ртутью переливаются по рельсам железнодорожных путей.

В полет меня пригласила первый секретарь Кустанайского райкома партии Герой Социалистического Труда Вера Васильевна Сидорова.

Кустанайский район один из крупнейших в республике. Было время — на его территории в десять тысяч квадратных километров размещалось три района: Затобольский, Кустанайский и Убаганский. Объединив их, объединили и ряд хозяйств: вместо сорока семи — стало двадцать пять крупных сельскохозяйственных предприятий.

Если в одном конце района светит солнце, то в другом уже несколько часов может идти дождь. Здесь и необозримые степные пространства, и березовые колки, и сосновые боры... Только под пашней занято 600 тысяч гектаров. В десятой пятилетке район выполнил шесть годовых планов по продаже хлеба государству — страна получила 111 миллионов пудов зерна — пшеницы сильных и твердых сортов. В границах района — два крупных промышленных города — Кустанай и Рудный, их надо снабжать овощами, картофелем, продуктами животноводства, производство которых наращивается с каждым годом.

Цель сегодняшнего полета, в котором участвуют и другие районные руководители,— оценить состояние посевов и уже в какой-то степени спрогнозировать урожай-82. С семидесятиметровой высоты, на которой мы летим, все видно отчетливо. Недавно прошумели буйные грозовые ливни — кое-где навредили, но в основном польза есть: пшеница, выстоявшая жестокую июньскую засуху, теперь быстро пошла в рост.

Самолет накреняется, делая поворот, и на иллюми-

натор наплывает сизо-зеленая туча, за ней — ярко-желтые, лиловые, розовые прямоугольники. Это пшеничные поля и многолетние травы совхоза имени Павлова, его директор Виктор Михайлович Конищев летит вместе с нами.

Накануне мы с Верой Васильевной и Виктором Михайловичем ездили по этим полям; вон там, где проселочная дорога делает поворот, возле цветущего донника, Вера Васильевна попросила остановить машину. Мы вышли и оказались будто в густом меду по колено, вокруг жужжали пчелы, и от тягучего аромата кружилась голова. Дальше лиловел эспарцет, цвели суданка, люцерна...

Богаты кормовые угодья у павловцев — у Тобола, где играют радуги дождевальных машин, источал острый травяной запах свежескошенный пырей, а рядом, на неорошаемом участке, чахлые, низкорослые кустики полыни и шалфея не могли даже полностью прикрыть землю. Вот такими были еще не очень давно эти неудобные для пахоты, солонцеватые, иссеченные балками притобольские земли...

— Ни покосов добрых, ни пастбищ,— вспоминал Виктор Михайлович,— а скота четыре тысячи с лишним голов. В семьдесят шестом здесь, на берегу, первую «Волжанку» запустили, а сейчас у нас уже двадцать дождевальных машин. За последние годы поголовье скота увеличилось раза в полтора, но кормов хватает, благодаря четко отлаженному зеленому конвейеру, улучшенным сенокосным угодьям и пастбищам.

Под рукотворным дождем волнами ходили тучные травы, и мне вспомнилось: а ведь видела я уже такое семь лет назад — вот так же стояли мы с Верой Васильевной на берегу Тобола, только было это в мае 1975 года в совхозе «Рассвет», в Тарановском районе...

О Вере Васильевне Сидоровой я впервые услышала от Валентины Александровны Лебеденко, ныне возглавляющей Кустанайский обком профсоюза работников просвещения. Это она, Вера Васильевна, тогда первый секретарь Тарановского райкома партии, сумела угадать в молодой учительнице талант вожака, организатора, убедить, что в общественной работе ее призвание.

... — Верить в людей, ценить и развивать инициативу — у нее училась и учусь,— говорила Валентина Александровна,— всей своей сущностью она для меня пример постоянный, моя партийная наставница...

Первый секретарь райкома партии... Для меня с детства это звание было окружено особым ореолом. Дедушка, заведовавший школой на небольшом кубанском хуторе, если не мог решить вопрос с ремонтом или приобретением наглядных пособий, говорил: «Что за бюрократы! Неужели опять придется обращаться к самому Лазько!» Лазько в районе уважали и побаивались. Когда на кубанскую землю пришли фашисты, первый секретарь райкома возглавил партизанский отряд. Летели под откос составы с вражеским боеснаряжением, подрывались на минах автомашины с «альпийскими егерями», горели склады, и по утрам жители шепотом передавали друг другу, что операцией руководил опять «сам Лазько»...

Прошли годы. Я уже сама заведовала школой в таежном дальневосточном поселке. Первый секретарь Кур-Урмийского райкома партии Александр Киселев вручил мне партийный билет. Навсегда осталось у меня чувство благодарности к этому доброму, отзывчивому партийному руководителю — к нему всегда можно было прийти за помощью, выложить душу, и все же мне лично казался он каким-то особенным, будто незримая черта отделяла его от «всех прочих», и как бы приветлив он ни был, я робела и смущалась, входя к нему в кабинет.

Перед первой встречей с Верой Васильевной я вдруг ощутила тот давний трепет и даже подосадовала на себя: чего робеть-то? Моя сверстница, даже младше. А может, я боюсь разочароваться, натолкнуться на официальный прием, дежурные фразы?

Так или иначе, я волновалась, входя в вестибюль Кустанайского Дома политпросвещения, куда собирались участники совещания областного партийного актива, и в каждой встречной пыталась угадать ее, Веру Васильевну...

И вот — совсем рядом — негромкий грудной голос:

— Мне сказали, вы меня ищете?

Тугой узел темных блестящих волос, наверно, это он, оттягивая голову назад, заставлял держать ее горделиво и прямо. Удлиненный овал лица, тонкие надломленные брови — правая чуть приподнята, а глаза — цвета озерной глубины... И улыбка — ясная, открытая, подмывающая сразу улыбнуться в ответ.

— Побеседовать?— она задумалась на миг.— Знаете, сейчас начнется совещание, а после, сразу в ночь, я должна буду уехать домой — сами понимаете, посевная...

А, может, погостите несколько дней у нас в Тарановском? Не возражаете?

Еще бы я возражала! Договорилась, что буду ждать ее в номере гостиницы, и она пошла вверх по лестнице, стремительная, легкая, в ладном синем костюме.

Стемнело, а Веры Васильевны все не было, видимо, совещание затянулось. Несколько раз выходила я на балкон и уже засомневалась: а что если Сидорова уехала без меня. Не знала я тогда, что у этого человека слово — закон; не помню, чтобы даже в мелочах Вера Васильевна не выполнила своего обещания. Наконец, постучались — я распахнула дверь и увидела Веру Васильевну в окружении ватаги мужчин. Один из них, высокий, полный, в чем-то горячо ее убеждал.

— Нет, нет, дома поужинаем,— возразила она.— Ехать пора, вот и товарищ меня ждет. Извините, Галина Васильевна,— обратилась она ко мне.— Задержали... Вы готовы? Тогда едем!

Нас любезно проводили до темно-вишневой «Волги», уже стоявшей у подъезда, некоторое время мы ехали в сопровождении эскорта «Волг» и «газиков», затем они отстали.

— Это все из Кустанайского района,— пояснила мне Вера Васильевна.— В основном, директора совхозов. И откуда люди берут... Мне еще ничего неизвестно, а они... «Изберем вас первым секретарем...» Не знаю, не знаю...

— А если действительно, Вера Васильевна?

— Вряд ли это реально. Такому большому району рука покрепче нужна. Да и привыкла я к своему Тарановскому...

Но чувствовалось, что она взволнована и даже встревожена, хоть и немало уж было в ее жизни крутых перемен...

...Станция Таловая Воронежской области узловая, крупная — на нее непрерывно были налеты. Всего неделю проучилась Вера Лазукина в первом классе, и школу разбомбили. Отец с первых дней войны ушел на фронт, мать убирала хлеб в колхозе, а Веру с братишкой, чуть постарше ее, отослала к бабушке, в село за двадцать пять километров — авось, там не так будут бомбить. Шли пешком, держась за руки — и вдруг фашистские «мессершмитты»... Один за другим, пронеслись низко над дорогой, и в воздух взметнулась пыль от пулеметных очередей. В кого они били? Неужели в этих детей, что

упали ничком в канаву? Два маленьких комочка, а против них — несколько дьявольских махин, изрыгающих смерть. Бред, нелепость, но фашисты знали, что делали: им нужно было убить само будущее ненавистной им страны. Не удалось, улетели... А Вера даже не заплакала, только вся дрожала, прижавшись к брату...

В школу она пошла лишь спустя два года. Запомнилось: нетопленный класс, закутанные детишки за партами, а учительнице Прасковье Назаровне словно и не холодно: в темном платье, с выглядывающим из кармашка платочком в кружевах, тщательно причесанная, она обходит ряды с подносом, на котором красиво разложены тонкие, почти прозрачные, ломтики серого с примесью хлеба... И пусть рот переполнен голодной слюной, Вера понимает: следует ждать независимо и спокойно, чтобы подошла учительница, и когда, наконец, она остановится возле тебя, не обшаривать поднос жадным взглядом, а деликатно взять тот ломтик, что всех ближе, и неторопливо, отщипывая по крошке, съесть его...

Уже в послевоенные годы отец поражался: «Что за девчонка — придет из школы, ведь голодная, а есть никогда не попросит, братья еще с порога требуют, а она молчит». Потом уже, когда взрослой стала, все допытывался: «Вера, ну скажи, почему ты ни разу не попросила туфли тебе купить или платье? Во что оденешь тебя — то и ладно...»

— А зачем?— отвечала она,— Мало ли что мне хотелось. Но вдруг попрошу, а у вас денег нет, мне совестно будет...

Как знать, может, сказались здесь и уроки Прасковьи Назаровны, сызмальства воспитывавшей в своих учениках чувство собственного достоинства.

Однажды, спеша в школу, Вера упала, споткнувшись о доску с торчавшим гвоздем, и пропорола себе ладонь. Вбежала в класс, села, спрятав руку под парту, но Прасковья Назаровна заметила. Бинта не было — в ход пошел тот самый белоснежный платочек с кружевами, и вот здесь Вера заплакала, наверно, оттого, что стала вдруг центром всеобщего сочувствия и внимания. Говорят, жемчуг начинает расти вокруг песчинки или мельчайшей водоросли, попавшей в раковину, не так ли взрастают добрые свойства души — вокруг самой, на первый взгляд, незначительной малости... Много лет спустя Вера Васильевна побывает в Таловой, но уже не застанет в живых свою первую учительницу, лишь на

могилу ее положит букет скромных полевых цветов...

Но с другим любимым своим учителем она переписывается до сих пор. После Прасковьи Назаровны он стал классным руководителем в пятом классе — вернувшийся с фронта учитель истории Николай Кузьмич Ульянов. На уроки приходил еще в военной гимнастерке, в галифе, заправленных в сапоги. Росту невысокого, темно-русый, таким он остался в памяти у Веры, и очень она удивилась, когда через много лет прислали ей фотографию, где Кузьмич был снят с бывшими своими учениками. Многих одноклассников не узнала — постарели, пополнели, поседели, а Кузьмич — в центре, «как стеклышко» — худощавый, подтянутый и не поседел даже. Может, из-за характера своего так сохранился: добрейший был человек. Никогда не повышал голоса, разбираясь с озорниками, чаще спокойно советовал: «Не надо, не оправдывайся. А вот совесть свою спроси: правильно ли ты поступил... Перед сном один на один с собой останешься, вот тогда и спроси». В шестом классе Вера совершила «преступление». Мальчишка, мимо двора которого бегали с подружкой в школу, взялся натравливать на них собаку. Девочки придумали «страшную месть»: написали вызов в милицию его родителям, а для пущей важности приложили печать — отец Вериной подружки руководил каким-то учреждением. Все раскрылось. Подружкин отец понес взыскание за небрежное хранение печати, девчонкам здорово досталось в семье и на педсовете. Тяжелей всего было взглянуть в глаза Кузьмичу. «С подлостью бороться надо,— сказал он.— Но только честным путем. Я понимаю — вы не предвидели... А пострадал хороший человек».

Вину свою Вера переживала несколько лет. В комсомол отказалась вступать вместе со сверстниками: «Я недостойна»,— и лишь в девятом классе подала заявление с просьбой принять в ряды ВЛКСМ... Как знать, может быть, именно этот случай помог осознать ей, что человек должен нести ответственность за каждый свой поступок, за каждое слово...

«Везло мне на хороших учителей,— заметит она впоследствии.— Везло и в школе, и в дальнейшей жизни...»

Одним из таких учителей стал для нее Юрий Владимирович Всеволожский, директор совхоза имени Джамбула Карасуского района Кустанайской области, куда Вера Лазукина была направлена в 1958 году после

окончания агрономического факультета Казанского сельскохозяйственного института. Назначили ее агрономом первого отделения, а у отделения — ни много, ни мало — десять тысяч гектаров... Запомнился солнечный майский день, когда Юрий Владимирович вез ее в бригаду на своем газике. Вокруг был такой простор, что голова кружилась: вот она какая, целина, о которой столько говорилось и пелось, когда она еще училась на первом, на втором курсах. Тогда и слово себе дала: после института — на целину и никуда больше...

Юрий Владимирович поглядывал на нее искоса, изучающе. Было ему около сорока, но Вере он показался уже старым и каким-то слишком обыденным — настоящих целинников она представляла себе иначе. А он вдруг начал говорить, что те, кто едут за романтикой, вряд ли здесь ее найдут: совхоз переживает трудное время: сорняки одолели, техника никудышная, для целинного земледелия не приспособленная, а самый опасный враг — ветровая эрозия почвы... «Десять тысяч гектаров земли отдается под твою ответственность. Легкой жизни не будет...» «Да разве я за легкой жизнью ехала?»— хотела она возразить, но не посмела, только смущенно кивнула в ответ.

Тракторы показались на горизонте, словно по воздуху плывут. Подъехали ближе — парень вышагивает босиком по свежевспаханной земле. Директор выскочил из газика: «Ты, герой, ревматиком хочешь стать? Давно ли снег стаял? Ну-ка, обувайся!»

И, обратившись к Вере: «Не было тут за ними до сих пор доброго догляда, ты уж, Вера, будь им теперь и за мать, и за сестру».

На полевом стане был всего один вагончик — угол для Веры отделили занавеской. За обедом она не знала, куда от неловкости деваться: все взгляды на нее. Директор сам выбрал алюминиевую тарелку и ложку поприглядней: «Ешь, Вера, не стесняйся. Ты теперь здесь хозяйка. А вы,— глянул строго на парней,— мне за агронома головой отвечаете. Ну, конечно, и она за вас. За любое «ЧП»— с нее спрос».

«ЧП» долго ждать себя не заставило. Заправка сеялок тогда еще не была механизирована. Привезенные в бригаду семена ссыпали на дернину — остались среди полей нераспаханные куски,— а затем, ведрами, заправляли сеялки.

«Послушай,— сказала Вера бригадиру, когда, засеяв

часть полей, собрались переходить на следующие,— мы ведь теперь сюда не вернемся, надо бы зерно с дернины все подобрать, смотри, какая подушка...» Но парням не хотелось выгребать пшеницу из прошлогодней травы, и бригадир был с ними заодно: «Что ты мелочишься?— сказал он Вере.— Здесь целина, здесь знаешь какие масштабы, если будешь крохоборством заниматься, главное упустишь.» И Вера, хоть и скребли у нее кошки на душе за оставшееся зерно, махнула рукой. Может, и прав бригадир: сев торопит...

«Ах, Вера, Вера, похоже, ты голода не знала,— сказал директор, когда собрались на очередную планерку.— Такое отборное зерно, пуда два, а то и больше... Этак прошвыряемся мы с тобой...» Бригадир, сидевший рядом с Верой, помалкивал, а ей и в голову не пришло на кого-то ссылаться: ее вина, оправдывайся не оправдывайся... Подметил директор и другие упущения на севе, особо не бранил, но ей и этих замечаний было достаточно...

Несколько дней ходила как в воду опущенная, а парни всячески пытались ее развеселить: понимали, что за них ей досталось. Между прочим, были среди них всякие, и грубияны, и матерщинники. Попыталась Вера с ними поодиночке побеседовать, с одним, с другим: «Ты такой славный парень, тебе ж не идет...» Думала, не послушают, нет, глядишь, перестали сквернословить. Постели сначала за всех заправляла, как следует, потом приучились. Чистота в вагончике, цветы на столе появились.

Обратилась к парторгу совхоза — помогите организовать досуг ребят. Купили настольный теннис, лыжи приобрели, снег выпал — лыжный кросс организовали. Она еще в институте спортом увлекалась, и здесь, в районе, первое место по легкой атлетике заняла. Сама удивилась, когда оказалась лучшим стрелком из малокалиберной винтовки. Как водится, посыпались на нее всякие общественные «нагрузки». Политучебу кто организует? Вера Лазукина... Художественную самодеятельность? Она же...

Весной в газете опубликовали условия социалистического соревнования молодых кукурузоводов. Вера и подняла своих парней: «Ребята, давайте постараемся...» Выдержали все условия, посеяли как надо, по квадратам, обработку произвели тщательную, и кукуруза выросла на славу. У бригады получились лучшие результаты

в районе. Вера составила акт как положено, и с этим актом — в райком комсомола. «Оставьте, разберемся, вызовем вас». Неделя проходит, другая — ни ответа, ни привета. Приехала: «Что же вы, товарищи?»— «Погодите, некогда с вами». Когда в третий раз приехала и опять ничего — ворвалась к первому секретарю и все высказала, что думала, о бюрократизме и показухе.

С кукурузоводами разобрались, премии дали, а ей неожиданно предложили стать инструктором райкома комсомола. Потом уж она узнала, что сразу был прицел — сделать ее в дальнейшем секретарем райкома комсомола. Оставить поле? Ни за что! Один раз вызвали на бюро райкома, другой, и Всеволожскому уже из райкома партии посоветовали отпустить Лазукину. Когда он стал уговаривать: «Иди, Вера»,— она это восприняла как предательство, поплакала, но переехала в район; в мае, как раз посевная идет, все по бригадам, а ее — за письменный стол: «Дежурь, изучай документы, набирайся опыта». Сидела-сидела она над этими пыльными бумагами, даже задремала. А потом решила: «Хватит, вернусь к ребятам...» Но тут направили в командировку по району, и закрутило ее — май, июнь, июль — а в августе уже избрали первым секретарем райкома комсомола.

На месте ей по-прежнему не сиделось. На мотоцикле, бывало, за день несколько хозяйств облетит. Однажды примчалась на совхозное отделение, где управляющим и комсоргом был Антон Сидоров, высокий черноволосый парень, и вдруг, беседуя, смутилась под его пристальным взглядом. «Что так смотришь?»— «Да вот... Девчонка, а на мотоцикле здорово ездишь...»

Так, спустя некоторое время, она стала Сидоровой. Вскоре ее избрали секретарем Кустанайского обкома комсомола, сначала вторым, через некоторое время — первым. И новый крутой поворот в ее судьбе — в 1965 году избирают вторым секретарем Тарановского райкома партии.

Конечно, многое о детстве и юности Веры Васильевны я узнала впоследствии, причем не только от нее,— кое-что рассказали родные, товарищи. А тогда, по дороге из Кустаная, у нас как-то сразу же пошел непринужденный разговор о работе, о книжных новинках, получалось даже, что больше расспрашивала она, Вера Васильевна...

...В Тарановское мы приехали за полночь. В доме Си-

доровых окна были темны, все уже спали. Я рассчитывала, что шофер отвезет меня в гостиницу, но Вера Васильевна распорядилась иначе:

— Остановитесь у нас. Почему — неудобно? Гостиница маленькая, неизвестно еще, есть ли места, и к тому же — проще нам выкроить время для беседы.

...Полпятого. За окном брезжит рассвет. Антон Львович уже встал. В разгаре посевная, он — директор совхоза. Собираясь на работу, двигается по дому тихо, стараясь ничего не задеть. Но Вера Васильевна все равно просыпается. Зимой, когда муж уходит позже, она обязательно встает вместе с ним и готовит завтрак, но сейчас он поставил строгое условие: она должна спать хотя бы до шести, иначе с какой головой она пойдет на работу. А голова нужна свежая, ясная.

Слабо щелкает замок входной двери. Уехал... Тихо в квартире. Только стрелка часов неумолимо торопится к шести.

Выходя из дому, Вера Васильевна первым делом смотрит на термометр у крыльца. Он показывает четыре градуса тепла. А синоптики обещают еще заморозки до минус пяти и это в третьей декаде мая, после иссушающей жары! Сеять, сеять... Небо окутали серые тучи, изредка они роняют капли дождя, но ветер уже рвет их на клочья и разбрасывает в стороны. Прошел бы добрый ливень, а потом солнышко... Но тучи блуждают над полями, настоящего дождя не дают, только «шкодят», как говорят механизаторы. Там сбрызнут почву так, что на каточки сеялок начинает «наматываться» земля, а вместе с нею только что посеянное зерно; там, будто подражая сеяльщикам, начнут швырять пригоршнями град величиной с горошину, он скатывается в бороздки после стерневых сеялок, и все поле становится в белую полоску. А ждать некогда — сроки уходят.

В приемной еще пусто. Вера Васильевна достает из сумочки ключи и открывает дверь с табличкой: «В. В. Сидорова». Кабинет большой, солнечный, на чистом блестящем паркете — вишневый палас, на окнах легкие шторы из белого шелка. В шкафу, за стеклом — собрание ленинских работ и другие книги, постоянно необходимые первому секретарю райкома. А на длинном полированном столе, за которым происходят заседания бюро, в темной вазе чешского стекла — пучок пшеничных колосьев, тяжелых, остистых, с фиолетовым отливом. Свой сорт, кустанайский.

Принесли сводки по севу, теперь — как следует их проанализировать. Вера Васильевна — не сторонница утренних радиоперекличек с директорами совхозов, когда должны давать отчет за вчерашний день: сколько, чего и как посеял. Нет, это не ее стиль работы. Есть районный трест совхозов, там сидят специалисты, все с высшим образованием, вот им и вникать досконально в технологический процесс, направлять его должным образом. Есть райисполком — он решает вопросы быта, здравоохранения, есть профсоюз, организация социалистического соревнования на севе — его святое дело; нужно доверять людям и спрашивать с них, с каждого, за вверенный ему участок.

Но один час в день, с семи до восьми, она должна отдать всестороннему анализу сводок, сопоставлению их с прошлогодними результатами на это число, с тем, что намечено планом. Сравнить, как идут дела в одном хозяйстве, в другом — а там уж и позвонить, выяснить причину, если вдруг возникло отставание, а еще лучше — направить туда кого-нибудь из аппарата, а то и самой выехать, разобраться на месте. Может, требуется этому хозяйству квалифицированная помощь, и, хотя Вера Васильевна сама агроном с высшим образованием, она не рискнет давать скоропалительные рекомендации, а вернувшись в райцентр, немедля пошлет в это хозяйство толкового специалиста.

Методы ее работы вначале кое-кого смущали: «что за первый секретарь — голосок тихий —... «пожалуйста, будьте добры», «женщина она и есть женщина»... Давно уж так не говорят, и бледнеют, входя в кабинет «первого», чувствуя, что придется отвечать за дело, потому что лучше бы окрик, разнос, чем эти колющие льдинки в негромком голосе: «Так как же мы дошли до такой жизни?» И немыслимо трудно взглянуть в беспощадные синие глаза...

Против чего сразу выступила Вера Васильевна, так это против чванливости, высокомерия руководящих работников. Однажды звонит парторг из совхоза, приглашает посмотреть оформление к юбилею.— «К какому юбилею?»— «Как же... Директору нашего совхоза на днях исполняется... Человек он уважаемый, заслуженный...» Поехала, посмотрела — там уже портрет готов в два метра шириной, в три метра высотой: юбиляр изображен во весь рост, шагающим по сцене. Юбилей, как он был задуман, не состоялся, а спустя несколько дней

на бюро райкома партии был поставлен вопрос «О скромности коммуниста».

В одном хозяйстве вдруг ухудшилась трудовая дисциплина, участились всякие ЧП на почве пьянства. Выяснилось, что сам директор слишком пристрастился к спиртному. Перевоспитать его не удалось, пришлось расстаться, хотя толковый работник был, и это дало начало нетерпимому отношению к тем, кто еще считает: «Пьян да умен — два угодья в нем». Борьбу вела неукоснительную, не спасали ни заслуги, ни звания, ни должность.

Зато уж не уставала учиться у тех, кто был компетентен в своем деле, обладал широким кругозором. Вот хотя бы Ли Ем Бем — тогда он был директором «Тарановского», одного из крупнейших в республике птицесовхозов, производившего до ста миллионов яиц в год. Приехал в совхоз очень эрудированный в этой отрасли товарищ. Ли Ем Бем особо распространяться о достижениях не любил: вкратце рассказал о состоянии дел и умолк.

— Знаете,— сказал тот товарищ,— не мешало бы вам перенять опыт житомирской птицефабрики. Они там сбалансировали затраты белка для кормления кур-несушек, ведь слишком много белка тоже вредно, куры жиреют и перестают нестись. Содержание белка должно составлять...

— Да,— вежливо подтвердил Ли Ем Бем,— наша лаборатория давно установила, что оптимальная дневная норма белка для курицы — 17 с половиной граммов вместо 21, как в инструкции. Это позволило нам значительно увеличить яйценоскость.

— Верно,— сказал товарищ.— Семнадцать с половиной. А вот киевляне...

— А, это насчет кормов с высоким энергетическим запасом? Да, опыт киевлян заслуживает большого внимания, правда, мы кое-какие свои коррективы внесли, и это позволило нам довести годовую прибыль до трех с половиной миллионов рублей в год...

Товарищ помолчал и сказал:

— На Гагаринской птицеферме...

— Мы уже заказали агрегат для производства гранул из птичьего помета.

— В ГДР и Венгрии — система клеточного содержания...

— Система Биг Дачман... Когда пойдем осматривать цеха, вы у нас увидите...

После осмотра фабрики, вернувшись в кабинет директора, товарищ сказал:

— В Японии теперь недостаток каротина в кормах для птиц восполняют масляным препаратом витамина «А».

Ли Ем Бем молча открыл шкаф и показал штативы с этим масляным препаратом:

— Закупили, посмотрим, проверим...

— Вот какого уровня теперь у нас руководители,— говорила мне Вера Васильевна,— и если не учиться, не расти постоянно вместе с ними, можно безнадежно отстать...

...— Алло, девочки,— по прямой Мовчана, директора совхоза «Рассвет», будьте добры... Владимир Аникеевич, здравствуйте... Вы, пожалуйста, планируйте свой рабочий день до обеда, как вам нужно, а уж после обеда мы поедем по полям... Вы не знаете, супруга ваша дома или уже на работе?.. Да, мне позвонить ей нужно... Девочки, больницу, пожалуйста. Антонина Васильевна, здравствуйте... Поздравляю с выдвижением в областной совет... Так здорово приняли вашу кандидатуру в Павловке. Только назвали ваше имя-отчество, фамилию даже не успели, и сразу аплодисменты... Там ведь все ваши «родственники». Или сами, или уже дети их, которых вы принимали... Да, с 1954 года сколько народу народилось... Что, уже и «внучата» пошли?.. Тех, что в пятьдесят четвертом? В общем, все там за вас... И еще новость знаете?.. Новый роддом будем строить. Уже фонды спущены. На пристройку стокоечную к больнице и родильный дом. Антонина Васильевна, я ведь не только с хорошим к вам. Была я на днях на детской молочной кухне. Беспорядки там. Холодильника нет, лаборантка студит бутылочки под ледяной водой, набрызжет — пол вытрет, чуть руки ополоснет — и опять за бутылочки... Это на нашей с вами совести, Антонина Васильевна, мы ведь сами матери, должны понимать...

У Сидоровых две дочери — Марина и Олечка. Особенно трудно досталась младшая — слабенькая родилась, по ночам все время плакала. Проводишься с нею, а утром на работу — Вера Васильевна тогда уже первым секретарем была. Только посетителей принимала, сидя за столом, и бюро вела, а когда оставалась одна — почту ли разбирала, изучала ли сводки, просматривала све-

жие газеты — все прохаживалась по кабинету, по диагонали, иначе глаза слипались.

В те дни на семью обрушилось тяжкое горе: отец, проработавший всю жизнь отбойщиком в шахте, ушел на пенсию — дом свой собрался строить в Шахтах Ростовской области — и тут инфаркт. Маму это сильно потрясло, очень болела, Вере Васильевне и ее пришлось выхаживать.

Уборка в том, семьдесят третьем году, была неимоверно трудная: в валки хлеб уложили, а тут дожди, снег, заморозки, валки смерзлись, вилами приходилось сперва подымать, чтобы потом взять комбайнами. Все трудоспособные жители района в поле вышли. Вера Васильевна чуть ли не круглые сутки была в полях; заедет домой — покормит дочь — и снова в бригады, к людям...

Вызвали в обком на срочное совещание по ходу уборки. Вера Васильевна с неприятным удивлением узнала, что докладывать о состоянии дел в Тарановском районе поручено не ей, а директору треста совхозов, Как же так? Ведь отчитываются все первые секретари райкомов. Жалеют, дескать, у нее грудной ребенок? Или вообще считают, что с женщины в такое время и спрос невелик?

— Я прошу слова, — сказала она и обстоятельно доложила о принятых мерах.

На другой день областные руководители проехали по Тарановским полям. Люди работали самоотверженно. Валки подсыхали, убранное зерно отправляли к сушильным установкам. Основной урожай был спасен.

— Пожалуй, это было труднейшее испытание в моей жизни, — признавалась мне Вера Васильевна.— И в то же время я вспоминаю эти дни как очень светлые — так единодушны и сплочены были люди...

На обед Вера Васильевна забегает ненадолго домой. Наскучавшимся дочкам не хочется ее отпускать.

— Олечка, маме пора. Маме в поле надо. Ну, ну, не надо плакать. Лучше покажи, какие маме туфли надеть? Вот эти, белые? Нет, Олечка, в поле такие туфли не надевают. Может, эти, на толстой подошве? Согласна? Ну вот и хорошо.

...Из Тобола насосной установкой качали воду. Пенясь, рвалась она из объемистой трубы и потом уже спокойно текла по широкому арыку, который то и дело разветвлялся на свежезеленеющие поля, осененные сверкающими крыльями дождевальных установок. Здесь был

оазис, другой климат, озимая рожь уже чуть ли не в пояс...

Совхоз «Рассвет» стал инициатором поливного земледелия в Тарановском районе. Поливные земли в немалой степени помогли району досрочно завершить пятилетку по продаже мяса, яиц, молока...

— Такое спасение в засуху — озимая рожь...— наплывающее облачко скользнуло по лицу Веры Васильевны легкой тенью, и я поняла, о чем она думала в эти минуты: нелегко оставить район, с которым сроднилась, людей, помогавших ей выстоять в трудные минуты... А Тобол неторопливо нес свои воды на северо-восток, к Кустанаю...

Храню фотографию Веры Васильевны, сделанную в феврале 1976 года, вскоре после того, как ее избрали первым секретарем Кустанайского райкома партии. Легкий наклон головы к невидимому собеседнику, доброжелательно-искрящийся взгляд, белозубая улыбка... И не скажешь, что снимок этот сделан в неимоверно трудное для нее время, когда по ночам порою охватывало отчаяние... Знойное лето 1975-го выжгло травы, не дало вырасти кукурузе на силос, и соломы заготовили мало. Озерный камыш, веточный корм — разве могли они спасти положение?

— Заходишь на ферму, и сердце щемит,— делилась со мной Вера Васильевна, приехав в Алма-Ату на совещание.— Коровы отощали — ребра торчат, о каком молоке тут речь... Морозы, бураны, а кормов в обрез. Перераспределяем, как можем, берем у хозяйств, где сена побольше, но разве это выход?

Чтобы такого не повторилось, партийная организация района продумает на последующие годы обширный план создания устойчивой кормовой базы. Уже в десятой пятилетке старые, изреженные, малопродуктивные многолетние травы заменят более питательными: бобовыми, такими, как донник желтый, эспарцет песчаный. Засеют пастбища волоснецом, на поливном земледелии станут выращивать высокие урожаи кукурузы и корнеплодов. Но это — в будущем, а тогда приходилось ездить в другие районы, выпрашивать: «Дайте хоть немного соломы...»

Одна из таких поездок чуть не закончилась для Веры Васильевны трагически. Возвращаясь домой, попала

в буран. Машина застряла среди сугробов. Толкали-толкали ее с шофером — ни с места. Вымокли, намерзлись, а уже стемнело. Решили зайти в машину погреться. Онемевшие от холода ноги и руки начали понемногу отходить, и Вера Васильевна даже задремала. Разбудил ее сокрушительный удар по машине, треск железа, звон разбитого стекла.

— Угораздило вас на дороге стать!..— шофер огромного самосвала не стеснялся в выражениях.— Еще немного — и запросто: вам крышка — мне тюрьма...

«Волгу»-то всю снегом облепило — сугроб и сугроб...

Непрерывные бураны осложняли зимовку, но нет худа без добра: на полях удалось задержать много снега, и это внушало надежды на добрый урожай. Два года в районе был недород, в 1975 году многие хозяйства и семян не собрали. Зато теперь на хлебной ниве в полмиллиона гектаров наливался полновесный колос. Жатва-76 стала серьезным экзаменом для партийной организации района, проверкой ее сплоченности и боевитости.

Спустя несколько лет, когда Вера Васильевна с делегацией советских женщин посетит в порядке культурного обмена Соединенные Штаты Америки, фермеры Оклахомы, а особенно их жены, засыплют ее вопросами.

...— Есть ли у вас ферма? Почему вы смеетесь? Отвечайте.

— У меня их двадцать пять...

— Ого! Перед нами крупный фермер Советской России!— прокомментирует ее ответ переводчик.

Пожилая фермерша, подойдя к Вере Васильевне, недоверчиво прикоснется к ее руке, пощупает материю на платье:

— Почему... оно красное?

— А что? Вам оно не нравится?

— Нравится...

— Ну вот, и мне тоже.

— Кто ваши родители?

— Рабочие.

— Как же вы стали руководителем района, депутатом Верховного Совета? У вас были большие деньги, когда вы поехали на целину?

— В институте выдали последнюю стипендию и оплатили дорогу.

— Признайтесь, так просто не бывает. Была, наверно, сильная рука, двигавшая вас?

— У меня было и есть много добрых, честных рук. Комсомол, партия — сила этих рук и выдвинула меня...

Сила добрых, честных рук... Объединенная, направленная, в ту, памятную жатву 1976 года она творила чудеса. Хлеб удался такой, что его нельзя было косить на полный захват жатки, а при обмолоте применять повышенные скорости, но комбайнеры были подготовлены к этому заранее: задолго до жатвы прошли семинарские занятия, на которых детально изучались особенности уборки высокоурожайных полей. Ремонтная служба, приспособления на случай непогоды, питание механизаторов, создание нормальных условий для их отдыха — все это было предусмотрено заранее.

Главный штаб страды, созданный по инициативе Веры Васильевны, оперативно руководил всеми подразделениями уборочного конвейера.

— Главное было пробудить в народе инициативу,— вспоминала потом Вера Васильевна.— Я сама волновалась, когда слушала записанную на магнитофонную ленту речь комбайнера совхоза имени Гагарина Ивана Алексеевича Проценко. Он так хорошо, душевно говорил о том, что люди истосковались по доброму урожаю, и надо не щадить сил, чтобы убрать все до зернышка.

Столько хлеба район еще никогда раньше не сдавал: в закрома Родины поступило тридцать девять с половиной миллионов пудов.

За большой личный вклад в выполнение тружениками района планов и социалистических обязательств по производству и сдаче зерна государству в 1976 году Вере Васильевне Сидоровой было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

...Наш полет продолжается второй час. Пролетели над Рудненским водохранилищем, повернули на северо-восток... Глядя на проплывающие под крылом самолета поля, Вера Васильевна делает пометки в записной книжке.

— Я вас попрошу...—говорит она пилоту.— Старайтесь проходить и над поселками, не минуйте их.

Стройки, стройки... Там появилась целая улица благоустроенных кирпичных коттеджей, там возводятся красивые здания новой школы, детского сада. Строятся магазины, комбинаты бытового обслуживания, а в специально выделенных зонах — добротные корпуса произ-

водственных помещений. Асфальтируются дороги, тянутся нитки водопровода.

«... Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести...» Немало было жарких споров, светлых мечтаний среди питомцев Кузьмича в ту давнюю послевоенную пору... Каждый представлял будущее по-своему, но все сходились в одном: создавать его предстоит им...

...— Не могли бы вы назвать цифру ваших доходов?— спросили ее в Оклахоме.

— За три года десятой пятилетки — около ста миллионов рублей чистой прибыли.

— Где храните деньги?

— В Госбанке.

— На что тратите?

— На образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение, содержание детских дошкольных учреждений.

Недавно в Кустанае при участии сотрудников Академии педагогических наук СССР состоялось республиканское совещание о дошкольном воспитании на селе. Кустанайский район занимает одно из первых мест в республике по охвату детей дошкольным воспитанием. Два детских сада — Силантьевский и Затобольский — имеют дипломы ВДНХ.

Участники совещания с восхищением осматривали сказочный городок с рубленными из дерева теремами и крепостями при детсаде совхоза имени 50-летия СССР, зеркальный и гимнастический залы в детском саду «Гульдер», построенном в райцентре на средства коммунистического субботника; «Петушок»— детский комбинат дорожников, где сооружается плавательный бассейн с теплым переходом из помещений.

80 детских садов в районе, и в каждом стремятся сделать жизнь малышей уютной и счастливой. По сложившейся традиции, при распределении лимитов на мебель, паласы, хозяйственное оборудование прежде всего учитываются детские учреждения.

В районе начат эксперимент по переходу на обучение детей с шестилетнего возраста и введению в первых-третьих классах пятидневной учебной недели. За последние годы немало сделано для того, чтобы улучшить работу школьных столовых, многие хозяйства отпускают продукты бесплатно, содержат своих поваров.

Как-то я заметила на столе у Веры Васильевны стопку экзаменационных сочинений.

— Вот, попросила в районо почитать. Кандидаты на золотую медаль. Хочется знать, что у нынешних выпускников за душой, есть ли определенная жизненная позиция.

Бывая в хозяйствах, не преминет зайти в детский сад, посетить уроки в школе, поинтересоваться, какие условия созданы в интернате....

Пролетая над Заречным, пытаюсь разглядеть утопающее в зелени здание средней школы. Осенью 1979 года я как раз была там на празднике урожая, когда директор школы А. Ф. Тимофеев торжественно объявил, что Кустанайский район досрочно завершил план десятой пятилетки по продаже хлеба государству. Нужно было видеть, как ликовали ребята, ведь и они чувствовали себя причастными к этой победе: на поле в сто гектаров ученическая бригада по заданию ученых опытной станции занимается размножением элитных семян лучших сортов пшеницы.

И еще одна встреча семьдесят девятого года вспомнилась мне, когда пролетали уже над совхозом имени Маяковского. Там, на току, за штурвалом трактора К-700, соединенного с разгрузчиком автомашин, увидела я черноглазую девушку — Айбаршин Жараспаеву. Вера Васильевна еще раньше рассказывала мне о ней с особой, материнской нежностью. Жумагали Жараспаев был опытный, уважаемый в совхозе мастер-наладчик. Четверо его сыновей пошли по стопам отца, остались в родном хозяйстве, но никто не принимал всерьез слова Айбаршин, единственной девочки в семье, что она тоже станет трактористкой. Посмеивались, пускай помечтает. И очень удивился Жумаш, когда застал дочь-девятиклассницу на току, за разгрузкой автомашин.

— Я не сама, мне разрешили,— оправдывалась она перед отцом.— Ты посмотри, как я здорово умею...

После школы Айбаршин закончила специальные курсы и получила права на вождение трактора К-700. С тех пор прошло несколько лет. Айбаршин была удостоена премии Ленинского комсомола, водила свой именной «Кировец». И вдруг на семью Жараспаевых, одно за другим, обрушились несчастья. В короткий промежуток времени умерли ее родители, дядя.

Приехав в совхоз, Вера Васильевна не узнала девушку. Горе, конечно, не красит, но слишком отрешен-

ным, замкнутым было выражение ее лица. Поговаривали, что она хочет оставить работу на тракторе. Вера Васильевна решила поговорить с нею наедине: «Айбаршин, милая, я понимаю, только время сможет притупить твое горе. Но мне кажется, тебя еще что-то угнетает...» И тут девушка расплакалась. Трудно поверить в такую дикость, но ей кто-то передал: «Старики говорят, это тебе наказание за то, что на трактор села, для женщины это большой грех»...

Долго успокаивала Вера Васильевна девушку: «Если тебе сейчас так трудно, ты можешь оставить трактор, перейти на другую работу, поехать учиться, в конце концов...». «Не знаю, посмотрю...»— нерешительно сказала Айбаршин. Трактор она все-таки не оставила, работает по-прежнему, и примеру ее следуют другие девушки района. Бывая в совхозе имени 50-летия СССР, Вера Васильевна не преминет встретиться с уважаемым наставником молодежи Иваном Андреевичем Шкильным. Чем-то напоминает он ее учителя Кузьмича — так же бережно, целеустремленно пестует своих питомцев. Нелегок хлеб наставника. Сам Иван Андреевич признается, что легче просто сидеть за штурвалом: «И нервов меньше потратишь, и заработок выше. Но что делать, не вечные мы, нужно и о смене думать». И вот ежегодно набирает он выпускников средней школы, обучает их тонкостям хлеборобского мастерства, а затем передает в другие бригады. Можно сказать, добрая четверть совхозных механизаторов прошли трудовую закалку у Шкильного.

Были как-то в совхозе имени 50-летия СССР зарубежные гости. Восхищались ухоженными полями, мощной техникой, школой, замечательным детским садом, благоустроенными квартирами, где живут рабочие. Захотели побеседовать с механизаторами. Обо всем их расспрашивали: о технологии производства, об условиях труда, о взаимоотношениях в коллективе. А потом неожиданно попросили: «Покажите, пожалуйста, руки». Не верилось им, что обыкновенный рабочий может так заинтересованно, с таким знанием дела говорить о производстве, думали, каких-нибудь агрономов или инженеров за механизаторов выдали. Просьба гостя — закон. Показали руки. «Да,— говорят,— руки-то у вас рабочие, а головы интеллигентные».

Самолет приземляется. Снова едем пшеничными полями, а в машине полынный запах. В руках у Веры

Васильевны сизая веточка — мнет ее машинально и очень вежливо выговаривает одному из руководителей насчет того, что вместе с органическими удобрениями вывезли в поле строительный мусор,— а он сидит пунцовый. Мелочей для нее нет, все подметит. На бригадном стане,— рассказывал мне парторг одного совхоза,— обратила внимание, что фляги-термосы, в которых привозят горячее питание механизаторам, плохо промыты, чернота внутри.

— Да они не отмываются, Вера Васильевна...

— Сейчас посмотрим. Дайте, пожалуйста, чистую тряпочку и питьевую соду.— Когда фляга засверкала первозданным блеском, Вера Васильевна весело рассмеялась:

— Ну как? Выходит, отмывается?

— Сквозь землю бы нам провалиться!— вспоминал парторг.

В совхозе имени Павлова директор Виктор Михайлович Конищев показал мне почти достроенную добротную пекарню:

— Все она, Вера Васильевна... Как-то обедает в нашей столовой: «Что-то хлеб у вас не такой. Черствый, что ли? Раньше всегда пышный, мягкий был».—«Да вот, поясняем, старая пекарня, еще со времен освоения целины, завалилась, а новую вроде бы и смысла нет строить — с хлебозавода кустанайского есть возможность возить...»— «Да что же вы, такой богатый совхоз, а людям свежего хлеба пожалели?» Усовестила, как видите...

Хозяйства Кустанайского района как бы соревнуются между собой в том, чтобы сделать жизнь своих тружеников уютней, интересней, здоровей. На территории Опытной станции я побывала на необычной улице: по разным проектам здесь построены красивые коттеджи. Разнясь друг от друга архитектурой, отделкой, все они обязательно отвечают требованиям сельской жизни: просторный двор, гараж, погреб, сарай побольше — для крупного рогатого скота, поменьше — для овец, свиней, даже курятник предусмотрен... По новым проектам сейчас возводятся дома в каждом хозяйстве. В быткомбинате совхоза имени Павлова шьют все — от легкого платья до полушубков, катают валенки, ремонтируют бытовые приборы, а в совхозе «Московский» уже и ремонт цветных телевизоров освоили. «В город не возим,

сами справляемся»,— похвалился молодой мастер Александр Туде.

Совхоз «Московский» славится своим хором, которому присвоено звание народного. О здешнем Доме культуры «Дружба» стоит сказать особо. Уже в фойе встречают вас ухоженные цветы, большой аквариум с золотыми рыбками, цветной телевизор, уютно оформленный бар. По статистике, Дом посещают ежедневно около шестисот человек, и лишь половина из них — кинозрители, остальные — участники кружков художественной самодеятельности, члены спортивных секций, слушатели различных лекториев. Когда устраиваются праздничные вечера типа «Голубой огонек», «От всей души», большой зрительный зал не вмещает всех желающих, некоторые мероприятия приходится повторять дважды. Запомнилось, как после осмотра кабинетов и залов, где было все, что душе угодно: современнейшие музыкальные инструменты с устройством для светомузыки, киносъемочные камеры, фотоаппараты, директор Дома Федор Федорович Краузе распахнул передо мной двери помещения, где словно в большом универмаге, рядами висели на плечиках национальные костюмы, а на полках переливались яркими красками русские кокошники, казахские шапочки с перьями филина, украинские венки. И масса аккуратно расставленной обуви. У многих сапожек и туфелек подошвы были стерты до дыр.

— Менять пора,— вздохнул Федор Федорович.— Средства есть, совхоз нам по тридцать тысяч ежегодно выделяет из фонда социально-культурных мероприятий, только вот не всегда приобретешь то, что надо.

В совхозе «Затобольский» два года назад был открыт лечебный профилакторий. Его заведующий — ветеран Великой Отечественной войны фельдшер Николай Иванович Борисовский с гордостью показывал физиотерапевтические кабинеты: «Вот здесь у нас — токи Бернара, здесь — УВЧ, ультразвук, дальше — электрофарез, кварц... Тут лечим парафином, озокеритом. Дальше — ванное отделение. Какие ванны? Кислородные, соляно-хвойные, сероводородные... Доярки частенько страдают суставами, так очень довольны. Многие механизаторы у нас подлечились перед жатвой — с других отделений людей на специальных автобусах подвозят, а тут у нас комната отдыха: после процедуры

можно полежать, выпить чаю с медом, с вареньем. Все это, разумеется, бесплатно, за счет совхоза».

Затобольцы показали добрый пример — сейчас и в других хозяйствах создаются подобные профилактории, водолечебницы.

На развилке дорог расстаемся с Верой Васильевной до вечера — еду в совхоз имени Гагарина, чтобы познакомиться с работой совета по коммунистическому воспитанию.

— Ключ у вас с собой?— осведомляется Вера Васильевна.— На случай, если у нас дома никого не будет...

Вечером в ожидании Веры Васильевны привожу в порядок записи, сделанные в совхозе имени Ю. А. Гагарина:

«...Вошло в традицию знакомить старшеклассников с социальным паспортом села, в котором по годам размечено, кому из тружеников хозяйства пора уходить на отдых, кого необходимо по состоянию здоровья перевести на более легкий труд... Очень важно, чтобы юноши и девушки осознали свой долг, свою ответственность перед старшим поколением...»

«...Все четверо сыновей ветерана Великой Отечественной войны Николая Семеновича Швецова остались в родном селе, работают механизаторами... После окончания средней школы пришли на животноводческие фермы Людмила Чешская, Татьяна Котова —недавно молодые работницы приняты кандидатами в члены КПСС...»

Мерно тикают часы. Пряно пахнут сухие ветки чабреца и полыни, цветет на окне герань. Здесь живет Любовь Митрофановна, мать Веры Васильевны. В этой «маминой» комнате с Васнецовской Аленушкой, грустящей у пруда, с вязаной белой скатертью, вышитыми салфетками, лоскутными половичками, кажется еще где-то совсем рядом синеглазое детство Веры Лазукиной.

Над кушеткой ватманский лист: молодая женщина среди золотых колосьев, сходство с Верой Васильевной довольно отдаленное, рисунок сделан детской рукой,— и подпись: «Вера Васильевна, сердечно поздравляем Вас с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда.— Учащиеся Халвайской восьмилетней школы Тарановского района». Что-то символическое есть в том, что висит этот рисунок именно здесь, в комнате, хранящей память о Верином детстве...

...— Ну, как, побывали у гагаринцев. Идемте чай пить...

Всегда подтянутая, Вера Васильевна будто и не знает усталости, лишь тени под глазами свидетельствуют о том, что день выдался не из легких. Впрочем, бывают ли они, «легкие» дни, у первого секретаря райкома? Ей бы сразу отдыхать, но слово за слово, и наша беседа, как и накануне, затягивается за полночь.

— Мы сейчас боремся за повышение силы гектара. С каждым годом увеличивается процент паров, вносится больше удобрений, значит, и отдача у поля должна быть выше — не просто количеством зерна, но и его качеством, силой. Так вот: сила гектара, сила хлебного колоса прямо пропорциональна силе человеческого духа, порядочности, интеллекту, трудолюбию. А эти качества просто не даются, они воспитываются. Вполне ли мы осознаем великую животворную силу коллективизма, в атмосфере которого растут наши дети?

...— Были в нашей картинной галерее? Обратили внимание на картину «Пятитысячница»? Художник писал ее с доярки совхоза «Краснопартизанский» лауреата Государственной премии Казахской ССР делегата XXVI съезда КПСС Алевтины Ивановны Кузьминой. Среди пионеров изобразил ее не случайно. Ребятишек к ней на ферму как магнитом тянет...

Я хорошо помню эту картину. В ясной синеве неба — молочная кипень цветущих яблонь. Круглолицая женщина в окружении школьников идет навстречу тугому весеннему ветру. Ласковый взгляд из-под черных приподнятых бровей, чуть вздернутый нос, едва приметная усмешка полных губ, и руки, загорелые, крепкие, привычные к нелегкому труду, они словно излучают тепло безмерной доброты — не потому ли так доверчиво прильнула к плечу своей наставницы белокурая девочка-подросток в красном галстуке?

Картинная галерея, размещенная в районном Дворце культуры,— своеобразная художественная летопись жизни тружеников района, начиная с времен гражданской войны и кончая нашими днями. По решению Кустанайского райкома партии ее создавали в течение нескольких лет московские мастера изобразительного искусства. Художники подолгу жили в хозяйствах, стремясь создать обобщенный образ героя-современника. Впервые картины экспонировались в Москве на выставке «Земля целинная», посвященной XXVI съезду

КПСС. Многие групповые портреты, такие, как «Наставник Шкильный И. А. с воспитанниками», «Трудовая династия Жараспаевых», «Подвиг Демеева»— посвящены конкретным людям, но и на других полотнах многие узнают себя, своих близких, товарищей по работе, как бы заново видят родные поля, рощи, поселки...

— Между прочим,— вспоминает Вера Васильевна,— художник в Америке, решивший посвятить свое творчество человеку труда, чаще всего обречен на безвестное прозябание. «Я нищая,— сказала мне художница из Чикаго,— потому что пишу рабочие лица...»

...«Зерна правды о Советской России»,— так назвала одна американская газета привезенную делегацией выставку «Советская женщина». Американцев интересовало все: как трудятся наши женщины, как одеваются, занимаются литературой, искусством. Часто задавали наивные вопросы, вроде: «Имеет ли право советская женщина сама воспитывать своих детей или вы сдаете их в ваши детские учреждения?..» Очень мало кто знает о подвиге советского народа в Великую Отечественную войну. Недоверчиво слушали, что наша страна потеряла двадцать миллионов человек.

«...С огромным удовольствием, тепло и сердечно приветствуем В. В. Сидорову, первого секретаря райкома партии Казахстана, посетившую штат Оклахома США с целью культурного обмена, улучшения отношений между людьми двух великих наций. Этот документ удостоверяет достойную ноту ее визита. Желаем ей дальнейших успехов в нашей стране.

Сенат штата Оклахома, 24 апреля 1979 года».

Эту верительную грамоту вручил Вере Васильевне, как и другим ее спутницам, вице-губернатор Оклахомы.

— Да, мы имели возможность убедиться,— говорит Вера Васильевна,— что многие американцы, несмотря на антисоветскую, антикоммунистическую истерию, хотят мира с нами. Во имя будущего наших детей, во имя жизни на земле мы должны бороться за укрепление взаимопонимания и дружбы... Ну, а пока я рассматриваю теплые встречи в Америке как свидетельство проницаемости времени, помните нашу с вами «теорию»?

«Проницаемость времени»... Однажды я рассказала ей где-то вычитанную фантастическую гипотезу о том, что время имеет физическую природу, что оно проницаемо, и нас постоянно пронизывают токи из прошлого

и будущего... Вера Васильевна, слушавшая меня с улыбкой, вдруг посерьезнела:

— Не знаю, как в смысле физики, а если задуматься, то проницаемость времени все-таки существует. Разве не ощущаем мы постоянно будущее, как солнце на заре — оно за горизонтом, а лучи его уже с нами...

В сентябре 1983 года я снова побывала в Кустанайском районе. Самолет вынырнул из туч почти у самой земли, и первое, что бросилось в глаза — нескончаемые ленты хлебных валков, мокнущих под дождем.

— Тревожное у нас положение,—поделилась Вера Васильевна.— Льет вторую неделю без передышки, а синоптики обещали на это время «ясно». Вот мы и форсировали жатву — уложили хлеб в валки...

... Стоят комбайны, понуро, как кони под дождем. А по скошенной пшенице беспощадно хлещут косые струи. Сжимается, цепенеет сердце хлебороба. Но вот перед закатом проглядывает в тяжелых тучах чистое озерко. Скользят по земле отсветы заходящего солнца, золотя набухшие валки. А люди гадают по закату: какой день выдастся завтра?

— Съездите в «Московский»,— посоветовала мне Вера Васильевна.— Там кое-что придумали для быстрейшей просушки валков.

Да, где решается судьба хлеба, там не щадят ни сил, ни времени. В кратчайший срок переоборудовали совхозные рационализаторы химические опрыскиватели растений в своеобразные «ворошители». С секретарем парткома совхоза «Московский» Виктором Валентиновичем Шейдером мы прошли полем, где поработал такой агрегат. Свежий ветер свободно продувал поднятые дыбом колосья.

— Представьте, сколько потребовалось бы людей с вилами,— говорил Виктор Валентинович.— А здесь — один тракторист на все поле.

Рация, установленная в машине парторга, доносила голоса напряженного ритма страды: наконец-то выдался погожий денек, и теперь все было приведено в движение.

«Московский»— элито-семеноводческое хозяйство — работает рентабельно, ежегодно получая солидные прибыли. Урожайность на полях хозяйства постоянно растет.

Когда мы приехали в четвертую бригаду, подошло время обеда. На краю поля остановилась походная столовая. Обычный автофургон, каких много колесит по полям в дни жатвы. Но едва затих мотор, на выдвинутом шесте взлетел ввысь флаг Трудовой славы, а на одной из стенок фургона широко распахнулись створки-щиты, открывая для подошедших комбайнеров «Экран социалистического соревнования»— данные по району и по хозяйству: сколько хлеба убрано и обмолочено за последние сутки, тут же «молния» — теплые поздравления правофланговым коллективам, героям жатвы-83. Не обошлось и без «Колючки», не дающей спуску лодырям, рвачам, бракоделам. Была здесь и международная информация. Такие передвижные агитпункты действуют в районе повсеместно.

Флаг Трудовой славы в тот день был поднят в честь безнарядного звена, которое возглавляет молодой коммунист кавалер ордена «Знак Почета» Владимир Михайлович Шамшин. Звено выполнило план пятидневки на сто двадцать процентов и продолжало идти вперед в соревновании, но сам звеньевой, которого мы встретили у Экрана соревнования, был не очень-то доволен состоянием дел. Разговор у него с парторгом, прямо скажем, был нелегким.

— Разве это дело,— горячился Владимир,— отрывать технику, людей на работы, не предусмотренные договором звена с хозяйством. У нас своих работ по горло: обмолот, вывозка зерна, подъем зяби — и вот отдавай пару тракторов с прицепными тележками кукурузоводам...

Виктор Валентинович терпеливо, не возражая, выслушал звеньевого.

— Знаешь, Володя, тебе обязательно нужно выступить на отчетно-выборном партийном собрании...

— И выступлю,— снова загорячился Шамшин.— Да толку что... Явно, заработок у нас упадет нынче... Нет уж, последний год я по безнарядке...

— Давай разберемся, Володя... Качество работ у вас улучшилось при новой организации? Себестоимость центнера зерна с гектара самая низкая в хозяйстве?..

— Это уж факт... В прошлом году была всего 3 рубля 60 копеек.

— Урожай, несмотря на засуху, ваше звено берет нынче не плохой?

— Пятнадцать центнеров с гектара...

— Следовательно, выгода очевидная?

— Для хозяйства... А для нас... Мы все заранее рассчитали, и тут палки в колеса...

— А погодные условия вы приняли во внимание? Предвидели, что хлеб раньше обычного подойдет, а тут дожди зарядят, вот все работы и скопятся одновременно, в том числе и уборка кукурузы на силос?

— Но кукуруза же не наша!— продолжал упорствовать Шамшин.

Да, ситуация не из легких. При безнарядной системе, основанной на высокой сознательности членов коллектива, не получился бы крен в сторону: «Наше поле с краю — больше ничего не знаем»... И как максимальней совместить выгоду таких вот звеньев, которых в совхозе уже десять, с общими интересами хозяйства?

— Знаешь, Володя, кое в чем ты прав. Но на собрании надо выступить не с голословными заявлениями, а с конкретными фактами, конструктивными предложениями. Видимо, настало время создавать нам бригады на коллективном подряде... Рациональней можно будет распределять силы и технику, повысится общая заинтересованность в конечном результате. Ты поговори с ребятами, как они на это смотрят. И обязательно готовься к собранию. Договорились?

В заключение разговора Владимир обратился к парторгу с просьбой:

— Тут, Виктор Валентинович, такое недоразумение... Шофер, к нам прикомандированный, в «Колючку» попал. Народный контроль его на клетке спящим застал в кабине, ну и... Начальнику автоколонны сообщили, теперь его от нас отзывают. А парень работящий, сам испереживался, что такое с ним случилось.

Провинившийся водитель тут же, поодаль, прислушивался к разговору.

— Толя, иди сюда,— подозвал звеньевой.

Побеседовав с Анатолием, парторг пообещал походатайствовать за него, а когда парни ушли обедать, сказал мне:

— Вот она — сила безнарядки. Даже временно стал человек членом коллектива, а его уж успели разглядеть, оценить и при надобности поддержать... А вы обратили внимание, ни один из членов звена больше не подошел, хотя все очень заинтересованно следили за беседой. Будь здесь обыкновенное, не безнарядное звено — сейчас бы каждый со своей претензией, а так они полно-

стью своему лидеру доверяют. Если при старой организации труда некоторые работники воспринимают элементарные требования соблюдать нормы трудовой дисциплины чуть ли не как покушение на их права, если не перевелись у нас «скоростники», умеющие лишь гектары «накручивать», то в таких вот безнарядных коллективах дисциплина и борьба за качество — жизненно важные условия. Ну, а то, что Володя так горячо говорил о неурядицах — так это же здорово. Равнодушие делу никогда не способствовало.

— Да, Шейдер прав,— сказала Вера Васильевна, выслушав вечером мой рассказ.— Самые опасные наши враги — это равнодушие, стремление жить «по инструкции». После июньского Пленума я как-то по-новому взглянула на всю свою работу. Деловой, творческий стиль — он же так просто ни одному руководителю не дается, ему учиться всю жизнь надо. Самое главное — чтоб не захлестывали очередные «кампании», шумиха; спасение от этого — постоянно вести свою линию, не размениваться на частности, помня о целом, от жизни идти, а не от буквы.

Утром солнце всходило ясное, но когда мы выехали в одно из хозяйств, наползла туча, и на ветровое стекло брызнули крупные капли... Я взглянула на Веру Васильевну: потемнев лицом, она закусила губу, как от резкой боли. Но это были мгновения. Выйдя из машины, она уже снова улыбалась встречавшим ее людям.

План сдачи хлеба государству Кустанайской район выполнил в 1983 году одним из первых в области. А совсем недавно в «Последних известиях» из Москвы я услышала: «Говорит член Комитета советских женщин, Герой Социалистического Труда Вера Васильевна Сидорова...»

Проницаемость времени, проницаемость пространства... Не ведая заслонов и границ, несли над планетой радиоволны мягкий женский голос: «Мы не хотим войны. Мы хотим спокойно растить детей, строить наше будущее...»

ЗАЗЕМЛЕНИЕ

I

Дорога знакомая. Благодатным летом 1973-го ехала я по ней на Рождественскую подстанцию к мастеру Василию Дмитриевичу Гаюку. Все вокруг искрилось свежей зеленью, после щедрых дождей хлеба подрастали на глазах, дичь буквально кишела на озерах, оставшихся после весеннего разлива, и над всем этим великолепием, словно туго натянутые солнечные лучи, гудели провода высоковольтных линий. Не то, совсем не то ныне. Молчит, тяжело дышит запаленная степь, томится без влаги низкорослая пшеница. Лишь высоковольтные мачты по-прежнему широко шагают вдоль дороги, и там, вдали, как бы отрываясь от земли, парят в зыбком мареве...

Все началось с того, что в 1969 году, в канун столетия со дня рождения В. И. Ленина, я получила от журнала «Простор» задание — рассказать, как претворяются в жизнь заветы вождя по электрификации. Отправляясь в командировку, не предвидела, что «заболею» этой темой надолго.

— Северный Казахстан,— говорил мне тогда управляющий системой «Целинэнерго» заслуженный энергетик Казахской ССР Вениамин Моисеевич Левин,— это гигантское государственное предприятие, и электрифицировать его необходимо самым современным, самым экономичным путем. Подключение к государственной сети несет в этот край коренные преобразования. Меняется характер труда, растет его производительность, преображается быт. Первый этап — охват хозяйств централизованным энергоснабжением — уже пройден. Предстоит второй этап — борьба за производительное использование государственной электроэнергии в сельском хозяйстве.

Как-то в одном из своих первых очерков об электрификации целины я сравнила гудящие в вышине провода с нитями сказочного клубка, что указывает путь к не-

обыкновенным, чудесным свершениям. Но рано или поздно обыкновенное становится привычным; так произошло и с электричеством на селе, и первоначальные восторги должны были уступить место серьезным раздумьям и заботам.

Тогда, в 1973 году, с Гаюком меня познакомил Владимир Лукич Рамазан, бывший в то время заместителем управляющего «Целинэнерго», но еще до того я часто слышала фамилию Гаюка и от Владимира Лукича, и от управляющего энергосистемой Вениамина Моисеевича Левина.

«Предохранитель перегорел — ждут Гаюка!» (это о хозяйствах, где нет квалифицированных электриков). «Боятся линию отключить для ремонта, а случится авария — кто в ответе? Гаюк!»

Что же это за вездесущий Гаюк? Потом-то я поняла, что здесь тот случай, когда фамилия абстрагировалась от своего владельца: говорят Гаюк — а имеют в виду вообще мастера участка, человека, ответственного на селе за электричество.

Обычно, когда мы бывали в совхозе, после осмотра токов и ферм Владимир Лукич говорил шоферу:

— Теперь заедем на подстанцию.

Где-то, чуть в стороне от поселка, стоит небольшой дом; за проволочной оградой-сеткой гудит трансформатор. Сюда и подходят опоры высоковольтной линии государственной энергосистемы, а отсюда уже идут фидеры, провода, по которым трансформированный ток течет к поселку, к фермам, токам, машинно-тракторным мастерским и прочим объектам, нуждающимся в электроэнергии.

«На подстанции все в порядке. Потребители питанием обеспечены»,— рапортовал мастер подстанции Рамазану.

Возле трансформаторов меня охватывало чувство робости, оставшееся, наверное, с детства от электрических столбов с нарисованным черепом и надписью: «Не влезай — убьет!» и уважения перед этой гудящей махиной, сосредоточившей в себе такую мощную энергию.

Мастер открывал дверцы железных ящиков: «Вот здесь у нас Михайловский, здесь Ижевский...» Счетчики вращались, как у нас дома, на лестнице, только были они особые, трехфазные, и «намотанные» ими киловатт-часы исчислялись сотнями тысяч, а то и миллионами.

Мастер постоянно живет на подстанции. Во дворе

хозяйство: корова, куры. На поляне играют ребятишки. Мастер несет ответственность за каждую «кэтэпушку», так называют электрики комплектные трансформаторные подстанции, стоящие возле различных объектов в совхозе.

Время, когда в селе обходились без электроэнергии, даже без электрического света, сейчас трудно представить. Попробуйте отключить энергию хоть на час и посмотрите, что будет!

— Для нас отключение смерти подобно,— говорил мне главный инженер Ижевской птицефабрики Василий Федорович Третьяков.— Представляете — четыреста тысяч яиц заложены в инкубаторы. Отключите-ка на час, другой — вот вам и гибель почти полумиллиона цыплят.

— А попробуйте оставить хозяйство без энергии на уборке,— это уже Владимир Лукич.— Отключится ток, предположим, на пять минут, а работа встанет на два часа: нории забьются зерном, очищать их придется вручную. Во время посевной отключение — тоже настоящее ЧП: остановится заправка машин, доводка семян до кондиции, а при нынешних оптимальных сроках сева, когда вся посевная проходит за пять-семь дней,— знаете, что это такое? Да директор совхоза до райкома, а то и до обкома дойдет, случись такое ЧП, и прав будет.

Мастер подстанции всегда должен быть начеку: и в летние ураганные дни, когда перехлестываются провода и зловещие голубоватые вспышки коротких замыканий сыплют искры на зреющие хлеба, и в грозовые ночи, когда яростные степные молнии так и норовят ударить в деревянные опоры — мы видели по дороге такие расщепленные обугленные столбы — так и кажется, что электричество дикое мстит электричеству прирученному, работающему на человека; грозы создают такое чудовищное напряжение, что даже предохранители на трансформаторах не выдерживают. И в зимние бураны, когда отягощенные изморозью и гололедом, неистово пляшут и обрываются провода,— мастеру тоже нет передышки. Трансформатор заносит снегом, бывает, до самых порталов, и пусть буран еще продолжается, мастер выходит откапывать оборудование — чего доброго, ударит оттепель, оборудование переувлажнится и выйдет из строя... А выдастся время потеплей, посуше — мастер снова хлопочет: паяет, чистит, красит. На квартиру у него выведена сигнализация: в любое время дня и ночи по первой тревоге выезжает на линию.

Ко всему добавляются трудности другого порядка: обычно подстанции расположены на отшибе — ребятишкам приходится за три километра бегать в школу; с водой затруднение — не всякое совхозное начальство соглашается тянуть водопроводную нитку из-за одной семьи, а подвозят тоже нерегулярно; не всегда допросишься сена для коровы, мастер зачастую считается в хозяйстве посторонним человеком, хотя, действительно, случись где что на току или на ферме — к кому бегут? К Гаюку!

Впрочем, когда я познакомилась именно с Гаюком, мои представления, сложившиеся о работе мастера подстанции высоковольтных электросетей, несколько изменились.

Рождественская подстанция, как и все другие, находилась на краю села. Только вместо одного дома здесь во дворе было пять, и еще один — недостроенный. Двор большой, зеленый, усаженный деревьями. По кудрявой гусиной траве навстречу нам, улыбаясь, шла женщина. От ее полноватой фигуры веяло домашним спокойствием и уютом: казалось, что она только оторвалась от плиты со шкворчащими пирожками. Но она шла от гудящих трансформаторов и, подойдя к Рамазану, с той же доброй улыбкой отрапортовала: «На подстанции все в порядке. Потребители питанием обеспечены. Жалоб нет. Дежурная Гаюк».

— Здравствуйте, Анна Филипповна,— поздоровался с нею Владимир Лукич.— А сам Василий Дмитриевич?

— В Целинограде, у них лекции перед сессией. Так что я за него...

— Ну, тогда вам и рассказывать,— засмеялся Владимир Лукич.— Для начала о себе, потом о муже...

— Да что же я расскажу?— всполошилась Анна Филипповна и даже руками замахала. Но когда мы вошли в дом, все же разговорилась.

— О себе? Ну... что вам сказать? Родилась в тридцать третьем году, в Северо-Казахстанской области, в Булаевском районе. Родители в колхозе работали, а я хотела стать учительницей. Кончила среднюю школу, в институт не удалось... Пошла работать в начальные классы, не хватало тогда учителей. А вскоре познакомилась с Гаюком. Он из флота демобилизовался. В Ленинграде служил, в Таллине, по Северному морю ходил. Освоил во флоте электродело. Вернулся домой — стал электриком в колхозе «Искра». Василий там много сде-

лал; в других хозяйствах еще ничего не было, а в «Искре» он кузницу электрифицировал, пилораму, мельницу, маслозавод. На фермы, правда, свет только провел, и то было достижение при движке. В 1956 году мы с ним поженились. Вскоре началась электрификация области по-настоящему, от государственной энергосистемы. Василий стал работать на строительстве, бригадиром электромонтеров. Булаевскую, Васильевскую подстанции — это его бригада монтировала. После того как смонтировали Васильевскую подстанцию, он там остался работать. Все твердил: «Учиться хочу». У него же только восемь классов было.— Ну что ж, говорю, поступай в вечернюю. В шестьдесят четвертом одиннадцатилетку закончил — теперь куда? Посоветовали перебраться поближе к Целинограду, там, говорят, институты, всякие техникумы. Вот так мы и оказались в Рождественке.

— А сами-то вы, Анна Филипповна?

— Ну, что я? Освоила за это время специальность электромонтера, нас обоих и назначили дежурными на Рождественскую. Приехали — а тут степь голая, ни деревца, ни кустика. Дом — только счет один — стены да потолок. В общем, люди уже десять лет целины отмечали, а у нас целина только по-настоящему началась. Дом строить, изгородь ставить, оборудование налаживать, хоть какие-то деревья на первое время посадить. Где там было поступать учиться — суток не хватало. А как задули бураны — каждую ночь аварии. Там изолятор лопнул, там провода оборвало. Ночь-полночь, сигнализация сработала, значит, вставай на линию. Снегу по пояс, не проберешься на машине, да и попробуй завести ее ночью без теплого гаража — идем в совхоз — трактор просить... Катюша, дочка, хнычет: «Опять меня бросаете...» А что делать...

Беседа наша продолжалась. Анна Филипповна говорила, что теперь значительно легче: и оборудование хорошее, и теплый гараж, и трактор свой у бригады. Да, у них теперь бригада, мастерский участок. Вот в этих домиках живут монтеры с семьями. Сад фруктовый, яблоки «белый налив», ягодники — Василий Дмитриевич сам увлекается и всех в бригаде заразил. С целиноградским «Зеленстроем» связь держат и вообще, откуда могут, достают саженцы. Василий Дмитриевич рыбалку любит, здесь Нура близко. Вот канал сейчас Нура-Ишим ведут, а в Нуру будут подкачивать воду из канала Иртыш-Караганда, так что воды в Нуре прибавится

и рыбы, наверное, больше будет. Ну, и, конечно, хозяйство: корова, птица. Без этого в деревне трудно.

Уезжая из Рождественки, я подумала, что если и не удастся встретиться с Василием Дмитриевичем, то я все равно уже его знаю — так подробно рассказывала о нем Анна Филипповна.

Но после встречи с самим Гаюком мое представление о нем не то чтобы изменилось — стало ярче, полнее, что ли.

Признаться, я представляла его не таким — более высоким, более широкоплечим, черноволосым и — почему-то — с громовым голосом. А у Василия Дмитриевича голос не громкий, волосы светлые, вьющиеся. И росту он невысокого, но рукопожатие крепкое, уверенное.

— Трудности?— переспросил он, когда я заговорила о работе мастера участка.— Надо же разобраться сначала, где трудности, как бы поточнее сказать, ну, исходят из необходимости, а где от нашей поспешности, необдуманности, стародавнего «авось». Почему нужно было брести в снегу по пояс? Потому что линии ставили в стороне от дороги: и лишние гектары пашни отняли у хозяйств, и затруднили ремонт. Провода обрывались потому, что тянули их без учета местных условий, нагрузки на провода: изморозь, гололед — превышали расчетные. Стоит натянуть провода должного сечения, сделать все по правилам — они не рвутся, представьте. Не тем важна работа мастера, чтобы по ночным сигналам вскакивать мгновенно и спешить на аварию, главное — добиться, чтобы этих аварий не было — повысить надежность линии, оборудования...

— А вот и Рождественка,— прервал мои воспоминания мой спутник, директор целиноградских электросетей Виктор Федорович Гнеушев.— Узнаете?

Село трудно узнать. За девять лет оно основательно разрослось, появились вокруг корпуса новых предприятий, и электрическая подстанция, бывшая несколько на отшибе, сейчас окружена другими строениями. Впрочем, теперь это не подстанция, а предприятие Целиноградского сетевого района, обслуживающего одиннадцать крупных хозяйств. И счет потребляемой ими энергии идет на многие миллионы киловатт-часов. Там, где в 1965 году стоял маломощный трансформатор да домик, в котором жила семья первопроходца электрической целины мастера Гаюка, теперь большую площадь занимает сложней-

шее оборудование, машинный двор, учебный полигон для подготовки электромонтеров. Тут же — ряд домов с приусадебными участками, где живут работники предприятия.

— А где же Василий Дмитриевич?— спрашиваю начальника сетевого района Владимира Георгиевича Граслинга.

— По-прежнему старший мастер. Орденом Трудового Красного Знамени его наградили — слыхали? Сейчас вот только на бюллетене, приболел немного... Но они с Анной Филипповной знают о вашем приезде, ждут вас.

После осмотра предприятия идем к Гаюкам. Девять лет... Много воды утекло, и, наверно, электричества тоже?..

— Да когда с толком, то ладно, течь ему положено,— отшучивается Василий Дмитриевич.— А вот если без толку...

— А что? И так бывает?

— Всяко бывает... Ну да побеседуем.

Комната, в которой мы сидим, просторная, с высоким потолком, мебелью не загромождена. Дом на две семьи — видать, не так давно построенный.

— У этого дома своя история,— говорит Василий Дмитриевич.— Под штукатуркой-то знаете что? Кедровые бревна. Какой-то купец в Акмолинске еще до революции его построил, потом филиал швейной фабрики имени Маншук Маметовой в нем располагался, может, помните, на Октябрьской, а как наметили его к сносу, нам и предложили забрать: лес такой, что еще сто лет простоит. Приехал я, а сруб уже раскатывать собираются. Стоп, ребята! Надо пронумеровать, схему составить. Привезли бревна — не в грязь же бросать, осень как раз была. Снова собрали сруб, поставили до весны на свободной поляне. Тут директор здешнего совхоза Григорий Антонович подъезжает и с места в карьер: «Кто вам разрешил здесь строить?»—«Да временно, говорим, все равно поляна пустует, до весны, а там перенесем». Кое-как утрясли. Ну, а с полигоном до скандала дошло. Электриков готовить надо, а где? Пустырь, а не занимайте — и все. Вы здесь не хозяева.

Не хозяева? Кто же? Гости? Постояльцы? Уже не одно поколение электриков вырастил здесь Василий Дмитриевич.

Семья Гаюков, в числе тысяч других, может быть, нигде не названных, не упомянутых замечательных мас-

теров, совершала великое дело. За какое-то десятилетие были подключены к государственной энергосистеме все целинные хозяйства. В совхозах не хватало электриков — это они, сетевики, в порядке шефской помощи электрифицировали фермы и зернотока, тянули провода к бригадным станам, всеми силами повышая надежность линий, в бураны, в гололед, скудными техническими средствами обеспечивая бесперебойное снабжение хозяйств электроэнергией...

— Ну, он отходчивый — Григорий Антонович,— продолжал Василий Дмитриевич.— И насчет полигона договорились. Для дела ведь нужно. А его тоже можно понять. С каждым годом все больше предприятий в Рождественке, уже ни земли, ни людей не хватает. Кстати, и в нашей отрасли новая организация объявилась — «Сельхозэнерго». Слышали?

Да, мне известно уже, что теперь на селе наряду с предприятиями электрических сетей, подчиняющихся Министерству энергетики, действуют предприятия «Сельхозэнерго», и задача их — обеспечивать бесперебойную работу совхозных электромеханизмов.

— Сетевикам-то, наверное, теперь полегче, Василий Дмитриевич? Спрос только за линии да подстанции?

— Нам работы всегда хватает. Хозяйства во вкус вошли — все новых мощностей требуют. Жаль только, что не всегда рационально энергия расходуется.

Слово за слово, и вот уже старый мастер выкладывает давно наболевшее. Куда годится — температура в теплицах выше тридцати градусов, можно бы и отключить котлы, а они шпарят... Автоматики нет, никто этим не занимается.

— Как-то заехал в учебное хозяйство сельхозинститута — сидит сторож, котел возле него на десять киловатт кипит, а рядом еще печка — «козел». Да при таком хозяйничаньи ни Экибастуза, ни Братска не хватит... Смело можно сказать, что тридцать процентов энергии в наших хозяйствах выбрасывают на ветер. Привыкли к тому, что дешевой энергии залейся, уже ни об угле, ни о газе не беспокоятся. Вот будете в хозяйствах — сами понаблюдайте. Да, если к Григорию Антоновичу заедете, поинтересуйтесь, когда же они наши подстанции задействуют. По заявке совхоза поставили мы на берегу Нуры для полива три КТП, и вот уже третий год они без дела, хотя трансформаторов в других местах позарез не хватает.

На прощанье Василий Дмитриевич дарит мне гладиолусы, сорванные в палисаднике. Мне жаль цветов: жара под сорок, боюсь — не довезу.

— Ничего, они у нас выносливые.

Цветы действительно выдержали всю знойную пыльную поездку и еще несколько дней стояли в номере гостиницы Целинэнерго, напоминая о гостеприимном доме Гаюков.

II

Григорий Антонович Агафонов, директор совхоза «Октябрь», выглядел устало. На гражданском сходе пришлось убеждать владельцев частного скота не сдавать коров на мясокомбинат — как-нибудь продержаться эту трудную зиму.

— Конечно, с кормами будет непросто,— говорил директор,— но все овражки, все канавы надо выкосить, коса не возьмет — серпом. Комбайны так на жатву оборудуем, чтоб ни крошки половы не пропало. Ну, и соседи выручат, не везде же такая засуха — в Кустанайской области неплохой урожай, на Кокчетавщине, да и у нас в северных районах полегче. Надо нам и общественный, и частный скот уберечь, как-нибудь уж давайте, общими силами...

Вот, еще не отойдя душой от этого трудного разговора с людьми, и встретил нас Григорий Антонович.

— КТП... Да, просили побыстрей их установить. Без полива — какие корма? Установили. Но вот неувязка получилась: четыре года совхоз выбивает у «Сельхозтехники» электронасосы, и все без толку.

— Мы же сами заинтересованы, чтобы дизели оттуда снять,— продолжал директор.— Горюче-смазочные материалы как в прорву летят. Ну, а насчет наших отношений с электриками — всяко бывает, но, в основном, дружба у нас давняя, стараемся помогать друг другу, верно, Владимир Георгиевич? Только если бы вы еще людей у нас не перетягивали...

— Да откуда же нам их брать, Григорий Антонович?— как бы оправдывался Граслинг.— Ну, пришли к нам несколько молодых монтеров, линии-то надо обслуживать, вы первый забьете тревогу, если какое отключение...

— Вы-то еще ладно,— и тут, видно, у Григория Антоновича прорывается накипевшее.— Автобаза, Хлебо-

приемный пункт. Пищекомбинат. РСУ. И так далее, и так далее... Четырнадцать организаций на одно село. Чуть ли не поровну распределяется народ — на совхоз и на эти организации, но боюсь, что скоро перевес уже не в нашу пользу получится. Уходят от нас хорошие водители, механизаторы. Работу меняет, а квартиру не думает освободить. Придет в кабинет, глаза прячет — заявление на стол: «Я к вам со всем уважением, Григорий Антоныч, но там и зарплата выше, и два выходных в неделю...» А иному так и показаться стыдно или ниже своего достоинства считает справедливые слова выслушать: взяли моду почтой заявления отправлять, высчитают, как письмо дойдет — будет зарегистрировано, и через две недели являются за расчетом. Чем квалифицированней работник, тем настойчивей его от нас переманивают, всякие блага сулят. Теряем хороших слесарей, сантехников, связистов — нами воспитаны, нами выращены. Триста человек одна автобаза увела. Песчаный карьер открыли... После школы отправляем ребят на курсы шоферов — думаете, к нам возвращаются? Нет, песок возить выгодней, там заработки ого-го какие. Женщины, девчата — выбирают тоже, куда выгодней пойти — дояркой, овощеводом или на пищекомбинат колбасу делать: там и заработок, и премии, и времени больше свободного.

— Но почему же все именно у вас, в Рождественке, эти предприятия?— спрашиваю я.

— Каждое по своим причинам. Наше производство тут в расчет не берется. Все свой интерес блюдут. Песчаный карьер можно бы и в другом месте открыть, так ведь к городу близко. Облпотребсоюзу и пищекомбинату тоже удобно: тут же на месте закупают скот и тут же его перерабатывают. Вот сейчас у нас беда — скот кормить нечем, а им план выполнять проще: уже сто двадцать коров жители села на убой отвели... Ну, это частность, а вот основная тенденция очень тревожная: работать на земле становится некому. А что касается электриков, повторяю, тут у меня особых претензий нет.

— Все-таки насчет КТП, Григорий Антонович,— напоминает, прощаясь Владимир Георгиевич.— Решайте как-то с электронасосами, ведь еще год-другой — и эти подстанции и линии капитального ремонта потребуют, а от них еще отдачи ни копейки.

— Хорошо, хорошо, постараемся...

Зной стоит такой, что кажется, вот-вот расплавится

наша «Волга» и останется от нее на дороге лужица жидкого металла. Сворачиваем с грейдера и едем по бездорожью, по испепеленным травам к Нуре. В степи лишь кустики солодки зеленеют да желтеют бархатные зонтики пижмы. Объезжаем кукурузное поле. Чахлые листья свернулись в трубку.

— Еще день-два дождя не будет — считай, пропало поле,— вздыхает Василий Федорович. Выросший на Алтае в крестьянской семье, он близко к сердцу принимает крестьянские заботы. С 1964 года занимается электрификацией целины, изъездил степь вдоль и поперек, бывая в самых отдаленных уголках, наблюдал, как меняется с приходом электричества жизнь.

— Ну вот хотя бы в Тенгизском районе. Живет на отгоне всего одна семья, а свет у нее есть, холодильник работает, телевизор смотрят. Помню, подключаем линию — аксакал говорит: «Какое время пришло — раньше мы в Акмолинск за спичками по месяцу ездили, а сейчас оттуда свет за один миг к нам добегает...» Более шести миллионов затратили мы на электрификацию этого района. И опять-таки, уже и там наблюдается небрежение к электричеству. Расчету у нас как-то не хватает. Тянули к зимовкам линии, установили КТП — а вскоре многие зимовки раз и ликвидировали. Неужели раньше нельзя было предусмотреть? Около 30 линий, каждая обошлась в 70 тысяч рублей, да еще столько трансформаторов по степи наставили, вот такие же памятники бесхозяйственности,— он указывает на внушительную железную будку, к которой мы подъезжаем.

«Под напряжением. Опасно для жизни»,— предупреждает надпись. Увы, какое тут напряжение... Висят неподключенные провода. Двери, покрытые ржавчиной, намертво заварены газосваркой.

— А то быстро найдутся охотники раскурочить,— поясняет Владимир Георгиевич.— Так и стоит без дела, а ведь на целый поселок такой мощности хватило бы. Всего же по хозяйствам нашего сетевого района свыше двадцати таких бездействующих подстанций.

Мне вспоминается рассказ Гаюка о первом трансформаторе возле поселка: подключили дома, фермы, электрифицировали зерноток. На вес золота был тот трансформатор.

Из Нуры качают воду дизельным насосом, среди зеленой ряски растекаются масляные пятна. Возле поселка встречается стадо гусей. У его важного предводите-

ля — лоскут на ноге: не потеряется, потому что есть у него хозяева. А вот разбросаны по степи десятки, сотни тысяч рублей в виде бездействующих линий и подстанций, разукомплектовывается, растаскивается ценнейшее оборудование, а те, кто требовал его установки, только руками разводят: дескать, оно им пока что (или уже) без надобности...

— И ведь никто не несет за это ни материальной, ни моральной ответственности,— говорит Василий Федорович.— Как-то укоренилось мнение, что государственное электричество — вроде воды в реке: надо — зачерпнул полной мерой, не надо — теки себе, как хочешь... И правовые наши установки пока еще слишком расплывчаты. Я вот вам историю, пока едем в Астраханку, расскажу. Помните чеховского «Злоумышленника»?

Право, если бы я сама потом не ознакомилась с перепиской между начальником Астраханского РСЭ А. А. Каппом и прокурором Астраханского района — младшим советником юстиции К. Искаковым, вся эта история мне показалась бы невероятной, там более, что главный герой ее директор совхоза «Астраханский» В. А. Зинченко до назначения на этот пост ведал энергетической службой района. История такова. Совхоз попросил сетевиков протянуть линию к бригадному стану. Просьба была выполнена. Как известно, все линии, будь они и на территории совхоза, продолжают оставаться на балансе управления «Целинэнерго». Зимой бригадный стан обесточен. И тут уважаемый директор совхоза решает, что шестьдесят четыре бетонных опоры этой линии можно использовать по другому назначению, а именно — огородить выгульную площадку для скота. Дается указание рабочим, и бетонные опоры падают наземь, как спички. Чем кончилось дело? Вызванный в прокуратуру директор обязался возместить убытки, разумеется, возместил он их не из своего кармана. А электрикам было предложено, если будут еще такие случаи, обращаться не в прокуратуру, а в арбитраж, потому что именно там решаются споры между государственными организациями.

Представляю, каково приходится арбитражу! Пусть простят мне это сравнение, но современное село все больше напоминает уходящую в прошлое городскую коммунальную квартиру, где каждая хозяйка на кухне стремилась отхватить побольше места для своих кастрюль.

В Астраханке в кабинете директора совхоза «Образцовый» Егора Николаевича Наприенко у нас состоялось как бы продолжение разговора, начатого с Г. А. Агафоновым. Кстати, отношения хозяйства с электриками-сетевиками Егор Николаевич оценил с не совсем обычной точки зрения.

— Нам землю народ доверил, им — электричество. И то и другое требует строжайшей дисциплины и ответственности. Я бы сказал, взаимоотношения честные, бескорыстные. Провод на линии оборвался, трансформатор из строя вышел — отремонтируют и с нас ни копейки не возьмут: это их держава, их святое дело. Значит, они заинтересованы в том, чтобы все было прочно, надежно — какая им выгода от лишних ремонтов? Но вот, скажем, порвалась нитка водопровода, и облводхоз берет с нас за ремонт тысячу двести рублей. Дешевле, говорят, нельзя, мы на хозрасчете — рабочим нужна высокая зарплата и премиальные. Очень опасна эта диспропорция, когда хозяйство видит свою цель в том, чтобы побольше произвести хлеба, мяса, молока, а его так называемые «партнеры» в том, чтобы прибыли с него побольше получить.

Когда готовился проект Продовольственной программы СССР, Егора Николаевича в числе многих специалистов сельского хозяйства приглашали в Москву, чтобы выслушать его мнение по злободневным проблемам села.

«...Пропорциональное и сбалансированное развитие агропромышленного комплекса, совершенствование управления и экономического стимулирования во всех его отраслях с максимальной ориентацией производства на достижение высоких конечных результатов»— не случайно именно это направление поставлено на первое место в Программе.

Конечный результат нашего труда — всегда ли помним мы о нем, всегда ли правильно понимаем? И электрический ток, что бежит по проводам вдоль дороги — во что он в конце концов превратится? Ведь только в знойном воздушном преломлении могут показаться оторванными от земли ажурные электрические опоры. На земле они стоят, на этой раскаленной, в трещинах, земле, и слово «заземление», рожденное электрической терминологией, приобретает в наши дни особый смысл.

III

Ночью над Целиноградом, впервые за многие недели, разражается великолепная, с ливнем, гроза. Приехавший утром за мной Василий Федорович Гнеушев говорит, что и Рождественку захватило, кое-где даже провода оборвало, несколько трансформаторов выбило.

— Ну, это все уже устранили, а дождик добрый. Поздновато в конце июля, но что поделаешь — может, хоть травы немного подрастут, и кукурузе пойдет на пользу.

Девять лет назад вблизи Целинограда, за Ишимом, появился новый овощеводческий совхоз. 2200 гектаров поливных земель были отведены под картофель и овощи, предстояло также создать большое тепличное хозяйство.

«Десять гектаров земли будут буквально пронизаны токами,— восхищенно писала я тогда.— Теплицы монтируются по современным проектам, с электрообогревом почвы, с электродными котельными. Ныне эта огромная площадь, отведенная под теплицы, вся большая стройка: запах свежего дерева, блеск стекла, шуршание синтетической пленки...»

Правда, сопровождавший меня тогда Владимир Лукич Рамазан сразу внес отрезвляющее начало:

— Как у вас насчет кадров электриков?— поинтересовался он у директора совхоза Павла Матвеевича Горшкова.— Где собираетесь брать мастеров? Это же вам не огород тетки Горпины. Такие сложные системы... Надо все взвесить, рассчитать: электричество работы на глазок не любит.

Голос директора, рисовавшего радужные картины будущего, как-то сразу потускнел:

— Подберем кого-нибудь, пошлем на курсы...

И вот теперь, оказавшись снова в «Заречном», я испытываю такое чувство, словно молниеносно перенеслась в машине времени из праздничной бучи сотворения мира в его давно ставшее обыденным житье-бытье. Секретарь партбюро совхоза Валентина Терентьевна Крефенштейн и бригадир-овощевод Николай Григорьевич Фаустов делятся своими нелегкими заботами. Весна была сухая, ветреная, только высадили капусту — налетела черная буря — и все насмарку. Пришлось завозить рассаду самолетом из Омска, из Семипалатинска — сразу убыток в 600 тысяч рублей. Трудно с

рабочей силой на прополке. Правда, выручает лагерь труда и отдыха старшеклассников. Хорошо работают школьники, старательно. А что касается горожан из учреждений, то их в совхозе «табуреточной кавалерией» зовут: поработают час-два и на Ишим купаться, а справку требуют за полный день.

Механизации никакой. Где только ни выступал Николай Григорьевич — в области он человек уважаемый — кандидат в члены обкома партии, член райкома,—«непробиваемая эта проблема», как он выражается. Вот, пишут, что сто сорок килограммов овощей в год человеку надо, но почему-то овощи везде на заднем плане. Где машины для уборки свеклы, моркови, капусты? Где культиваторы для прорывки и прополки? Все вручную...

Не так давно совхоз перешел в ведение Министерства плодоовощного хозяйства. Стало легче с реализацией овощей — приемный пункт при совхозе работает. Но «нестандартные» овощи не берут, а своего цеха переработки нет. Что такое «нестандартные»? Ну, это, скажем, огурец умудрился вырасти больше 12 сантиметров в длину, или кочан капусты так налился, что треснул. Не принимают их, а куда девать? Был бы цех переработки, как, скажем, под Кустанаем в совхозе имени Мичурина, все в дело пошло бы. Вон, стоят на полках целиноградских магазинов банки с салатами, сделанными где-то за тридевять земель, а тут бы свое, свеженькое. Опять же хранилища при совхозе нет. Осенью сотни тонн овощей снимаются ежедневно, магазины не берут, забиты, а будь свое хранилище — горя не знали бы...

Интересуюсь насчет теплиц. По прогнозу девятилетней давности, город уже должен быть завален их продукцией. Но в овощном магазине возле гастронома «Колос» я видела только желтые огурцы и сухие «веники» укропа. Зато столы небольшого базарчика, расположенного неподалеку, буквально ломились от свежих и малосольных огурчиков, ярких пучков редиски, всякой зелени... Но какие цены.. И все равно берут горожане, витамины-то нужны. И правильно делает целиноградское руководство, не разгоняя торгующих, как бывало, а создавая им условия: столы из свежего дерева сколочены совсем недавно.

Так что же теплицы? Лица моих собеседников темнеют. Похвалиться нечем. Ежегодно тепличное хозяйство

приносит 200 тысяч рублей убытку. Электроэнергии — при плановых 10 миллионах киловатт-часов в год — расходуется 11 миллионов 300 тысяч.

По идее, из каждого огурца и помидора электрические искры должны сыпаться — столько в них всажено энергии, да и себестоимость вряд ли дешевле той цены, что запрашивают на частном базарчике, только государство берет на себя убытки.

— Не рассчитали в свое время,— говорит Николай Григорьевич.— Вот сейчас будем тепличный комплекс вблизи ТЭЦ строить, чтобы тепло пара использовать. Польстились на дешевое электричество, дескать, никаких хлопот, само будет землю греть, ан не вышло.

Идем с Валентиной Терентьевной в теплицы. Нас встречает молодая черноглазая женщина, явно чем-то расстроенная.

— Люба, Любовь Александровна Андреева, наш ученый агроном,— рекомендует парторг.

Милое лицо Любы заливается краской смущения.

— Ой, обо мне писать не надо.

По напряженности присутствующих тут нескольких работников чувствую: до нас был тяжелый разговор.

— Давно вы здесь работаете, Любовь Александровна?

Выясняется, что Люба работала на стройке теплиц электросварщицей — с Урала сюда приехала, после ПТУ. Строила и представляла, как здорово здесь будет, когда потянутся к солнцу плети огурцов, разрастутся томаты, загудят над золотистыми цветками пчелы... Заочно поступила в сельскохозяйственный институт, получила специальность ученого агронома, а теплицы все строились...

— Долго, слишком долго строились,— вставляет Борис Васильевич Литовко, помощник бригадира по учету.— А в итоге проект устарел, не соответствует современным требованиям. Механизации по возделыванию и уборке овощей никакой, склада для готовой продукции нет...

— А вентиляция яка... Парко, дыхаты нечем... Аж пятьдесят четыре градуса,— вставляет одна из работниц.

— Познакомьтесь. Это Елизавета Корниловна Фикс — пчелка наша неутомимая,— рекомендует парторг.— Безотказный человек.

— Да мы-то не отказуемся, а чи много заробляем?

Так вот в чем суть пререканий, происходивших перед нашим приходом. Работницам платят «с килограмма»,

а урожайность овощей низкая, вот и выходит, что до тарифной ставки их заработок не дотягивает. Поэтому Любовь Александровна посылает их по нарядам на разные дополнительные работы, скажем, землю пересевать для парников, а они возмущаются, утверждая, что не по их вине падает в теплицах урожайность.

— Мы же не винны, шо земля не грие, що рослина свиту не бачить,— доказывает Елизавета Корниловна.

— Свет плохо проникает в теплицы потому,— поясняет Борис Васильевич,— что пока строили, побили много стекол, вставляли нестандартные, тут же накрывали пленкой — и воздуха нет, и дополнительные лучи не проходят, а что касается обогрева земли электротоком, то проку мало: почва иссушается, а тепла все равно не хватает.

— Зимой круглые сутки гоняем девяносто электродных котлов. Почему все и дорого обходится, а поправить трудно, дешевле новые теплицы построить...

Между арочными корпусами горделиво кустится полынь. Хлопают на ветру обрывки посеревшей от времени пленки. «Это ж вам не огород тетки Горпины...»— вспоминаются мне оказавшиеся пророческими слова.

В докладе «Продовольственная программа — дело всенародное» на сессии Целиноградского областного совета народных депутатов председатель облисполкома А. К. Джулмухамедов сказал:

«...Если за 9 пятилетку хозяйства области получили более 41 миллиона рублей прибыли, то в 10-й, несмотря на значительный рост производства продукции, допущен убыток по хозяйствам, подчиненным областному управлению сельского хозяйства, 39 миллионов рублей... Если в 9-й пятилетке убыточно работали 66 хозяйств, то в 10-й их число увеличилось до 73, а в 1981 году убыток допустили 92 совхоза. Анализ причин убыточной деятельности хозяйств показывает, что они в основном складываются не только из-за плохих погодных условий, но главным образом из-за бесхозяйственности и расточительства».

Невольно вспоминается, что было на освоенной целине нечто подобное, когда убытки хозяйств катастрофически росли, и руководители их хватались за голову, ставя резолюции на заявлениях рабочих об увольнении.

Но ведь тогда были объяснимые причины: низкая культура земледелия, черные бури, сорняки, отсюда мизерные заработки, да и бытовые условия людей не устраивали.

Теперь-то совсем иное дело. Да, бывают неурожайные годы, но при современной культуре земледелия в хороший год недород наверстывается сторицей. Современное село по его облику, условиям жизни никак не сравнишь с селом начала шестидесятых годов. Добросовестный сельский труженик материально обеспечен не хуже, если не лучше, городского. Посмотрите, как одеваются на селе, как обставлены квартиры, загляните во двор, где рядом с хлевом для живности находится гараж для мотоцикла, «Жигулей», а то и «Волги»,— и у вас не останется в этом сомнений.

И еще: тогда, в конце пятидесятых — начале шестидесятых люди, взявшие расчет, уезжали, куда глаза глядят, а теперь остаются в той же самой благоустроенной квартире, что построил для них совхоз, но снимают с себя всю ответственность перед ним, отрешаются от земли, от скота, словом, от всего, что испокон веку привязывает к себе человека кровными нитями. И все-таки есть определенная закономерность в этих отдаленных друг от друга двадцатью годами процессах.

Что привело к критической ситуации вскоре после подъема целины? Массовая распашка без достаточного учета свойств и состояния почв... Тенденция вести новое, огромное государственное хозяйство, каким явилась освоенная целина, по шаблону, с применением к нему старых мерок, методов, выработанных в других местах... Неграмотные рекомендации, благодаря которым уничтожались многолетние травы, искоренялись пары... Да многое можно было перечислить, но суть одна: при огромном, головокружительном размахе содеянного пренебрегли **законами земли.** Лишь после того, как главная ошибка начала исправляться, хозяйства пошли в гору.

А что произошло в последние годы? Тот размах, с которым производится перевод животноводства и других отраслей сельского хозяйства на промышленную основу, можно сравнить лишь с размахом подъема целины. Так же вкладывались и вкладываются огромные государственные средства, круто меняются условия труда, но, к сожалению, на этот раз налицо пренебрежение элементарными условиями, необходимыми для использования той великой силы, которую вверило государство труженикам села.

У меня хранится копия красноречивой объяснительной записки бывшего начальника Атбасарского района электрических сетей секретарю райкома партии. Дело

происходило несколько лет назад, почти все участники событий успели сменить место работы, поэтому вряд ли имеет смысл называть их фамилии.

Итак, «Объяснительная записка по поводу срыва дойки на молочном комплексе совхоза имени Горького:

...29 декабря 1977 года я находился с годовым отчетом в Целинограде. Вернулся вечером 30 декабря, и, узнав утром 31-го, что на комплексе совхоза имени Горького накануне во время бурана была сорвана дойка, я сразу поехал в совхоз. По дороге завернул на Калиновскую подстанцию. Дежурный электромонтер доложил, что комплекс уже работает, была неполадка на самом комплексе — на вводе кабеля, но ее удалось устранить. Приехали вместе на комплекс — там дойка шла полным ходом, но управляющий находился в нервозном состоянии. Я сказал, что нужно составить объяснительную записку о причинах срыва дойки, он ответил: «Напишем, куда надо»,— и ушел, и больше я его не видел ни 31/XII, ни 1/I 1978 года. Между тем со стороны доярок раздавались неодобрительные реплики в наш адрес, что это мы, работники госсети, во всем виноваты. Но где же электрики совхоза, где энергетик, где главный инженер? Прошелся я по базам и нашел двух электриков, еле на ногах держатся. Один из них говорит: «Я бы рад делать пользу совхозу, да вот он (показал на другого) запрещает. Мы, говорит, на окладе, а если какой ремонт делать, пусть пишут наряды, и ничего не делай, пока нарядов не будет». В тринадцать часов (минут не помню) приехал директор совхоза, побеседовал со своими пьяными электриками и уехал, за ним уехали все его подчиненные, одни наши электрики остались на комплексе. В 15-00 нам дали возможность отключить линию, чтобы проверить ввод кабеля, питающего комплекс. В 16-30 я позвонил директору совхоза, который очень удивился, что я все еще нахожусь на комплексе, и попросил, чтобы директор прислал энергетика с проводами — бросить времянку, потому что кабель ненадежен. Энергетик приехал, но провода не привез, и мы в 17-00 уехали, надеясь, что, может быть, кабель выдержит вечернюю дойку. В 19-00 я вернулся в Атбасар. Но не успел поставить машину в гараж, как мне диспетчер сказала, что звонили из райкома: комплекс М. Горького без света, и дойка сорвана. На комплекс я приехал в 20-00, тут же подъехал главный энергетик совхоза, но провода опять не привез, и пришлось направлять его обратно за проводом. Только

в 23-00—31/XII-77 комплекс был включен. В момент включения, кроме ночного сторожа, энергетика и нас, троих представителей госэлектросети, на комплексе никого не было. На другой день 1/I-78 года я сам контролировал дойку. Доярки продолжали возмущаться, одна из них, с ее слов я понял, что она депутат райсовета, сказала: «Выходит, молоко нужно только нам, потому что мы с выработки, а остальные все на окладах». И ее возмущение справедливое, потому что до этого комплекса никому дела нет. Кто только ни приезжал, и только одни ругательства, а в корень заглянуть никто не хочет, и правду сказать нельзя. А молока-то нет, потому что хозяина нет. Почему бы не заставить электриков поочередно дежурить на утренней и вечерней дойке? Ведь сгорит несчастный предохранитель, и дойка сорвана, настроение испорчено от доярки до первого секретаря райкома. Скажу прямо, что молока с комплекса совхоза имени М. Горького не будет до тех пор, пока электрики не будут рядом с доярками, и в трезвом виде. Комплекс имеет надежное электроснабжение, и только халатное отношение руководителей совхоза привело к панике, к ущербу в производстве молока».

Уместно привести справку: молочный комплекс совхоза имени М. Горького был построен в 1971 году из кирпича и железобетона. Моноблочный коровник на 1200 мест с двумя доильными залами, родильным отделением, цехом по приготовлению и сдабриванию кормов обошелся в три миллиона рублей, и, пожалуй, за время своего существования принес не меньше убытков: дважды из-за болезней менялось поголовье стада, а что касается надоев, то красноречивей автора «Объяснительной записки» о них не скажешь.

Может, и не пришла бы на память эта «новогодняя история», если бы, листая подшивку «Целиноградской правды» за 1981 год, я не натолкнулась в одном из декабрьских номеров на корреспонденцию собкора «Целиноградской правды» А. Кулева и сотрудника Атбасарской районной газеты «Простор» В. Гребенюка о нынешнем состоянии дел на молочном комплексе в совхозе им. М. Горького.

«Ажурная железобетонная ограда,— пишут авторы,— прикрывает кучи навоза и металлолома. Построен санпропускник, но он без окон и дверей. В коровнике часто выходят из строя кормораздаточные и навозоуборочные транспортеры, не работают автопоилки. Средний надой

от каждой из 1200 коров комплекса —1762 литра молока в год...»

— Хватит!— может быть, скажет кто-то.— Зачем уж так заострять внимание на недостатках?

Согласимся: писать о хорошем гораздо легче и приятней, но не уподобимся ли мы в таком случае тем, кто четверть века назад, в самый разгар черных бурь, провозглашали: «Не стращайте нас жупелом ветровой эрозии!» Электричество, как и земля, не прощает пренебрежения к нему. Но много ли у нас пока что в сельском хозяйстве людей, так же «чувствующих» и «понимающих» электричество, его требования и возможности, как хороший агроном понимает и чувствует землю? Правда, с одним таким человеком я познакомилась в 1979 году в совхозе «Самарский» Атбасарского района. Была середина апреля, но в степи еще, куда ни глянь, щетинились ледяные торосы. Дорога к совхозу пролегала как бы в голубоватом туннеле, да и в самом поселке окна домов были вровень со слежавшимся снежным покровом, и трактор ДТ-54, памятник подвигу первоцелинников, казалось, опирался гусеницами не на постамент, а на искрящийся под солнцем наст. «Самарский»— хозяйство крупное, рентабельное. Везде чувствовался твердо установленный порядок: и в машиноремонтных мастерских, по своему облику и оборудованию напоминавших заводские цеха, и в просторных базах животноводческих помещений, с кормоцехами, с теплым боксом для новорожденных телят. Как говорят электрики, везде «все крутилось, грело, светилось», без «чп», без нервотрепок. И не случайно среди знатных людей был на доске Почета и главный энергетик совхоза Андрей Александрович Рисс.

— Да, с главным энергетиком нам повезло,— сказал председатель рабочего комитета Григорий Иванович Данилюк.— Всего себя в дело вкладывает...

Бывает, что какая-то случайность круто поворачивает судьбу человека. Так вышло и с Риссом. Вырос он в «Самарском», а после школы поступил в Прокопьевский горный техникум. На последнем курсе уже совмещал учебу с работой на шахте — исполнял обязанности инженера по вентиляции,— его здесь ценили как толкового, инициативного работника и собирались направить на дальнейшую учебу в вуз. И вдруг — авария, завал... И, как на грех, всегда четкий, пунктуальный, на этот раз он спустился в шахту проверить вентиляцию не в

свою смену, не взяв с табельной доски номера. Его хватились и откопали только через несколько дней.

Казалось, все... Время остановилось. Он был беспамятен и беспомощен, как малый ребенок. Близкие теряли надежду, что он когда-нибудь по-настоящему придет в себя... Страх перед замкнутым пространством. Беспощадный приговор врачебной комиссии: под землю ему больше не спускаться. Отчаяние, депрессия. Но целебный воздух родной степи, домашний очаг делали свое дело: он креп, втягивался понемногу в сельские заботы.

Во время жатвы работал на току. Однажды вышел из строя транспортер. Еще до прихода ремонтной «летучки» Рисс попытался разобраться, что к чему,— неисправность удалось устранить. Постепенно возвращался к чтению. Среди художественных появились книги по сельской механизации...

Через несколько лет, закончив по направлению совхоза Целиноградский сельскохозяйственный институт, Андрей Рисс становится главным электриком совхоза «Самарский». Начинает с того, что создает из парней, окончивших среднюю школу, группу электриков. Днем обслуживают оборудование, монтируют новое, вечером — обязательная учеба — изо дня в день, из месяца в месяц. Никакой поблажки ни себе, ни подчиненным.

— В январе у нас неделю буранило,— рассказывал Данилюк.— Вначале провода оборвало у центральной котельной. Собрались мы среди ночи возле опоры — что делать? Тьма кромешная и ветер ураганный, а опора высотой двенадцать метров. Решил Андрей Александрович сам на нее взобраться — монтеры, говорит, у меня молодые, не очень опытные, а тут малейшая небрежность — и каюк... Только и ему не удалось вскарабкаться, пришлось пожарников вызывать, они лестницу выдвинули с машины. Соединил он провода — свет загорелся, но только слез — опора-то как рухнет... Тут уж посложней дело. Кое-как подняли ее, снегом облепили, водой облили, замерзнет — авось, продержится. Рисс уже еле на ногах держится, шапка, одежда — в коре ледяной, очки заиндевели — протереть их не может. Иди, говорю ему, отдыхай, теперь, если что, без тебя ребята управятся... Да где там — час от часу не легче. Забило снегом трансформаторную подстанцию, она и взорвалась. Очистили, включили. Только этим дело не кончилось — за сутки еще дважды провода обрывало. Опять пришлось к пожарникам обращаться: у Рисса когти к столбу при-

мерзли, пока провода соединял. Пришлось его самого снимать... Ну уж зато без урона для хозяйства обошлось, одна дойка только чуть задержалась...

Когда, при встрече с Риссом, я попросила его самого подробней рассказать об этой истории, он неохотно протянул:

— А-а, что здесь особенного? Наши же недоделки. Трансформатор давно надо было закрытый поставить, вот и не забило бы снегом...

Гораздо охотнее рассказывал он о том, как благодаря электричеству вводятся всякие усовершенствования в хозяйстве.

—...Это ведь не все равно, чем телятник отапливается. Раньше печь была такая, соляркой топили. От задымленности двадцать процентов телят страдали заболеваниями легких. Поставили электрокалориферы, наладили автоматику, так, чтобы 10 градусов поддерживалось в помещении, и не выше,— и что вы думаете, процент «легочников» упал до нуля.

—...У нас в совхозе девять водокачек, и все на автоматике. Прежде обязательно дежурные были нужны, а теперь работают поплавки незамерзающего действия. Несложный такой есть выпуск, иные не знают, как к нему подступиться, не берут, а мы набрали и горя не знаем. Как действует? Ну, это по системе «Логика». Вот смотрите, я схему начерчу...

— Сколько уж лет не можем Рисса куда-нибудь в санаторий или туристическую поездку отправить,— жаловался мне председатель рабочкома.— Выйдет в отпуск, разве что с удочкой на реке посидит, а так все равно каждый день на свои объекты наведывается.

Замыслы Рисса шли далеко. В идеале,— говорил он мне,— полная автоматическая программа технологического процесса. Но эта программа станет фикцией, если опустить хоть какую-то ее часть. Зачастую, механизируя молочный комплекс, обеспечивают доение, кормление, поение животных, очистку помещения, и в то же время не беспокоятся о микроклимате, об условиях, необходимых для нормальной работы оборудования. Оборудование быстро изнашивается, ржавеет, выходит из строя, а несоблюдение микроклимата ведет к заболеваниям, падению продуктивности скота. Но для создания такой искусственно контролируемой среды необходимы параметрические датчики температуры, влажности, уровня давления, приборы для автоматизации нагрева воды и

воздуха, пола, земли, если это теплицы, для управления освещением и многое-многое другое. Но где брать всю эту электротехнику, если даже обычный провод и кабель, изоляцию, выключатели, вплоть до монтерских перчаток приходится добывать, выбивать, выпрашивать где только можно, и нужно обладать такой одержимостью, такой фанатичной преданностью делу электромеханизации, какой обладает Рисс, чтобы создать энергетическую базу, как в «Самарском». А что же делать тем хозяйствам, где не было и нет такого Рисса? Если и дальше будет так обстоять дело, подлинный переход сельскохозяйственного производства на промышленную основу затянется на очень неопределенный период. Нет уж, сказав «А», надо говорить «Б». Ведь нашли средства, чтобы в короткий срок создать предприятия, производящие противоэрозийную технику. Мало того, что мы теряем уже задействованное, ценнейшее оборудование,— дискредитируется сама идея индустриализации сельского хозяйства.

IV

—...Калориферы дуют, а поросята аж посинели, потому что под ворота базы холод идет. Я говорю: «Да они ж у вас от этого больше простывают и болеют, вы базу сперва утеплите, уж потом калориферы включайте». А мне в ответ: «Не твое дело. Ты инспектор энергонадзора, вот и занимайся счетчиками, а как обогревать — дело наше...» И попробуй — заставь отключить лишний калорифер в телятнике или свинарнике, да вдруг какой теленок — поросенок ненароком подохнет, так сразу во вредители сельского хозяйства произведут. Я уж, прежде чем в кабинет директора совхоза войти, маску на лицо надеваю.

Юлия Христофоровна Евтенко, инспектор энергонадзора по Шортандинскому району, яркая, улыбчивая женщина, делает каменное лицо:

— Вот так... И только тогда начинаю разговаривать. К чему у нас самое бесхозяйственное отношение, так это к электричеству. Составляю акт, а с них как с гуся вода. «Ставили калориферы и будем ставить».—«Давайте, говорю, поедем вместе на базу». Приезжаем — никого из персонала нет, а два мощных калорифера включены. И опять: «Не ваше дело».— Просто руки опускаются. Мне говорят: «Откуда ты выискалась, такая глазастая,

мы люди взрослые, видим, что делать». А я им: «Все вы взрослые, все видите, да глаза отводите. Если корова грязная, у вас сенсация, а если включена куча электроприборов и двери не закрыты, и крыша насквозь светится, то в порядке вещей...»

С Юлией Христофоровной рекомендовал мне познакомиться Айдын Аликперович Кулиев, заместитель генерального директора системы «Целинэнерго»:

— С государственным подходом инспектор,— так охарактеризовал он ее.

— Я им говорю: «Вы базу стройте — в красный угол счетчик помещайте, чтоб все видели, как вертится».— До чего дошли — взрослых быков греть, да это же на смех курам, я-то в крестьянской семье выросла, испокон веку скот в холодной стайке держали. Головокружение у них, что ли, от электричества, дескать, легкая жизнь настала, пускай на всю катушку.

Юлия Христофоровна и ее муж Федор Максимович Хмелевский, кстати, начальник инспекции государственного пожарного надзора района, продолжают рассказывать о вопиющих фактах: «...голые провода под соломенной крышей, внизу масса животных, еще и калориферы включат — долго ли до пожара...»

А я слушаю и думаю, что все-таки многие причины кроются в психологии крестьянина, складывавшейся на протяжении тысячелетий и основанной на том, что и земля, и скот держались лишь его жилистыми руками. Но вот появляется некая отвлеченная, по существу, чуть ли не дармовая сила (государственный тариф для сельскохозяйственного производства — одна копейка киловатт-час), сила, обязанная облегчить его труд, и сброшен тяжелый груз с плеч, пусть ее крутит-вертит, греет-веет, доит-поит... И происходит разлом: те, кто все же остаются при земле, при животных, тем не менее уже не испытывают такой ответственности за них: надои падают — доярки винят электриков, в теплицах овощи не растут — опять-таки электричество виновато. Другим, же, волею судеб оказавшимся при этой электрической силе, подобно монтерам из совхоза имени Горького,— и скот, и земля становятся безразличны, были бы наряды...

Конечно, такое явление ни в коем случае нельзя назвать всеобъемлющим, но все же нам необходимо хорошо разобраться в психологии тех, кому, как говорится, все «до лампочки». Наверное, нужно определенное время, кропотливая воспитательная работа, чтобы преодолеть

этот психологический барьер, да вот беда — времени у нас в обрез.

Помню, в августе 1968, здесь, в Шортанды, во время Всесоюзного семинара по защите почв от эрозии, Павел Васильевич Журавлев, бывший тогда начальником Павлодарского областного управления сельского хозяйства, мне говорил:

— Мы сейчас при встрече с чего начинаем: «Здравствуй, друже! Сколько многолетних трав посеял?»

Павла Васильевича уже нет в живых, но о нем помнят как о страстном поборнике новой системы земледелия.

С черными бурями сражались «всем миром», сообща, упорно преодолевая психологические и прочие барьеры. Только так удалось их укротить. Не пора ли снова бить нам в набат? С какой стати! — могут мне возразить. Ветровая эрозия — это катастрофа, почва теряется необратимо. А потерянные киловатты, подумаешь, еще наработаем. Но дело обстоит не так просто. В докладе специальной комиссии Десятой международной энергетической конференции отмечалось, что «5-10 процентов экономии ресурсов можно получить, как говорится, домашними средствами; следующие 5-10 процентов потребуют довольно значительных затрат, а получение дальнейшей экономии в 20 процентов уже будет связано с большими капиталовложениями» («Правда», 8 января, 1980, «Киловатт работающий»).

Выходит, расточительству энергии, наподобие ветровой эрозии, тоже свойственна цепная реакция, и чем оно, это расточительство, крупнее, тем труднее его остановить. Сбереженная энергия — это сбереженный хлеб, вода, газ, это машины, «доведенные до ума» еще на заводе и по-хозяйски используемые на местах, это невырубленные зря леса и чистые реки и озера, это одежда и обувь, не залеживающиеся в магазинах...

Как-то в поезде я разговорилась с пожилой парой.

— Едем отдыхать,— сказала мне женщина,— в первый раз за много лет...

— А что так? — поинтересовалась я.

— Да вот, взялись дом строить, а зарплата у обоих не так уж велика, все на экономии. В нитку вытянулись, у меня одно приличное платье осталось, у мужа один костюм, как говорится, «и в пост, и в хрест», на питании себя зажали — рису и гречки не брали, на ячке да

пшене сидели, из мяса — только лытки да потроха, вот так и построились...

«Не все добытком, ино и бережью»,— говорит старая народная пословица, и разве мы уже завершили строительство нашего общего, нашего коммунистического дома, что начали разбрасывать и растаскивать направо и налево таким трудом нажитое добро? Да и закончим — что нам, с неба все валиться будет? На века вперед обращены ленинские слова, написанные в дни петроградского голода: «В такое время — а для коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня».

С малых лет мы привыкли к тому, что «перед нами все двери открыты», что страна у нас необъятная, «много в ней лесов, полей и рек», и что «живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей». А вот экономия — дело сугубо приземленное, и не то что в песне, даже в художественном произведении как-то пока «не звучит».

С чего начинается экономия? С домашнего очага. Но вот в одном из очерков недавно читаю о положительной жене и отрицательном муже-крохоборе,— он, видите ли, спички придумал надвое расщеплять, все равно зажигаются. Именно этот факт переполнил чашу терпения передовой во всех отношениях жены, и она ушла.

Расщепленные спички, оказывается, и вправду зажигаются, ну-ка если бы провести эксперимент этого крохобора в масштабе всей страны — сколько лесу бы сэкономилось?

«Главным хозяином у нас был, есть и будет человек труда. Ему принадлежит все, чем мы богаты и сильны. Но порой мы забываем о высокой ответственности самого его положения, которым он наделен. Ведь быть хозяином — значит в первую очередь держать ответ, делить обязанности, а не только сетовать на кого-то за непорядок, ту или иную трудность.

«Ничто не вредит делу так, как стремление считать себя маленьким человеком, «винтиком», перекладывающим ответственность на кого-то другого»,— сказал Динмухамед Ахмедович Кунаев, отвечая на вопросы «Литературной газеты» («Лит. газета», 4 февраля 1982 г.).

— Мы оберегаем сельское хозяйство, как сердобольные родители ребенка, который учится ходить, не думая о том, что, может, ему полезно было бы и шишки наби-

вать,— говорил мне директор Степногорских электрических сетей Сергей Владимирович Быков.— Сами посудите, тариф льготный, почти символический; на промышленном предприятии случись перерасход лимита — штраф в пятикратном размере, на селе штрафов нет, а ведь иной совхоз энергии потребляет не меньше, чем средний завод. Есть ли в сельском хозяйстве такие нормативы на расходование энергии, какие давно разработаны в промышленности? Лимит энергии хозяйствам дается «на глазок». Да и как его определять? Иное лето жаркое, значит, больше расходов на вентиляцию, морозная зима — провода раскаляются, столько энергии идет на обогрев. Опять же с обслуживающим персоналом. На заводе для электриков экзамены, проверки, постоянный инструктаж по технике безопасности. А на селе?..

— Но вот эта новая организация «Сельхозэнерго»... Наверное, она должна всем этим заниматься?— предположила я.

Сергей Владимирович лишь саркастически улыбнулся:

— Что сказать о «Сельхозэнерго»? Маленькое самостоятельное предприятие в каждом райцентре. Свой штат. Круглая печать. Бухгалтерия. Счет в банке. Лимиты. Но снабжается «Сельхозэнерго» через «Сельхозтехнику», и зачастую между этими двумя организациями возникает поножовщина, так как электроматериалов хронически не хватает, имеет место и прямое разбазаривание. «Сельхозэнерго» в наших районах существует уже три года, но, по сути дела, не имеет нормальной производственной базы, ремонтных мастерских. С совхозами отношения натянутые, если не сказать хуже, потому что прибыли этой организации не зависят от конечных результатов — в производстве хлеба, мяса, молока. Разные у них интересы, пуповина, так сказать, перерезана.

Характеристика, что и говорить,— нелестная. Но, так или иначе, «Сельхозэнерго» создано, «Сельхозэнерго» существует, и кому же в конце концов вплотную заниматься вопросами электричества в хозяйствах, как не ему?

Директорр Шортандинского районного предприятия «Сельхозэнерго» Валерий Дмитриевич Макарьев вырос в этих местах в совхозе «Пригородный». Отец — учитель физики.

— Значит, у вас любовь к электричеству, так сказать, фамильная?

— Вообще-то да. Правда, отец больше теоретик, утюги с малолетства я чинил.

После школы Макарьев два года работал в своем совхозе.

— Тогда четыре дизельных электростанции КГМ-100 у нас стояли и одна «Революция»— я возле них школьником крутился, интересно было, ну вот, и остался. Родители, понятно, хотели, чтоб я сразу в вуз, а меня практическое дело тянуло. В 1968 году построили две механизированные базы. Верите, с трудом заставляли доярок на аппараты переходить. Боялись тока, боялись, что коров попортит. Подключились к энергосистеме — открылся простор для механизации, а что я могу? Знаний-то маловато. Можно сказать, со злости пошел учиться в ЧИМЭС — Челябинский институт механизации сельского хозяйства. Когда вернулся сюда в район, направили главным энергетиком в совхоз «Петровский». Дали бригаду — одни пожилые, под пятьдесят. Зарплата маленькая, а электрики идут одни разгильдяи. Помотался я, добывая материалы, намаялся с кадрами.

— Когда в «Сельхозэнерго» предложили перейти, сначала не хотел, а потом призадумался. До каких пор всем нам тыкаться, как слепым котятам, изобретать велосипед. Жизнь ставит проблемы — их надо решать. Сосредоточить в одних руках силы, материалы — может, дело и пойдет на лад...

В распоряжение районного предприятия «Сельхозэнерго» перешли совхозные главные энергетики и электрики.

— В целом у нас ничего не изменилось,— говорил мне Эрих Тельманович Шварц, бывший главный энергетик, а ныне начальник участка «Сельхозэнерго» при совхозе «Подлесный».— Практически все, как было. Та же мастерская, те же люди. Только звание у меня теперь другое да оклады прибавили. Зарплату получаем от «Сельхозэнерго», а премии — только с визой директора совхоза. Совхозу — что надо? «Чтобы все крутилось». А у нас крутится. Только вот как-то на отшибе мы стали себя чувствовать: и от районного предприятия далековато, и здесь вроде уже не свои. Придешь в клуб — механизаторов отмечают принародно, а нас будто и нет, хотя от нас и многое зависит, так ведь мы-то теперь не совхозные...

Это мнение электриков,— а руководителей хозяйств? Некоторые из них оказались настроены очень категорично против нового предприятия.

— Раньше электрики были у нас в едином подчинении,— говорил Казимир Антонович Стаховский, директор совхоза «Андреевский», а теперь, нужно, скажем, провести реконструкцию оборудования на ферме — надо в район писать, разрешения испрашивать...

Особенно непримирим был директор совхоза «Шортандинский» Василий Григорьевич Семенкин.

— С 1963 года работаю директором этого совхоза, но такого разора еще не терпел. Забрали у нас всех наших электриков, часть куда-то совсем перевели. Молочный блок вышел из строя. Раньше бы я сказал: «Ну-ка, ребята, давайте!» И ребята сделали бы за два дня. А тут месяц копались. Дескать, создали предприятия нам в помощь — какая же это помощь, когда наши же кадры забирают неведомо куда.

Вот это новость... Ведь при создании «Сельхозэнерго» особенно делался упор на то, что совхозы людей не теряют, что электрики остаются на местах...

— По замыслу так и должно быть,— как бы оправдывался Макарьев.— Но знаете... Кадров не хватает, неизбежны перестановки. В аппарате люди требовались. Главный инженер у нас — бывший энергетик одного из совхозов, главный экономист — тоже... По сути дела; только Шварц — как работал в «Подлесном», так там и остался...

Да, похоже, с созданием нового предприятия в Шортандинском районе не только не решены старые проблемы, но и новых накопилось предостаточно.

— ...Нас упрекают: «В вашем распоряжении все материалы — куда деваете?» Если бы так было... Электроматериалы отпускаются в основном строительным передвижным мехколоннам на вновь строящиеся и реконструируемые помещения. А нам как план выполнять? Хоть и говорят: «Что вам план, важен конечный результат — хлеб, мясо, молоко», а с нас пока что за план голову снимают. Мы же на хозрасчете. Вот и приходится выкручиваться. Из тех электриков, что перешли в наше распоряжение, создали мы две монтажные бригады и одну контрольно-измерительную. Договариваемся с ПМК, они отдают нам свои материалы, мы временно оформляем к ним наших электриков, заключаем договор на реконструкцию животноводческих помещений... Так же и с РСУ: они дома в хозяйствах строят — наши электрики проводкой занимаются, тоже по договору...

Вот так. Неужели нужно было срывать с места сов-

хозных электриков, зачислять их в «Сельхозэнерго», затем временно передавать в ПМК — и все потому, что совхозы не имеют своих электроматериалов? Вспоминается Рисс из «Самарского». Может, и его уже перевели куда-нибудь?

Не рассеяла сомнений и беседа с Николаем Сергеевичем Куршаковым, генеральным директором Целиноградского объединения «Сельхозэнерго». При новой организации,— говорил он,— ясней видно, какое хозяйство нуждается в помощи, есть возможность направить туда силы и материалы. Начаты большие работы по капитальному строительству, по монтажу оборудования, принимаются меры по экономии энергии...

Все верно, все нужно, и все-таки хозяйства, лишенные своих электриков, представляются мне, как оголенные провода — любой ветер замкнет.

Перед отъездом из Целинограда я зашла к директору объединения «Целинэнерго» Вениамину Моисеевичу Левину.

— В стране принято делить потребителей энергии на три категории,— говорил он.— Первая связана с жизненными интересами страны — скажем, транспорт, шахты, вторая — с массовым выходом продукции, к третьей относятся все остальные потребители. Так вот, сельское хозяйство у нас потребитель первой категории. Мы не можем допускать перебоев в снабжении хозяйств и все время повышаем надежность линий и подстанций. Теперь, с организацией «Сельхозэнерго», мы вправе рассчитывать, что государственная энергия будет расходоваться более эффективно. К сожалению, в большинстве своем эти предприятия еще проходят стадию «эмбрионального» развития. Где они выходят из такого состояния, так это в Кокчетавской области. Будет возможность — съездите туда, чтобы иметь представление о возможностях «Сельхозэнерго». Начали там прежде всего с создания материальной базы. Армия должна быть оснащена, иначе она потерпит поражение, а объединение «Сельхозэнерго» представляется мне именно такой армией, с дисциплиной почти военной, готовой решать сложные задачи, которые ставит сельское хозяйство.

Последовать совету Вениамина Моисеевича — съездить в Кокчетавскую область — мне удалось лишь через год, в августе восемьдесят третьего. А тогда, вернувшись в Алма-Ату, я заказала по межгороду совхоз «Самар-

ский». В конторе никого не оказалось, телефонистка дала мне сельсовет, и далекий девичий голос певуче произнес:

— Рисс? Андрей Александрович? Это наш главный совхозный энергетик.

— Как? По-прежнему главный энергетик?

— Да, конечно...

Что же, выходит, «Самарский» не перешел на обслуживание «Сельхозэнерго»— есть пока и такие хозяйства... Все же я позвонила на Атбасарское предприятие «Сельхозэнерго», и его директор Роберт Генрихович Губер ответил:

— Ну как же! Самарский участок уже третий год как у нас на балансе.

— А Рисс?

— Начальник участка.

— А мне сказали, что он по-прежнему главный энергетик.

— Так его по-прежнему и считают своим... Самый сильный у нас энергетик,— самое крепкое хозяйство... И еще Роберт Генрихович добавил, что областное руководство уже несколько раз предлагало Риссу «пойти на повышение», стать директором предприятия какого-нибудь района, и он даже будто поддался однажды, но потом передумал...

V

...Суточный цикл на ферме? Доение, очистка, раздача кормов — все строго по часам? Минута в минуту?

— Да, все оборудование действует по строго заданной программе. В положенный срок срабатывает реле времени, и тут уж пеняй на себя, тетка Марфа, что проспала, не успела выдоить всех коров — аппараты отключились, додаивай руками.

— Ну, это, знаете, как-то уж чересчур...

— Отнюдь,— возражает Владимир Романович Шмидт, директор совхоза «Климовский».— Да, наши люди вначале в штыки приняли это новшество, а сейчас довольны. Дисциплинирует. Бывало, скотники уборку навоза на полдня растянут. Теперь же все четко отлажено, как на заводе, ни пересудов, ни перекуров во время работы, зато потом у людей больше свободного времени. И экономия энергии значительная: программа ведь на все распространяется — и на освещение, и на подогрев воды...

К сожалению, продолжает Владимир Романович, так

устроено только в Климовке, а хорошо бы и на других отделениях совхоза.

Так за чем же дело стало?

— Мы бы и сами рады,— оправдывается директор Щучинского предприятия «Сельхозэнерго» Александр Максимович Кирилюк. — Вся загвоздка — в реле времени. Добыли мы их штук двадцать, а нам две тысячи надо. До недавней поры такие реле производил Ленинградский опытный завод электроприборов времени «Хронотрон», я его адрес наизусть знаю, сколько раз туда обращались... Отвечают: «Помочь не можем, снято с производства...» Такой прибор — и снимать! Ну, уж если сняли, так дайте что-нибудь взамен. У нас сейчас все оборудование для села идет на автоматике, на электронике. Будь у нас в достатке этих реле — мы бы пики-максимумы срезали, электрические нагрузки держали бы ровно... А микроклимат в помещениях — это же на миллионы рублей сохранность оборудования, и скот здоровей... Вот что такое для нас реле времени. Мал золотник, да дорог...

Разговор идет в просторном электроцехе Климовского производственного участка «Сельхозэнерго». Его начальник Владимир Иванович Мельхиор, бывший главный энергетик этого совхоза, вспоминает, как совершался переход в новую организацию:

— С самого начала поставили: не должны в совхозе думать —«Вот, новые нахлебники появились». Первое — техническое обслуживание сделать еще лучше, а второе — во всех совхозных делах участвовать по-прежнему. Вот, скажем, нынче мы заготовили восемьдесят тонн витаминно-травяной муки — во вторую смену у АВМ работали. В жатву — сверхурочные дежурства на токах, а кое-кто из электриков и на комбайн садится. А совхоз нам идет навстречу: и квартиры электрикам, и корм для скота наравне со всеми... Нет, чужими себя мы здесь не чувствуем...

Щучинское предприятие «Сельхозэнерго». На обширной территории у подножья сопки разместились добротные цеха по ремонту электрооборудования, склады, автогаражи, новое здание конторы.

Кабинет у директора предприятия обставлен скромно, по-деловому, да и в Александре Максимовиче, как он сам

о себе говорит, посмеиваясь, «...никакой солидности. Ни усов, ни громкого голоса. Рост — и тот средний...»

«— Мы —кто? Мы — межхозяйственное предприятие, и решение собрания пайщиков — уполномоченных совхозов — для нас закон... Как правило, уполномоченные — сами директора. Вот, на первом собрании, в январе восьмидесятого, мы и сказали им: «Вы, товарищи, сейчас сидите и думаете: заключать договор с новой организацией или не заключать? Передавать электриков со всем оснащением и транспортом в распоряжение «Сельхозэнерго» или не передавать? Дело ваше, добровольное, но неужели, объединив маленькие коллективы в один мощный и создав дополнительно необходимые производственные участки и службы, мы будем работать хуже?..

Кирилюк — местный. Он знает всех в районе и его все знают. Как-то, когда мы проезжали по окраинной улице, показал мне дом, где родился и вырос.

— А что вам ярче всего запомнилось в детстве, Александр Максимович?

— Ярче всего...— он на миг задумался.— Как колымажку поджег. Ну, это повозка такая легкая. У ворот стояла; хорошо, лошадь была выпряжена. Я спичку чиркнул — и в сено. Когда вспыхнуло, заревел с перепугу — и к старшему брату. Трепку мне задали, конечно, изрядную. С тех пор, бывало, как что затею, брат мне: «Опять колымажку метишься поджечь?»

Кирилюку еще нет сорока. До назначения в «Сельхозэнерго» Александр Максимович был главным инженером Щучинского райсельхозуправления.

— Скажу откровенно: мечтал руководить организацией, чтоб все силы в один кулак. Чтоб не электрифицироваться вразнобой, не топтаться на месте. Только все было неопределенно. Прошел разговор — и опять стихло. Я в отпуск уехал. Возвращаюсь, прихожу в управление — сотрудники посмеиваются: «Привет, товарищ директор!»—«Какой еще директор?»—«А посмотри, у тебя в ящике приказ лежит...» Даже дух перехватило. Нет, вы не подумайте, тут не честолюбие, тут другое... Я считаю, у каждого человека есть такая внутренняя потребность — максимально себя проявить. Только не всегда обстоятельства складываются благоприятно. А тут говорят: «Действуй, Кирилюк! Вот тебе капвложения на строительство. Получай новые тракторы, машины, прочую технику... Но учти, пайщиков заинтересовать — это

уж ты обязан, насильно их тащить в «Сельхозэнерго» никто не будет — дело добровольное...» Так вот, значит, вступило их на первых порах всего восемь хозяйств... Остальные заняли «наблюдательную позицию». Больше всего они опасались за свои кадры. И мы поставили твердо: производственно-эксплуатационный участок при совхозе — святое место, оголять его ни в коем случае нельзя. Трудновато было, но вышли из положения.

Кирилюк познакомил меня со своим «штабом технической мысли»: главным инженером предприятия Геннадием Георгиевичем Приходько, начальником производственного отдела Игорем Витальевичем Бочкаревым, начальником электротехнической службы Казимиром Брониславовичем Галынским; раньше они были — кто на административных постах, кто преподавал в техникуме — привлекло их в «Сельхозэнерго», по выражению Кирилюка, «желание быть первопроходцами, участвовать в свежем деле».

— Все на чистом месте. Обычно как бывает: есть должность, значит, находится для нее человек. А у нас было наоборот: нашелся подходящий человек — тогда учреждаем должность. Вот хотя бы Геннадий Иванович Сапыцкий — прирожденный экспериментатор. УНИРО — это его рук творение. Что такое УНИРО? Участок по изготовлению и ремонту нестандартных изделий и оборудования, без которого невозможно полноценное обслуживание хозяйства. Сапыцкий сумел сколотить такой коллектив, что нам сейчас под силу капитальный ремонт электродвигателей, сварочного оборудования, пускорегулирующей аппаратуры.

...— Кадры сами собой не создаются. Три года мы по школам ходили, отбирали способных выпускников, потом их наши мастера обучали. Наладили связь с Целиноградским сельхозинститутом. Там на электрофаке у нас сейчас пять стипендиатов да шестнадцать заочников. Так что есть возможность пополнить людьми и участки при совхозах...

Признаться, у меня все время возникало сопоставление того, что я видела здесь в Щучинске, с тем, что наблюдала год назад в Шортандинском «Сельхозэнерго». Вспоминалась контора Макарьева: старый домишко, ранее принадлежавший пожарной охране, а потом переданный новоиспеченному предприятию; чехарда кадров, бедственное положение с материальными фондами, сложнейшие взаимоотношения с хозяйствами...

Разве от хорошей жизни выкручивался Макарьев, оформляя договоры с ПМК, с РСУ, временно передавая им своих электриков, лишь бы как-то выполнить план. Интересно — у щучинцев были подобные ситуации?

Когда я задала этот вопрос инженерам, собравшимся в кабинете у Кирилюка, они заговорили чуть ли не хором:

— Э, нет... Мы своих конкурентов быстро выжили. Они-то не прочь были и дальше чужими руками жар загребать. Ясное дело, у кого фонды, у того и власть. А фонды были у строительных, монтажных организаций, у «Сельхозтехники». Они продавали электроматериалы совхозам по форме-2, то есть совхозные электрики все делали, а они приписывали работы себе. Попытались было и к нам с тем же: «Материалы наши, работники ваши».— А мы им: «Работники-то наши, это верно, и фонды на материалы будьте добры нам передать. Теперь мы специализированное предприятие, несем полную ответственность за электрификацию хозяйств. Договоры с вами заключать не будем, людей не дадим. Все электромонтажные работы по району намерены выполнять сами».— Это для них было как гром с ясного неба. Они и в райком, они и в райисполком, да без толку. Тут главное было характер выдержать, не дрогнуть. Электрики все у нас, а без людей — что они могут, хоть и с материалами? Покрутились немного да и передали нам фонды. Еще и кое-кто из инженеров-электриков к нам оттуда перешел. В общем, со второй половины восьмидесятого года в районе начал действовать наш ремонтно-монтажный участок. Все — как положено: шесть бригад со своими автомастерскими, пусконаладчики, контрольно-измерительные лаборатории. Вот тут все увидели, что мы силу набираем, а сила внушает уважение.

Если сейчас перечислить все хозяйства и организации, заключившие договор со Щучинским «Сельхозэнерго», получится длинный список, в который войдут даже школы, больницы («Зачем директору школы или главврачу беспокоиться о куске провода или розетке?»), ну, а что касается хозяйств, то тут не просто техническое обслуживание («двигатель обтереть тряпкой всякий может»), а внедрение нового, современного, экономичного. Уже идет своеобразное соревнование: если в «Урумкайском» неэкономичные калориферы в животноводческих помещениях заменили обогреваемыми полами, которые

служат намного дольше и тепло лучше аккумулируют, или смонтировали в телятниках плиточную вентиляцию для вытяжки аммиака, то можно ждать, что скоро примеру урумкайцев последуют и другие хозяйства.

...— Значит, пришлось директорам хозяйств смириться с появлением «Сельхозэнерго»?

— Смириться?! Это чтобы я смирился?— пышные усы директора совхоза «Златопольский» Владимира Алексеевича Тетерина даже вздрагивают от негодования на мою не слишком удачную формулировку.— Нет, смирить меня еще никому не удавалось. Убедить — пожалуйста. Да, я был против. Да, писал и в район, и в область, и в союзное Министерство сельского хозяйства, считая, что «Сельхозэнерго»— добавочная гиря на совхозную шею. И рад, что ошибся.

Бросаю взгляд на Александра Максимовича, вместе с которым мы приехали в «Златопольский». Он скромно сидит на краешке стула, а в глазах этакая лукавинка...

Златопольцы знают себе цену. Высокорентабельное хозяйство ежегодно продает государству более трех тысяч тонн мяса, тысячу тонн молока. За годы десятой пятилетки средняя урожайность на этих воистину «златых» полях составляет по двадцать центнеров с гектара. И в последние, очень засушливые, годы здесь получилось не ниже, чем по восемнадцати. «Совхоз высокой культуры земледелия»— не зря дано звание.

— Энергонасыщенность нашего совхоза,— говорил Владимир Алексеевич,— подстать городской: в год потребляем около двенадцати миллионов киловатт-часов. К восьмидесятому году у нас было тринадцать электромонтеров во главе с главным энергетиком. На наш взгляд, они справлялись со своими задачами. Вот и рассуждали: зачем допускать, чтобы кто-то у нас хозяйничал со стороны?

— Владимир Алексеевич!— Кирилюк даже с места привстал.— Давайте положа руку на сердце. Вы считали, что ваши электрики справляются. А на самом деле, электротехническое хозяйство было у вас в запущенном состоянии... Как они работали? Не только у вас — и в других хозяйствах. Соберутся с утра в электроцехе и ждут энергетика с планерки. Он придет — начинается планерка с монтерами. Около часа — на раздачу материалов. Лишь где-то около двенадцати машина их по

объектам развезет... А теперь каждый монтер четко знает свое рабочее место. И график работ ему доведен заранее, и за качество выполнения он отвечает полностью, а если вдруг по его вине выйдет из строя электрооборудование — лишится всех премиальных и надбавок к зарплате.

— Что вы меня агитируете?— посмеивается Тетерин.— Нам с главным инженером теперь действительно легче: не приходится выбивать электроматериалы и прочее. Зимовка, несмотря на бураны, прошла безо всяких «чп». Так что мы не жалеем...

Однако Александру Максимовичу нужно расставить точки над «и».

— Еще бы вам жалеть! Микроклимат в свинарниках создан? Электросети в порядок приведены? Электроцех, монтерские участки отремонтированы? А кто четырехквартирный дом построил хозспособом для электриков, когда вы, Владимир Алексеевич, отказались давать им жилье, потому что они теперь в штате «Сельхозэнерго»? Но,— прошу понять меня правильно, Владимир Алексеевич,— у нас пятнадцать участков, если везде будем строить, в трубу вылетим. А вы — такое богатое хозяйство; по вашей энерговооруженности, вам не тринадцать, а минимум тридцать электриков нужно. Молодых мастеров мы вам подготовим, но квартиры... Парни местные, никуда от вас не уйдут.

Так вот к чему все велось... Неспроста, оказывается, был сегодняшний приезд Кирилюка в «Златопольский». Определенного согласия обеспечить жильем новых электриков Тетерин пока не дает, но уже и не открещивается категорически...

— Ну хоть начинают понимать,— говорит Кирилюк, садясь в машину.— А то — требуют от электричества всего, ему же — ничего... Но и так подумаешь: небывалое творим, оценить, привыкнуть людям надо. Помню — уже после войны — у нас в доме первая лампочка зажглась. Мы, мальчишки, гурьбой по селу носились за монтером дядей Васей, а он такой важный, с когтями через плечо... Как на столб заберется, мы все окружим и смотрим, рты разинув... Этот дядя Вася долго работал, я инженером домой вернулся — он еще был... И что интересно, терпеть не мог всяких новшеств: «Что ты мне пускатель навязываешь? Ты мне рубильник дай!» В каждом из нас, наверно, сидит консерватор, чуть зазеваешься — он и схватит за горло...

Творить небывалое... Тут не просто отвага нужна — трезвый взгляд на вещи, не просто энергия — твердая решимость довести раз начатое до логического завершения.

Впервые в Щучинском районе я была в 1974 году. Тогда в совхозе «50 лет Казахстана» познакомилась с инженером-электриком Виктором Алексеевичем Брешенковым, до приезда сюда он работал в геологической партии в Узбекистане.

— Видите ли,— пояснил он мне причину своего переезда,— вырос я в селе. Как-то приехал в гости — к сестре жены. Гляжу, такие дела по электрификации разворачиваются, а людей не хватает. Вот и решил перебраться.

Он показывал мне зернотока, животноводческие фермы, кормоцех, молочный блок — везде что-то менялось, упорядочивалось, совершенствовалось.

— Приезжайте года через три — то ли еще будет...

Я спросила:

— А не жалеете, что перешли в сельское хозяйство? Где, на ваш взгляд, трудней?

— Трудней, конечно, здесь... И не потому, что работы больше. Настоящая работа окрыляет, тут день и ночь отдать готов. А вот в смысле снабжения — такого в промышленности нет, чтобы все разными окольными путями... Тратишь столько сил и нервов, что на более важные дела не остается... Как-то равнодушно у нас еще к сельской электрификации относятся...

Теперь, спустя девять лет приехав в Щучинский район, я нескольких человек спросила о Брешенкове, прежде чем мне ответили:

— Да, кажется, был такой... Давно уехал.

Вот так... А какие грандиозные планы были у человека. Значит, не выдержал. Но будь у Брешенкова возможность по-настоящему проявить на селе свои инженерные знания и способности, может, он и остался бы?

Кстати, о подобной ситуации пять лет назад писала «Литературная газета»: мастер одной из шахт Нижнего Тагила, приехав в воронежский колхоз, с увлечением взялся за электрификацию хозяйства, но, столкнувшись с теми же трудностями, что и Брешенков, вернулся в город. «Энтузиазм хорош,— писала специальный корреспондент «Литературной газеты» К. Кожевникова,— когда он подкреплен расчетами, планами, материалами, кормами. Увы, здесь все было приблизительно...»

— Нет, мы на «авось» работать не имеем права,— говорит Александр Максимович.— Да, фондов и сейчас недостает, но если правильно распределять, не транжирить то, что имеется, можно очень многое сделать. А то ведь как бывало: руководитель хозяйства поизворотливее, половчее, побольше себе отхватит, а другим — вообще ничего. Мы же исходим из насущных интересов и потребностей каждого хозяйства. Наше дело, можно сказать, на трех китах держится: материальное обеспечение, творческая инженерная мысль и неукоснительная дисциплина...

«Сервис должен быть на сто процентов, иначе он не сервис»,— любимое изречение Кирилюка.

После «Златопольского» направляемся в совхоз «Вороновский». Вечереет. Над бурым холмом, подсвеченные закатом, реют причудливые белые треугольники: тренируются щучинские дельтапланеристы. Есть что-то притягательное в их неспешном легком кружении — смотрел бы, кажется, часами. Но машина сворачивает, и уже не видно ни холма, ни дельтапланов — только пшеничные поля да опоры, бредущие вдоль дороги, и опять возвращаемся мы с Кирилюком к жестким электрическим проблемам.

...— Эта линия — десять киловольт — ох и нервы же всем выматывает...

«Вороновский» образован сравнительно недавно, лет семь назад; более мощная линия к нему с соответствующей подстанцией пока еще в проекте. Питание поступает от расположенной в сорока километрах Жамантузской подстанции Щучинского предприятия электрических сетей. Если на линии рвутся провода, хоть у въезда в совхоз, хоть в самом совхозе, вороновские электрики, подчиненные «Сельхозэнерго», не имеют права устранить аварию — такова инструкция. Звонят в Жамантуз, а там частенько то транспорт не на ходу, то горючего нет. И вот, среди ночи,— снег ли, бездорожье,— гоняют туда машину. Приедет такой же монтер, устранит обрыв, а то и просто автомат подключит — вот и вся недолга.

— Сколько раз у нас дойка срывалась,— рассказывал мне директор совхоза Александр Васильевич Павлюк.— Начнется зима, и, боюсь, будет то же самое. При одной мысли в дрожь бросает. А что делается с линиями 0,4 кВ... И тоже — наши электрики «не моги»...

— Не у вас одних,— вставляет Александр Максимович.— Кругом такой порядок. А выход здесь я вижу

один. Если «Сельхозэнерго» возьмет на обслуживание эти линии и подстанции к ним...

Я смотрю на Кирилюка с изумлением. Будь здесь его старший брат, наверняка спросил бы: «Что, опять колымажку поджечь наметился?» Это же надо... Сам часто приговаривает: «Мы еще только родились, нам развиваться да развиваться», и вдруг сразу взять на себя такую обузу...

— Да, это было бы нелегко,— признает Кирилюк.— Но тогда мы смогли бы сделать электроснабжение хозяйств более надежным. И еще. Вот вы упоминали о незадействованных подстанциях, о заброшенных линиях в Целиноградской области. Между прочим, и у наших соседей, в Валихановском районе, сколько угодно таких примеров: переместят чабанские точки, а подстанции, линии бросают на произвол и расхищение. Но будь они на балансе у «Сельхозэнерго», имелась бы возможность предъявить счет совхозу-пайщику за разгильдяйство, за допущенный ущерб... Вся энергетическая служба на селе в итоге должна перейти в одни руки. Только, знаете, если и сбудется такое, то нескоро. Вон наши коллеги — Кустанайские энергетики В. Снигирь и Г. Мазуренко ставили такую проблему в газете «Сельская жизнь». И пока безрезультатно. Считается, что предприятия «Сельхозэнерго» еще не созрели для такой роли. Но они и не созреют — сразу все! А ведь можно было бы провести эксперимент сначала в отдельных районах, потом в областях. Ну вот, хотя бы мы начали...

Потом я беседовала с Маратом Кожахметовичем Уразаковым, директором Щучинского предприятия электрических сетей, с Осипом Семеновичем Троицким, генеральным директором Кокчетавского облобъединения «Сельхозэнерго», с Александром Гавриловичем Газиным, директором Кокчетавских электрических сетей, и все они высказывались за то, что пришло время как следует обдумать этот вопрос. Да и в статье «Селу — надежное электроснабжение», опубликованной в «Казахстанской правде» в конце сентября 1983 года, заместитель министра сельского хозяйства Казахской ССР А. Томашец пишет: «...назрела настоятельная необходимость иметь в каждом хозяйстве распределительную подстанцию с таким расчетом, чтобы линии 10 киловольт с минимальным радиусом их действия использовались только для электроснабжения производственных объектов». Если так — кто же должен будет их обслуживать, как не пер-

сонал «Сельхозэнерго»? А электрики государственной энергосистемы смогли бы тогда лучше обеспечивать надежность высоковольтных линий, совершенствовать передачу и сохранность электроэнергии. Но все это, увы, пока еще просто разговоры... Да и подумать, много ли найдем мы сейчас таких предприятий «Сельхозэнерго», как Щучинское, способных хоть сегодня приступить к эксперименту?

...Он взлетел, чудом избежав удара о ветровое стекло, мокрый, смешной, отяжелевший кобчик. На целине кончалось третье подряд засушливое лето. Дождь, пролившийся ночью, разом впитался в земные трещины, и только лужи на асфальте достались птицам: вспархивая буквально из-под колес, едва пропустив машину, они снова радостно плюхались в разогретую солнцем воду и барахтались, рассыпая вокруг себя радужные брызги.

А мы мчались дальше, и впереди, на промытой дождем голубизне, как гигантские журавли, расправившие крылья для полета, вырисовывались опоры сверхмощной высоковольтной линии Экибастуз-Центр... Через Кокчетавскую и Кустанайскую область они шагали на Урал, к Троицкой ГРЭС, той самой, которая почти четверть века тому назад дала первую энергию одному из крупнейших предприятий Казахстана — Соколовско-Сарбайскому горно-обогатительному комбинату. Теперь энергия польется в обратном направлении — из Казахстана в Россию.

Близ Еленовки, на обширной пустоши, ныне сплошь изрытой котлованами и траншеями, монтировалось подавляющее своими грандиозными размерами оборудование Кокчетавской подстанции. Отсюда, как пояснил мне директор Кокчетавских электрических сетей Александр Гаврилович Газин, энергия в 1150 киловольт пойдет дальше на Кустанай, а пятисоткиловольтные линии свернут — одна на Есиль, другая на Петропавловск — и там соединятся с ныне действующими, передающими Экибастузскую энергию через Целиноград и Омск, замкнув таким образом большое целинное энергетическое кольцо.

Плодородие Земли. Сила Электричества. И то и другое ныне есть у Целины. И то и другое требует неукоснительного соблюдения своих законов.

«Я К ВАМ ВЕРНУСЬ»

— ...Кругом был глубокий снег и мороз — градусов двадцать пять-тридцать. Белое небо и белая земля — больше ничего, хоть бы точка вдалеке чернела какая-нибудь. Выдолбили хлопцы неглубокую яму, поставили шест и подняли красный флаг. Никто речей не произносил, но каждый в душе переживал. Сняли шапки, постояли полминуты, а может, и минуту: вот это наш флаг, это наш дом. И взялись ставить палатки, прямо на снегу. В палатках должны были установить печки-буржуйки, но это утром, а до темноты лишь брезент натянуть успели и легли спать. Лег и я, а сам думаю: застынут хлопцы, позаболеют. Глаз не сомкнул всю ночь — болит душа, да и только. Не застынут за ночь — так утром разбегутся... Ночью ведь всегда все мрачнее кажется. А с рассветом у нас кухня заработала. «Хлопцы, подъем! Печки ставить, благоустраиваться!» Гляжу, хлопцы мои вскочили с шутками, с прибаутками, вспоминают, что кому снилось. Отлегло у меня от сердца...

Так начал свой рассказ Марк Павлович Николенко, первый директор совхоза «Ждановский» Возвышенского района Северо-Казахстанской области.

— ...Никогда не забуду то утро, когда пахать целину начинали. Вышел я спозаранку в степь и замер: колышется под восходящим солнцем ковыль — как волны серебристые бегут по степи — красота... А мы эту красоту разрушить должны, природу поломать, которая здесь была извечно. Какую мы на себя ответственность берем перед этой землей — на годы вперед, на десятилетия, на века...

В кабинете, который любезно предоставил нам для беседы нынешний директор совхоза Владимир Маркович Николенко, полстены занимал рельефный макет центральной совхозной усадьбы. Названия улиц напоминали о первых новоселах: «Московская», «Сочинская», «Ярославская»... Многое из того, что было изображено на макете, я уже успела увидеть, так сказать, в натуре: Дом культуры, прекрасную школу с кабинетной системой

обучения на 640 мест, светлую, просторную столовую, магазин, утопающие в садах благоустроенные жилые дома...

— ...Первоцелинниками мы считаем не только тех, кто в пятьдесят четвертом к самому началу освоения приехал. Тогда еще романтика была. А пятьдесят пятый, пятьдесят шестой, пятьдесят седьмой... Вот тут люди хлебнули,— рассказывал Марк Павлович.— Снежные заносы, распутица... С жильем — рады-радешеньки, если четыре семьи в трехквартирный домик влезут — кухня тоже за комнату считалась. А сейчас в такой дом одна семья не всякая пойдет — всем нужны благоустроенные, с паровым отоплением, с газом, водопроводом. Так оно и должно быть — не век же трудности преодолевать. Но так, если глядишь из сегодняшнего дня в то время, то начинаешь понимать: даже не трудности это были, а настоящий героизм, и как ценишь этих людей, в суровое время проявивших советский характер. Я считаю, наш народ на более высокую ступень поднялся с целиной... Конечно, вместе с трудностями и радости были. Радовались тому, что сейчас, может, пустяком показалось бы. Москвичи привезли кошку — красивая, пушистая, на картинках таких рисуют,— сбежались смотреть на эту кошку, фотографировали ее во всех видах: первая кошка в хозяйстве! Приехала семья Тресневых — первая с ребятишками, да сразу с четверыми. Растащили тех детишек по палаткам, мать потом бегала, искала. Радовались, когда первый поросенок поднял визг, когда школу первого сентября открыли в одноквартирном домике. Это уже был действительно праздник. Играл духовой оркестр. Перерезали ленточку, и учительница Клава Головко вошла туда со своими шестью учениками.

Какие же неодолимые токи оказались у целины, если полными семьями, «от старых до малых», снимались с насиженных мест и ехали в заведомое неустройство... Между прочим, самому Марку Павловичу было уже за пятьдесят, но он считает ту пору своей второй «наикращей молодостью».

— ...Старший мой сын Геннадий в пятьдесят четвертом закончил Симферопольский институт. Получил я от него телеграмму —«Еду на Алтай», скорей на машину и в Булаево, к поезду. Встретились, обнялись.— «Поедем, сынку, посмотришь батькову палатку».— Заколебался он было, товарищи убедили: «Езжай, за вещами присмотрим, потом нас догонишь...»— Привез я его к себе: «Ну,

бачь, така ж целина, як и на том Алтае. Оставайся здесь».— Дали телеграмму в министерство, чтоб не считали его дезертиром, произвели перерасчет подъемных, остался он у меня агрономом. Это уж потом взяли его в облсельхозуправление, а на смену ему пришел младший, Владимир, тот, что сейчас вместо меня директором...

Еще до встречи с Николенко слышала я нечто вроде легенды: «Уходили два директора на пенсию. Пригласили их в обком партии и сказали: «Вы, товарищи, поработали на славу. Вывели свои хозяйства в передовые, воспитали себе преемников. Скажите, чего бы вы хотели сейчас, уходя на заслуженный отдых?» Первый директор попросил: «Дайте мне машину «Волга» и квартиру в городе».— «Ну что ж, пожалуйста. А вам?»— спросили другого. Тот, другой, был украинцем и, когда волновался, переходил на «ридну мову».—«Ничего мне не треба,— сказал он.— Тильки збудуйте у нашему радгоспи школу-десятиричку. А жити я буду тильки там, до самой смерти, и бильш нидэ».

Вторым директором был Марк Павлович.

Не просто вдали от строительных управлений, от коммуникаций выстроить современную типовую школу. В «Ждановском» был создан совет содействия строительству школы, и Марк Павлович, уже ушедший на пенсию, принял в его работе самое горячее участие. Отвергли несколько проектов, пока не остановились на самом подходящем. А добыча материалов, организация работ... Подъемный кран — и тот был проблемой.

В общем, пришлось Марку Павловичу на старости лет сделаться еще и прорабом. Запомнился ждановцам день, когда принимали новую школу. К изумлению собравшихся вдруг подогнали к зданию пожарную машину.

— А ну, поливайте крышу, да посильней!— скомандовал Марк Павлович пожарникам, а сам послал несколько парней на чердак: «Не течет?»— спрашивал он снизу.— «Не течет!»— кричали ему.—«Еще сильнее!»— И снова хлестали струи по шиферу под восторженные крики обступивших Марка Павловича детишек.—«Не течет?»—«Нет, не течет»—«Ну, добре, хлопчики!»— Весь он был тут, с его неукротимым молодым задором.

— Что я люблю,— говорил мне Марк Павлович,— так это деревья сажать. Обратите внимание на наше озеленение вокруг села. У нас больше ветры западные, они и летом не особенно приятные, пыль с полей несут, а зимой такие бураны — бывало, с улицы сверх крыш за-

носило. Вот и посадили мы с западной стороны села лесополосу. Теперь весь снег задерживается в поле — приятно по улице пройти, снежку насыплет лишь настолько, чтобы хорошо под ногами поскрипывало. Такую же лесополосу мы сделали с северо-востока. А с юга — пусть дует, эти ветры приносят нам благодать... Когда ехали с женой сюда, не особо надеялись, что будем фрукты из своего сада есть... Помню, поначалу у себя на усадьбе посадил две яблоньки. И первый урожай был: на одной — два яблока, на другой — три. Пошел на планерку, взял с собой одно яблоко, положил на стол: «Догадайтесь, откуда».—«Из Алма-Аты, что ли, прислали?»—«Не угадали. Наше яблочко, ждановское...» Теперь у нас совхозный сад шестьдесят гектаров. Сорок гектаров занимает «Роща Победы». Заложили «Аллею памятных событий». И еще. Зимой, бывало, бураны, а весной, летом после дождей — грязь непролазная. Занялись мы поначалу строительством грейдерной дороги, затем мало-помалу стали асфальтировать улицы, площадки возле домов. Все это на отчисление от прибылей. Люди видят: чем больше хлеба, молока, мяса дает совхоз государству, тем лучше и краше становится наш поселок. У всех такое чувство: с каждым посаженным деревом, с каждым построенным домом мы все глубже пускаем корни в эту землю, все более родной становится она для нас...

Поле целины... Нет ему равного в мире ни по беспредельности пространства, ни по величию судьбы. И чем дальше отодвигается от нас начало целинной эпопеи, тем с большим волнением вглядываемся мы в иссеченные степными ветрами лица тех, кто провел по этому Полю первую борозду, кто бросил в него самые первые зерна, и как дороги нам их простые, правдивые рассказы о том, как все начиналось...

Рядом со «Ждановским»— совхоз имени Молодогвардейцев. Братьями-близнецами называют эти хозяйства, потому что «родились» они в один день. Многие годы здесь работал главным инженером ветеран Великой Отечественной войны первоцелинник Григорий Фотеевич Поротиков. Ныне он на пенсии, но часто видят его люди в машиноремонтных мастерских, а во время жатвы — на току, возле зерноочистительных агрегатов.

— Первым производственным помещением,— вспоми-

нает Григорий Фотеевич,— была у нас кузница. Построили мы ее из дерна. Поставили три горна — лемеха надо же где-то оттягивать... Кусок этой кузницы у нас до сих пор стоит — огородили, бережем для музея. Пусть знают молодые, что не всегда у нас были такие роскошные мастерские, такие цеха, как нынче. Десять зим трактора прямо на снегу ремонтировали, от мороза руки к железу прикипали. Утром придешь — где машины? Одни сугробы... Давай откапывать... Как-то приехал к нам главный инженер облсельхозуправления Григорий Иванович Непрядько. Зимой дни короткие, пока доехал — уже стемнело.— «Чаепитие потом, поедем сначала посмотрим, как у вас тракторы ремонтируются». Приехали, осветили фарами наши «ремонтные мастерские». Ну, картина была. Вокруг каждого трактора — стены снега. «Как же ты тут справляешься?»— Не я, люди справляются». Подъемных механизмов не было — все бревнами, вагами... Первая механизация у нас в зерновом хозяйстве была такая: сначала ВИМы поставили, для очистки зерна, а потом уже стены из дерна вокруг них вывели и крышей закрыли. Семена туда засыпали и ползали по зерну — во весь рост не встанешь. Клуб у нас был в большой палатке. Кино смотрели и танцевали одновременно, чтобы ноги не мерзли...

«Мой отец — первоцелинник. Его направила партия — создавать совхоз в голой степи. А когда он был совсем молодым, он строил Комсомольск-на-Амуре, потом воевал с фашистами, дошел до Берлина. Я горжусь своим отцом! Он никогда не искал легких дорог в жизни...»

Эти строки — из школьного сочинения сына Григория Фотеевича — Юры Поротикова.

...Целина, молодость, романтика... Романтика? А в сущности что это такое? Не мешает порой заглянуть в словари, чтобы глубже понять смысл привычного, даже затертого слова. Толкуется оно по-разному: «Романтика... элемент чувства, эмоциональной оценки чего-нибудь...» «Романтика... преобладание чувства и воображения над рассудочностью и индивидуализмом...»

В совхозе «Кузбасс» Ленинградского района Кокчетавской области я познакомилась с ленинградкой-первоцелинницей Александрой Алексеевной Алексеевой. Впрочем, Александра Алексеевна она только по докумен-

там — всё взрослые зовут ее Шурочкой, как и четверть века назад, а дети в садике, где она работает нянечкой,— тетей Шурой. Прибежала, запыхавшаяся:

— Что, опять по жалобе?

— Нет, Шурочка, на этот раз не по жалобе,— усмехнулся секретарь парткома Константин Константинович Погожев.— Вот, интересуются, почему вы на целину приехали.

— А как же!— всплеснула она руками.— Как иначе-то? Романтика... Это же время какое было... Я на заводе работала, жила в общежитии. Утром в шесть радио включают —«вставай, девчата...» Глаза слипаются, сразу не проснешься, а уж сквозь сон слышишь по радио все про целину — и песни, и рассказы. «Девчата, поехали, хуже всех мы, что ли?» Сразу нас пятьдесят девушек в «Кузбасс» прибыло из разных краев. А тут самое половодье, пока добрались, промокли, намерзлись. Глядь — баня топится, а мы-то думали, тут еще ничего нет. Вымылись, приоделись — и в контору. Кого в поварихи, кого в прицепщицы...

— А потом? Потом, Александра Алексеевна?

— Потом...— она задумывается.— Все было, всего хлебнуть довелось. Уехали многие мои подружки, не выдержали.

В самом деле, каково это было пусть и не очень изнеженным горожанкам... Месить глину для самана, ковырять мерзлый навоз и силос в дырявом коровнике, просыпаться утром и видеть иней у губ на одеяле... Беречь каждую каплю воды, потому что неизвестно, привезут ли ее завтра или послезавтра, а пеленки надо стирать, и готовить надо, муж с поля вернется усталый... Цепенеть от горя и страха над больным ребенком, фельдшерица сказала — везти в райцентр в больницу, а буран третьи сутки, не пробьешься... Самой нездоровится, самой худо, но до себя ли тут?

— А я думала — по жалобе... В торговле если непорядок или в бытовом обслуживании, пенсию, скажем, кому начислят неправильно, вот ко мне и обращаются... Вместе пишем, добиваемся...

Все выдержать, выстоять, вырастить троих сыновей, быть верной опорой и подмогой мужу,— кстати, он, Николай Мещеряков, один из лучших механизаторов совхоза,— и остаться прежней Шурочкой, веселой, неугомонной, отзывчивой на чужую беду,— для этого и впрямь нужно сохранить в душе истинную романтику — высокое

чувство, «преобладающее над рассудочностью и индивидуализмом».

По дороге из Кокчетава к райцентру Ленинградскому издалека виден зеленый оазис в степи. В конце дороги-аллеи белеет здание с колоннами. Тридцать лет назад ничто не привлекло бы нашего взгляда в пустынной степи, не было здесь ни кустика, ни деревца, и дороги к райцентру не было, как, впрочем, и самого райцентра: Ленинградский — первый в стране чисто совхозный район — был создан в 1955 году.

В одном из музеев города Ленина хранится комсомольская путевка Виктора Михайловича Афанасьева, по которой он приехал на целину. Токарь, мастер «золотые руки», добрый и терпеливый наставник молодежи, он и сейчас продолжает трудиться в совхозе «Ленинградский».

Весной пятьдесят четвертого прибыли сюда первые новоселы, из них пятьдесят семь с берегов Невы, с завода имени Кирова, потому и назвали совхоз —«Ленинградский». Ныне это крупное зерновое и молочное хозяйство, только посевы пшеницы занимают 17 тысяч гектаров. На специализированном межхозяйственном комплексе выращивается пополнение для дойного стада района.

Николай Степанович Синец работал в Одессе, слесарем на судоремонтном заводе. Что заставило его на том памятном цеховом собрании одним из первых подняться и сказать: «Я поеду»? Безотчетный порыв или осознанное желание испытать в трудном деле свои силы?

— Главное было — ощущение, что ты един со всеми.., что все, кто едет на целину, как бы твоя родня, что ли. И ты без них никто, и они без тебя...

— Как бы то ни было, след свой на земле мы оставили,— подхватывает Валентин Петрович Ищук.— Первая борозда здесь, в степи, была проложена Николаем Ивановичем Осадчим 4 мая 1954 года в десять тридцать утра. Теперь там поле № 3 четвертой бригады. А тогда наша бригада была первая и бригадиром у нас был фронтовик Никита Макарович Авдеенко. Помню, перед Девятым мая он говорит нам: «Хлопцы, в честь Дня Победы мы должны дать рекордную выработку».— И мы в ночь с восьмого на девятое зажгли фонари и работали посменно, чтобы трактора не стояли. Любили мы своего бригадира, он для нас вместо отца был...

В Ленинградском районе есть соленое озеро Киши-Карой. Говорят, что после освоения целины,— видно,

сказались какие-то геофизические причины,— здесь почти перестали бродить «призраки». А бывало, поднимались переливающиеся огнями столбы, метров на двадцать высотой, и аксакалы говорили, что это аруаки — духи... Здесь, на этой земле, вокруг Киши-Кароя, жили родители, деды и прадеды Саттыбая Кажкенова. Отец его, Кажкен Тынышбаев, боролся за установление советской власти в этих местах, проводил коллективизацию, был одним из первых председателей колхоза, а Саттыбай вместе с киевскими рабочими с завода «Арсенал» и первоцелинниками из других мест создавал на базе этого колхоза совхоз «Бостандыкский».

Вначале было всего восемнадцать коммунистов. Двадцатипятилетнего Саттыбая избрали заместителем секретаря партбюро.

— Чаще всего вспоминают об огромном напряжении человеческих сил, нехватке жилья, производственных помещений,— говорил мне Саттыбай Кажкенович.— Но нам приходилось сталкиваться и с другими трудностями, так сказать, морального плана. Некоторые аксакалы от меня чуть ли не отворачиваться стали: «Распахиваете угодья, на которых извечно скот пасли. Всю жизнь перевернули, вот и духи предков оскорбились, перестали показываться над Киши-Кароем...»

Потребовалось время, чтобы людям стало ясно, какие плодотворные перемены принесло в их жизнь освоение целины.

— Взять хотя бы школу,— говорил Саттыбай Кажкенович.— Была у нас одна десятилетка на два района, если считать по нынешнему административному делению... От нашего Бостандыка 120 километров, а от колхоза Чапаева и того дальше —250. Вот так, соберемся старшеклассники, быков запряжем, вещи на арбу, а сами пешком... А теперь посмотрите, самое красивое здание в совхозном поселке — непременно школа. Дом культуры, библиотека, детский сад — все это само собой разумеется как и то, что в каждом доме телевизор, холодильник, стиральная машина... Да что тут говорить... Помните в романе Ильяса Есенберлина «Прикрой своим щитом»: «Целина — это техника, раз. Целина — это культура, два. Целина — это дом вместо юрты, газ вместо кизяка, это одежда, как в городе...»

Одной из лучших школ в Ленинградском районе слывет Чистяковская средняя. Как и другие хозяйства района, «Чистяковский»— совхоз интернациональный, но

что сразу отмечаешь, зайдя в школу,— дети здесь одинаково хорошо говорят и по-русски, и по-казахски.

Чистяковка была основана русскими переселенцами в 1903 году рядом с двумя небольшими казахскими аулами — впоследствии, в годы коллективизации, они слились в одно хозяйство. Восемьдесят лет — срок немалый, за эти годы многие русские и казахские семьи успели породниться. Вместе строили новую жизнь, вместе переносили военные и послевоенные тяготы, и общий памятник воздвигнут в центре села чистяковцам, павшим в боях за Родину под Ленинградом, на Курской дуге, на Украине... Юные следопыты Чистяковской школы переписываются со школьниками тех мест, где похоронены сыны Казахстана.

Обо всем этом рассказала мне директор школы Сара Тлеубаевна Жаканова. По тому, как уважительно относятся к ней в совхозе, чувствуется, что эта хрупкая невысокая женщина — не просто руководитель педагогического коллектива, что в делах хозяйства она играет особую, заметную роль. Впрочем, так оно и должно быть, ведь от того, как поставлено обучение и воспитание в школе, зависит будущее хозяйства. Многие чистяковские выпускники трудятся на полях и фермах, немало среди них агрономов, врачей, учителей, и все они получили трудовую закалку в ученической производственной бригаде «Рассвет».

Бригадира Аскербека Жакулина впору принять за студента: одухотворенное лицо, серьезный взгляд сквозь очки, и только мускулистые крепкие руки выдают привычку к физическому труду.

— Расскажи, Аскербек,— говорит Сара Тлеубаевна,— как вы участвовали в областном конкурсе стригалей.

Рассказывает просто, без рисовки:

— Собралось нас в Кокчетав 30 человек со всей области. Гляжу — я на шесть лет младше самого младшего. Непонятно? Ну, мне шестнадцать, а тому двадцать два, остальные старше... Распределили нам по десять овец, остричь их нужно за сорок минут, и не как-нибудь, а по всем правилам, чтобы без порезов, чтобы шерсть шубой снять, а не клочьями. Ну, я вижу, придется выложиться. В первом туре участвовали прошлогодние чемпионы. Приглядываюсь к их методам, приемам — и обнаруживаю: могу на что-то надеяться. Во втором туре, мы, новички, приступили. Приказываю себе не волноваться, на часы не смотрю, а все равно какой-то внутренний хро-

нометр работает. Четыре минуты — овца. Где-то на середине второе дыхание пришло, полегче стало. А когда закончил, гляжу — еще несколько минут моего времени осталось. Только тут почувствовал, что взмок весь, будто искупался. Пошли с ребятами, походили часок, вернулись — жюри объявляет результаты. Когда сказали, что у меня первое место, я не поверил сразу, потом только обрадовался.

Аскербек — сын большой, уважаемой в совхозе семьи. Совхозный ветеран Бейсебек Рамазанович и мать-героиня Айман Жакулины с малых лет приучают детей к труду, в семье много книг, все, от мала до велика, увлекаются фотографией, спортом, музыкой. Десять сыновей и дочерей Жакулиных отлично учатся, три старших сестры уже поступили в педагогические вузы, чтобы вернуться учительницами в родное село.

— Все начинается с семьи,— говорит Сара Тлеубаевна.— Возможно, вы скажете, что семейство Жакулиных не совсем типично, все-таки отец ветеринарный врач. Но вот у чабана Дюсембая Хамзина тоже десять детей, способные, старательные, одни, получив специальность в ученической производственной бригаде, остаются сразу после школы в совхозе, другие поступают в вузы и техникумы и возвращаются домой специалистами, как старшие сыновья Беркут и Аманжол, ныне работающие электриками, как Лязат — экономист... В семье Хамзиных большая библиотека, много музыкальных инструментов, все говорит о достатке, дружбе и взаимном уважении.

Один из руководителей и наставников ученической бригады — муж Сары Тлеубаевны, учитель биологии Елеусиз Баймагамбетович Муталляпов. Родом он из Чкаловского района, соседнего с Ленинградским. Отец ушел на фронт через год после его рождения, ушел навсегда... До четырнадцати лет Елеусиз ни разу не выезжал из родного аула, затерянного в степи, и —«хотя вам это, может, и странным покажется»,— совершенно не знал русского языка. Парни, приехавшие поднимать целину, показались ему пришельцами с другой планеты. Прибыли тракторы ДТ-54. Весь аул дивился на гусеницы: что за странные колеса! Местных жителей стали приглашать работать прицепщиками, собрался и Елеусиз, но мать запретила и близко подходить к этим страшным машинам, от которых все в доме трясется и стекла звенят. И люди чужие, неизвестно, что у них на уме... И тог-

да мальчуган тайком удрал в ночную смену. Были еще заморозки, он надел старое ватное отцовское пальто с непомерно длинными рукавами. Это пальто и подвело: при регулировке агрегата вместе с рукавом угодили под тяжелый лемех пальцы.

...— Я сначала думал — просто рукав прищемило, боли не чувствовал. А выдернуть не могу. Кричу Петру, трактористу — он уже трогаться собирался, высунулся из кабины, что-то мне говорит по-русски, а я ему опять по-казахски, что руку вытащить не могу, и оба друг друга не понимаем. А когда он выскочил, подбежал, увидел, что со мной,— и сам побелел...

Расплющило в лепешку два пальца. Елеусиз плакал, просил: «Не отрезайте, как я буду на домбре играть».

— Что он говорит? — спросил русский врач. Ему перевели. Хирург поистине сотворил чудо: по сосуду, по нерву слепил пальцы заново, да так, что по-прежнему заслушивались люди юного домбриста...

До того, как поступить в институт, Муталляпов успел поработать трактористом, комбайнером, до сих пор никто в совхозе лучше его не свершит скирду, ни один сенокос без него не обходится, да и во время уборки зерновых не упускает случая посидеть за штурвалом комбайна. Уроки его всегда увлекательны, всегда связаны с тем, что близко и дорого детям, и мир растений и животных познают они не только по книгам, но и в поле, на лугу, на ферме...

В Ленинградском районе каждое лето работает студенческий строительный отряд.

«Хочется, чтобы о нас, студентах Ленинградского педагогического института имени Герцена, осталась добрая память в сердцах целинников, чтобы долгие годы дарили уют, спокойствие и радость построенные нами дома, чтобы в клубе, отремонтированном нашими руками, звучала музыка, смех и каждый вечер загорался киноэкран, чтобы скоту хорошо зимовалось на фермах, которые мы старались делать на совесть...» — писал в районной газете «Совхозная правда» боец ССО «Росич» С. Лапшин.

Рабочий день закончен. Вместе со студентами идем в старое здание клуба, где они живут. Ребята показывают свое жилье, здесь все оформлено с любовью, с юморком, даже уголок техники безопасности, где на видном месте

красуется башмак с подошвой, проткнутой гвоздем (не бросай гвозди где попало); в столовой — изображение добродушной коровы с бантиком на рогах: «Студенты! Пейте молоко — оно полезно!» Рядом со спортзалом — «бар», подаются коктейли, а порой, за неимением составных частей к оным, просто компот из сухофруктов. В комнате отдыха, под рубрикой «Страна друзей» — большой фотомонтаж, посвященный Вьетнаму,— в отряде работают и молодые вьетнамцы.

Рикардо Хименез Гарсия, Бенус Гонзалес Эрнандес, Эдди Симора Ортиз — студенты из Никарагуа. На освоенной целине им все интересно, все «примеряют» они к своей, только что вступившей на путь социализма родине... Сок Сетхи, Ху Ритх приехали из многострадальной Кампучии... Гассан Саид Яку — из Ирака, Аххарпаж Абделатиф — из Марокко. В Ленинградском районе трудятся молодые посланцы Чехословакии, Кубы, Монголии, Лаоса, Финляндии, Доминиканской республики, Мадагаскара. Слово «целина» навсегда останется для них рядом с такими словами, как «дружба», «мир», «Ленинград»...

«Ленинградцы, дети мои...» — возможно, Томасу Штрелову из ГДР уже известны исполненные боли и любви строки:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи...

Война преходяща, вечен труд на земле. И Томас Штрелов, боец ССО «Континент», будущий киноинженер, строя жилые дома в совхозе «Ащигольский», как и Сергей Лапшин, хочет, чтобы они были уютны и добротны, и потому не может равнодушно относиться к неполадкам на стройке и тоже пишет в районную газету. «Выполнение нашей работы для нас — дело чести. Только одного жалко. Несколько дней я наблюдаю противоречие, которое трудно понять. Совхоз хочет, чтобы мы строили дома, но не дает нам своевременно материалы или технику. А ведь можно найти резервы и повысить производительность». И еще пишет Томас, что появились у него здесь добрые друзья, что он увезет с собой в ГДР «много-много воспоминаний»...

Студентов из-за рубежа здесь так много, что иногда и своих не узнаешь. Как-то я беседовала с секретарем

парторганизации совхоза «Кузбасс» Константином Константиновичем Погожевым, он рассказывал, что провожали накануне ребят из Вьетнама и с Мадагаскара. Вдруг открылась дверь, в кабинет заглянул парень в зеленой стройотрядовской куртке, с такой густой черной бородой, что лишь глаза и зубы сверкали, и без какого-либо ощутимого акцента спросил по-русски:

— Константиныч, как насчет машины?

— Сейчас, погоди.

Парторг вышел, а я стала гадать, кто этот парень — по бороде словно с Кубы, а по-русски великолепно говорит. Возвратился Константин Константинович и, смеясь, разрешил мои сомнения:

— Да это же наш, чистейшей воды казах...

Всех студентов из-за рубежа, особенно не из социалистических стран, поражает атмосфера дружбы и взаимопонимания, которая царит на целине среди людей разных национальностей. Сара Тлеубаевна мне рассказывала, как однажды вместо ответа на вопрос «как вам это удается?» — она предложила гостям посмотреть, как дружно играют в совхозном детском саду русские, казахские, украинские, немецкие малыши. С первых шагов — вместе. Вырастут — пойдут в школу, неужели станут враждовать?

Вспоминается костер на берегу озера Котырколь, где каждое лето отдыхают ребята из Ленинградского района. Сначала, как водится, была веселая суматоха, каждому хотелось подбросить в огонь хоть веточку, хоть хворостинку... А потом все притихли, глядя на языки пламени, которые то никли к земле, то взлетали ввысь, отбрасывая блики на темную гладь озера. И тогда Елеусиз Баймагамбетович взял в руки баян... Пели разные песни, и русские, и казахские, но особенно запала в душу одна — о родной земле...

Малым зернышком упаду в тебя —
Спелым колосом вернусь, —

трогательно звонко выводили детские голоса, а мне подумалось: не в том ли смысл всей жизни человеческой, чтобы, завершая ее, можно было сказать людям: «Я вернусь к вам, родные мои... Теплым домом и плодоносным садом. Хлебным колосом и беспечным детским смехом. Я к вам вернусь...»

ВСТРЕЧИ В ПУТИ

ЧТО ЛЮДЯМ, ТО И НАМ

Как ни старалась Прасковья, глаз сомкнуть не могла: что-то ждет ее? А вагонные колеса выстукивали, выговаривали: «Что людям, то и нам, что людям, то и нам...»

Совсем недавно поженились они с Михаилом, и ведь как получилось: у него была девушка, и за Прасковьей парень ухаживал. Михаил работал на стройке в Москве, а в родную деревушку на Смоленщине по выходным наведывался, и то не каждую неделю. Соседями, почитай, были, на одной улице росли; встретятся —«Здравствуй, как живешь?»— вот и весь разговор. Но однажды плясала Прасковья на вечёрке и почувствовала чей-то взгляд в упор. Оглянулась — Михаил Антоненко. «Чего он?»— удивилась, и вдруг щеки как запылают! Видно, часу своего ждала их любовь, чтобы вспыхнуть разом. Ни слова еще не было сказано, а уж твердо знала Прасковья: вот он, ее суженый, и никто другой. Будто все весны до этого зря цвели, и смех ее, и песни, и пляски ни для кого были.

Нежданной-негаданной была для всей родни эта свадьба, и не знала Прасковья, что вскоре еще круче повернется судьба. Вещи увязывала, напевала, Михаила ждала. Сообщил: «квартиру снял, приеду — заберу тебя»...

Но стоило при встрече взглянуть в его лицо — поняла: что-то не так. «Говори, не томи, что случилось? В квартире, что ли, отказали, так потерпим, Мишенька...» А он достает комсомольскую путевку: «Не сердись, Пашуня, вся бригада наша едет на целину, как мне отставать?»

В такую даль, неизвестно на сколько... Уже слышится Прасковье, как соседки судачат: «Выскочила замуж очертя голову, вот и осталась брошенкой!..»

«Поеду с тобой!»—«Да куда ж ты — девчат не берем, в степи, на голом месте, будем совхоз строить...»

Уехал, а через месяц письмо: «Приезжай, жду. Толь-

ко не пеняй, если трудно будет... В палатках живем, воду из снега таем, и мерзлый хлеб топором рубим...» Улыбается Прасковья в темноте. Ишь, напугал. А без него каково? Что людям, то и нам...

На станцию Жаксы Михаил Антоненко приехал не просто встречать жену. Тракторы получили, посевную технику. Пора бы и восвояси, а поезд опаздывает — заносы снежные.

«Ладно, хлопцы, семеро одного не ждут. Езжайте — догоню».

Промчался последний вагон, захлебнулась Прасковья резким ветром, хлынувшим из открытой степи. Вот она, со всех сторон расстилается —плоская, как доска.

— В какой стороне хоть совхоз-то наш, Мишенька?

— А вон в той...

Змеилась поземка, стирая грань между землей и небом, и где-то там, за этим зыбким пределом, предстояло Прасковье с Михаилом начинать новую жизнь...

В дни жатвы 1978 года я побывала в Державинском районе Тургайской области. В совхозе «Братолюбовский» ночевала в доме секретаря парткома Михаила Яковлевича Антоненко.

В просторной горнице сверкала нарядная люстра. Со стен смотрели фотографии дочерей Люды и Светы — обе студентки, в родной дом только на каникулы приезжают, а мать все не решается расстаться с их игрушками — так и сидят куклы на шкафу, может, и внучек дождутся. Намотавшись за день на велосипеде, крепко спал в соседней комнате последний, любимец, баловень Валерка... Дело двигалось к полуночи, воспоминаниям не было конца...

— Затолкали кое-как мы с Михаилом вещи в кабину трактора,— рассказывала Прасковья Ивановна.— Подушки он мне на голову приспособил, больше некуда, теплей, говорит, будет. Едем-едем, ни жилья, ни кустика, и степи конца-краю нет.

— Что же здесь будет?— спрашиваю.

— Хлеб будет.

— По всей степи?

— По всей. Вот сколько снегу — столько хлеба.

И верится, и не верится. Буран задул, дорогу пробивать пришлось. Сутки минули, а мы все в пути. То вздремну, то очнусь, гляжу — у мужа глаза слипаются. «Ты, если что, говорит, толкай меня под бок, не спи, Паша, очень тебя прошу, перемогись, не спи...» Мотор гудит,

снег в стекла лепит, так и клонит в сон. Вдруг как тряхнет! Чувствую, накренилась машина, уже на грани, что перевернемся.— «Сигай!— кричит Миша.— Сигай из трактора!»— А я одурела, ничего не соображаю. Выскочил он, распахнул дверцу, рванул меня за рукав, так я с подушками и с чемоданами вывалилась. А он опять в кабину, выровнял трактор и поехал, не оглядываясь,— рассердился, что я уснула и за ним не уследила. Стою посреди степи, и такой смех разобрал — знаю, все равно остановится, никуда не денется.

— Был бы тебе смех, если б перевернулись,— проворчал Михаил Яковлевич и потянулся за огурцом.— Дай-ка, мать, вот этот, аккуратненький, да не режь, что, ты не знаешь, я больше целые люблю. Привыкнуть пора бы, два года до серебряной свадьбы.

— Не два... Год...

— А словно вчера все было, а, мать? Вот и дочерей из дому проводили, а все будто молодые. Так же, как сегодня, частенько сядем вечерком за стол и давай вспоминать... Как все у нас начиналось.

И с такой нежностью взглянул он на жену, что Прасковья Ивановна, резавшая помидоры, смутилась и сказала невпопад:

— Соль какую нынче крупную в магазин завезли, мешаешь-мешаешь в миске, а все на зубах хрустит... Миш, а помнишь, как Сединкин Юрка женился на Кате-поварихе? Весь совхоз гулял. Как раз тюльпаны цвели, так их с головы до ног цветами обсыпали. Директор канистру спирту добыл, водки-то в помине не было, и пять мешков сухой картошки — мы из нее пюре заварили, вот лакомство-то было!

— Все сплошь молодые были, один дед Бурьян со Ставропольщины приехал пенсию зарабатывать. И пенсию заработал, и все равно остался, здесь и помер... И ведь не было такого, чтоб сильно гнались за рублем, а, мать? С Есиля один шофер подвез пассажира и взял с него пятерку, а кто-то узнал. Что тут было... На круг поставили: «Ты нас опозорил, какой ты целинник после этого...»

— И хорошего было, и плохого. С Людой грудной и хлебнула я, особенно в зиму. В одной комнатушке две семьи, занавеской разгорожены. Пока буржуйка топится — тепло, а к утру лед в ведре. Михаил все больше в поездках, технику в совхоз доставлял, так и прозвали его —«Антон Транспортный»... По трое суток, бывало,

нет, где-то в степи сквозь буран пробивается. Изведусь вся: были случаи, в степи замерзали. Приедет: «Чего ревешь? все в порядке. Коленки мерзли, так я их соломой прикрывал».

— Да будет тебе, мать. Ты вспомни, как Валерка у нас родился. Я, признаться, давно о сыне мечтал. Первая — дочь и вторая — дочь. Кто третий будет? Как раз посевная в разгаре. Директорский газик подъехал. Зовут меня. Подошел, а по рации: «Михаил Яковлевич Антоненко! Поздравляем вас с сыном!» Своими ушами слышал, а не верю. Вечером приехал домой — Люда во дворе, платьишки стирает.

— Где мамка?

— В больнице. Она братика купила, ты же оставил пятьдесят рублей.

Я бутылку шампанского, конфет — и к акушерке:

— Клавдия Дмитриевна! Покажите сына!

Смеется:

— Смотри, Фома неверующий...

Семьи первоцелинников... Разные по происхождению, по укладу, они жили одним стремлением, решали одну задачу, поставленную Родиной, партией,— освоить, пробудить к жизни, сделать плодородными эти суровые земли... Выдержав труднейшее испытание на прочность, отличаются ныне эти семьи особым ладом, бережным отношением супругов друг к другу: «все будто молодые...»

— Да, целина стала для нас второй родиной,— говорил Михаил Яковлевич.— На Смоленщине и дом родительский еще цел, и сад большой — яблоки с него соседи разбирают. А мы съездим, повстречаемся с родичами, да и домой. Слишком много сил и души этой земле отдано. Мы ее, действительно, «полуживую вынянчили». Все было: и черные бури, и неурожаи нескольких лет подряд. Поднять-то целину было проще, чем научиться на ней хозяйствовать.

— Михаил Яковлевич, а почему у вашего совхоза такое название —«Братолюбовский»?

— Точно сказать не могу. Мы ведь не здесь начинали, а в «Нахимовском», за Ишимом. Разные слышал толкования, но главная суть, я считаю, вот в чем. Когда мы приехали поднимать целину: русские, украинцы, белорусы,— хозяева здешних мест, казахи, нас, как родных братьев, встречали. Потому и назвали совхоз «Братолюбовский»...

В субботу я решила съездить в колхоз «Кызыл-Тан». Командировка моя, правда, уже кончалась и билет в Алма-Ату был взят на воскресный самолет, но не давал покоя рассказ Георгия Григорьевича Берестовского.

«... А в колхозе «Кызыл-Тан» земля была сплошь распылена, не за что было и корням зацепиться. Центнер пшеницы на гектар высевали, а собирали тридцать килограммов... Нынче там на круг по девятнадцать центнеров выходит, а одно поле, гектаров в шестьсот, наверняка даст по тридцать пять. Вы знаете, я был поражен, когда мне его показали...»

Казалось, чего проще — прийти к семи утра на автовокзал, взять билет до райцентра Щербакты, а там явиться в райком: «Здравствуйте! Помогите, будьте добры, транспортом до «Кызыл-Тана». Что в райкоме кто-нибудь есть, я была уверена: павлодарское областное радио вечером в пятницу сообщило, что 9-е и 10-е сентября — суббота и воскресенье— в Щербактинском районе объявлены ударными: район сдавал государству зерно в счет второго плана, а колхоз «Кызыл-Тан» уже выполнил план трех лет и приступил к четвертому.

Подумать только: еще семь-восемь лет назад Павлодарская область считалась эпицентром пыльных бурь на освоенной целине, а Щербактинский, Майский и Лебяжинский районы — «эпицентром эпицентра», если можно так выразиться.

Добраться до «Кызыл-Тана» оказалось не так просто, как я рассчитывала: билеты на Щербакты были проданы еще накануне. Пришлось идти на железнодорожный вокзал, благо, он в Павлодаре рядом с автобусным. Поезд в нужном направлении проходил лишь в 12.20.

В привокзальном киоске «Союзпечати» продавалась брошюра со статьей украинского бригадира А. Гиталова «Дума о хлебе», газеты — центральные, республиканские, областная — все в один голос о хлебе.

«...За самоотверженным трудом хлеборобов Урала, Казахстана и Сибири следит вся страна»,— говорилось в передовой «Правды».

«Сейчас в наиболее перспективных земледельческих районах Советского Союза идет энергичная борьба за каждый колос»,— это уже «Франкфуртер Алгемайне», западногерманская газета; и английская «Таймс» о том

же, и американская «Вашингтон пост» — там, судя по международному обозрению, пристально следили за битвой, развернувшейся на наших хлебных полях.

По небу неслись черные тучи, набухшие дождем, возможно, и снегом; на путях стоял состав с тесом, так воробьи, как зимой под застрехи крыш, прятались меж торчащими досками; по перрону шествовал аксакал в овчинном тулупе до пят, снисходительно поглядывая на девчонок в босоножках, приплясывавших на ледяном ветру.

Наконец подошел наш состав, и озябшие пассажиры ринулись в вагоны.

На пыльном стекле вагонного окна расплылись первые крупные капли дождя. «Съездила в поле», — мысленно поздравила я себя.

Толстая тетушка, замотанная в шаль, отчаянно кричала кому-то за окном: «Поросятам я наварила! Слышишь? Да поросятам же! Наварила! Иди домой, простынешь! Домой иди!»

Поезд тронулся и пошел, моя попутчица опустилась на скамью и сокрушенно сказала:

— Старик у меня дома остался, муж... Как дите малое, весь дом ширкопытой пойдет... Не знаю, что будет, когда приеду.

— А чего ж бросаете? — спросила женщина напротив, раздевая мальчика лет пяти.

— Бросишь, как припрет... Дочка позвала, вот и еду... Дочка у меня старшей лаборанткой на хлебоприемном. Еще в августе писала: «Мама, приезжайте, как начнется уборка». Ну, старик мой ни в какую — я и напиши: «Не, доча, троих я тебе вынянчила, а теперь уж нету наших сил. И отец болеет». Так она опять: «Ой, мама, приезжайте. Ленка с Валькой в школу пошли, теперь я пропала». Зять на комбайне, она тоже специалист, старшая лаборантка на хлебоприемном, ясно, зерно день и ночь везут, а дите грудное... Да она что еще приписала: «К нам с других республик приехали на уборку, а вы, мама, под боком и не можете».

Поезд набавлял ход, остались позади трубы павлодарских заводов, многоэтажные новостройки жилых кварталов, промелькнули дачные домики.

На картофельных полях копошились люди, густо стояли под завязку наполненные мешки, низко стлался дым костров, вездесущие мальчишки ворошили угли палками — пекли картошку. Но вот и картофель остал-

ся позади, и поезд помчался, будто по гигантским шпалам: аккуратно нарезанные полосы с обеих сторон тянулись от насыпи к горизонту, то теряясь в дождевой мгле, то золотясь под лучами выглянувшего из-за туч солнца. Пшеница зреющая, пшеница скошенная, житняк, пары — и все полосы, полосы...

Мне казалось, что поезд идет слишком медленно, подолгу задерживается на разъездах и станциях. В тучах над полями то появлялись светлые прогалины, то начинал хлестать по стеклам дождь. Наконец, показались вдали башни элеватора, и в вагоне прозвучало долгожданное «Щербакты».

В безлюдных коридорах райкома гулко отдавались мои шаги, лишь на втором этаже, в приемной секретаря, дежурил у телефона паренек.

— Никого нет. Все разъехались по хозяйствам. И первый секретарь, и второй, все, кто был, все разъехались.

— Но мне бы как-нибудь добраться до «Қызыл-Тана»...

Дежурный растерянно взглянул на меня и потянулся к телефонной трубке:

— «Қызыл-Тан»! «Қызыл-Тан»!— названивал паренек по телефону.— От вас куда хлеб на элеватор возят? Не в Щербакты? Нет, в Маралды? Ах, ты ж... Да тут у нас товарищ из Алма-Аты хочет до вас добраться. Там у вас парторг есть? А председатель? Ну, я понимаю, в конторе сейчас никто не сидит. Фу ты... Что? Автобус в четыре? Правда, как же я... Ну, спасибо.

Он положил трубку, взглянул на часы:

— Полчетвертого. Вы можете уехать на автобусе. Я сейчас позвоню на автостанцию, узнаю, есть ли билеты до «Қызыл-Тана». А здесь я вам номер в гостинице закажу. Обратно-то вас привезут.

Черная косматая туча с крутящимися воронками до самой земли неслась на село. Люди бежали по улице, спеша укрыться. Только вбежала я в домик автостанции, как хлынул ливень.

Маленький зал ожидания был набит битком, люди стояли вдоль стен, толклись на середине зала:

— Ну, уборка нынче...

— Это что, теперь на сутки зарядило?

— А кто его знает?

Я вышла из духоты под небольшой навес.

— В «Кызыл-Тан»?— спросил аксакал, бравший со мной билет.— И я туда. Вместе поедем...

Поля «Кызыл-Тана» ливень, похоже, не зацепил, а, может, только чуть поморосило, потому что в воздухе не было пыли и все вокруг виделось чисто, отчетливо: пшеничные поля, поселок вдали и в лучах низкого солнца гладко блестело большое озеро.

Автобус поравнялся с темно-зеленым полем, по которому сновали, как жуки, машины-прессподборщики, упаковывая в брикеты подсохшее сено.

— Тут травы не было,— говорил мне Саттар Рахимжанов — так, оказывается, звали моего попутчика.— Ничего не было. Только песок. Овец пасти было негде, совсем плохо стало. А потом стали траву сеять. Теперь есть где отары пасти и сена много.

Сам он всю жизнь проработал чабаном в колхозе, да вот заболел, лежал в районной больнице, а теперь выписался и возвращался домой.

— Ты сразу к парторгу Санитасу Оспанову,— поучал он меня.— Он тебе и покажет все, и расскажет. Человек грамотный, учителем работал, и фронтовик. Его у нас все уважают.

Саттар вышел из автобуса на окраине села.

— А ее к правлению, к самому правлению подвези,— приказал он шоферу.

— Что вы здесь делать будете?— недоуменно спросил шофер.— Закрыта уже контора. Садитесь, поедем обратно.

Правление и впрямь было закрыто. Как с утра не повезет... Да и вся эта затея сплошная блажь...

— Спасибо, я останусь.

Автобус развернулся и ушел, а я осталась посредине пустой улицы, нещадно понося в душе самое себя.

По улице шла девушка.

— Где живет парторг?

— А вон там. Идемте, я вас провожу. Ой, кажется, он сам едет... Точно, он...

Удлиненное — нос чуть с горбинкой — лицо парторга если и отразило какие эмоции при виде меня, так, пожалуй, лишь отчужденное недоумение. Официальным, как мне показалось, даже слишком официальным тоном предложил пройти в контору, сел за один стол, мне указал на соседний — «так вам будет писать удобней...»

— Слушаю вас.

— Санитас Оспанович, извините, что не ко времени приехала. Хотела пораньше, да вот не вышло. Мне рассказывал о вашем хозяйстве Георгий Григорьевич Берестовский.

Кажется, я начала с того, что нужно. Скованность исчезла.

— Георгий Григорьевич... Ну как же! У нас с ним давняя дружба. Ветровая эрозия нас было под корень подкосила, хоть криком кричи — где хлеб сеять, как план выполнять. Приехал Берестовский, повезли мы его в поле. Вышли из машины, глядим, как барханы по пашне гуляют. Пустыня... Он только вздохнул: «Да-а»... А мы на него смотрим, как сын на врача, когда мать помирает... Так вот, помог нам Берестовский достать семян житняка, и посеяли. Боялись, не примется, так распылена была почва. Ничего, взялся. В шестьдесят третьем году у нас было тысяча двести гектаров житняка, а к 1966 году — уже семь тысяч, и сено для скота было, и выгода от продажи семян. А главное — земля — медленно, но поправлялась. Теперь наши поля не узнать. Нынче выполняем уже четвертый годовой план поставки зерна государству, дали слово — выполнить шесть. Знамя вот нам присудили переходящее, от обкома партии.

— Санитас Оспанович,— нерешительно попросила я.— А нельзя ли сейчас проехать в поле, на ток? Если, конечно, вы не устали...

— Чего там, какая усталость? Когда урожай хороший... Вот когда у нас плохо было, тогда уж не до гостей. Да к нам никто из журналистов не ездил. А на днях нашего комбайнера Жанбырбая Сейбатталова даже из Москвы по телевизору показывали.

Ток поразил меня своим безлюдьем. Где горы зерна? Где женщины в платочках, перелопачивающие бурты, подметающие площадку?

Две внушительных башни гудели, перерабатывая зерно.

— Пшеница не залеживается — сразу направляем на хлебоприемный,— пояснил Санитас.— Раньше, бывало, в смену по тридцать-сорок человек работало, а сейчас только восемь — механизация.

В вагончике-столовой повариха налила мне чаю, подала сметаны, нарезала мягкого душистого деревенского хлеба — именно деревенского — в городе нет в нем такого аромата.

Только взяв в руки пиалу с горячим чаем, я почувст-

вовала, как продрогла и проголодалась за этот долгий, несуразный день.

— Дети есть?— вдруг спросил Санитас, с сочувствием глядя на меня, чего, мол, мотается человек.

— Двое. Большие уже. А у вас?

— Ну, у меня шестеро, кто в вузе, кто в школе, а нынче жинка седьмого джигита родила. Он так и сказал —«жинка».— Как-то даже неловко, я на пенсию пойду, а он — только в первый класс.

Но глаза у него поблескивали, чувствовалось, очень рад сыну.

— Год нынче выдался счастливый, вот и назвали мы его Бахыттас...

Скользили по земле отсветы заходящего солнца, золотя стерню и пышные хлебные валки.

— Смотрите,— указал Санитас.— Наши комбайнеры показались!

На фоне охваченного зарей неба чернели огромные машины; лишь когда они приблизились, стало видно, что они тоже красного цвета, а лица у комбайнеров — темные, словно обугленные, подсвеченные алыми бликами.

Наш «москвич» свернул с дороги, пропуская комбайны. Один комбайнер махнул рукой, крикнул что-то, похоже, приветствуя нас. Санитас засмеялся, помахал в ответ.

— Этот, что кричал, Жанбырбай Сейбатталов,— пояснил он мне.

Позже, в Алма-Ате, я услышу по радио, в последних известиях: Жанбырбай Сейбатталов, комбайнер из колхоза «Кызыл-Тан» намолотил десять тысяч центнеров зерна, и радостно дрогнет сердце, как при вести о добром знакомом, и сразу вспомнится: холодный ветреный вечер, красная заря вполнеба, широкая белозубая улыбка на черном лице комбайнера...

А потом было поле. Необъятное, еще не скошенное пшеничное поле, ждавшее своей очереди. Тугие колосья качались на ветру, тихий, торжественный шелест стоял вокруг.

Сумерки наплывали все гуще, и темный орлиный профиль Санитаса теперь как бы впечатался в багровое зарево неба.

— Уже обкошено. Завтра загоним сюда комбайны.— Он обмял несколько колосьев и высыпал крупные зерна мне в ладонь.

— Теперь к нам домой? С Зейнельгарап, жинкой моей, вас познакомлю. Она у меня хорошая, добрая...

— Санитас Оспанович... Знаете... У меня самолет... Мне бы еще сегодня как-то добраться до Щербакты, а утром пораньше в Павлодар.

—Ну что ж...— в голосе его, или это мне показалось, снова, как тогда, возле конторы, прозвучала отчужденность.— Значит, вы всего на несколько часов — в такую даль?

Как было объяснить ему, что я не могла улететь, не увидев именно этого поля... Кажется, я бормотала нечто невразумительное, но Санитас вдруг прикоснулся к моей руке и рассмеялся:

— А вы знаете, я, между прочим, сам такой. Если что загорится, вынь да положь. Ладно, не волнуйтесь, отвезем вас и в Щербакты, если так нужно,— и он распахнул передо мной дверцу кабины.

Я бросила прощальный взгляд на поле: оно шелестело, оно струилось в зыбком свете зари, и уже загорались над ним первые звезды...

Вернувшись в Алма-Ату, я написала очерк о Берестовском, рассказала о колхозе «Қызыл-Тан», о встрече с Санитасом Оспановым. Зимой пришло от Оспанова теплое письмо, и вырезка из районной газеты была приложена — о награждении тех, кто отличился на этой жатве. Парторг был награжден орденом Трудового Красного Знамени. «Приезжайте еще,— приглашал Санитас,— только теперь уж чтоб подольше погостили»...

Я поздравила его, обещала, что обязательно приеду, но, как водится, закружили иные дела...

Возможность снова побывать в Павлодарской области предоставилась лишь спустя пять лет. Вот и с Оспановыми увижусь,— радовалась я, собираясь в дорогу. Но в Щербактинском райкоме партии ждало меня печальное известие: Санитаса Оспанова уже не было в живых...

Бывают такие люди — только раз встретишь, а кажется, был дружен с ним давным-давно. Таким был Санитас. И вот он ушел. И горько, и больно, и мучает раскаяние: нет, чтобы пораньше выбрать время, приехать, побеседовать. Ведь ему было о чем рассказать: всю войну прошел — Украину, Венгрию, Румынию, Чехословакию, Австрию освобождал. Трижды был тяжело ранен,

«Мы не от старости умрем —
От старых ран умрем...»

Во многих хозяйствах я встречала его учеников, его воспитанников,— Санитас много лет работал в школе до того, как был избран парторгом,— впрочем, знал его в районе чуть ли не каждый, и все вспоминали о нем как о честном и мужественном человеке.

Из «Қызыл-Тана» пришла весть, что вдова Оспанова Зейнельгарап ждет и готовится к встрече...

И вот снова знакомая дорога, большое серебристое озеро среди убранных полей... Так же, как тогда, пять лет назад, косо отражались в нем лучи заходящего солнца... Мы подъехали к дому Оспановых. Зейнельгарап встречала нас у ворот. Были слезы, взволнованные слова...

— Подойди, Бахыттас, к тете, не бойся.— Черноглазый мальчик с тонким, в отца, личиком, вопросительно, исподлобья, смотрел на меня:

— Тетя, мой папа к вам уехал?

У меня перехватило дыхание, а Зейнельгарап, торопливо, боясь, чтобы я не подумала чего худого, стала объяснять:

— Вы простите. Он еще не осознает, что отец умер. Я сказала, что уехал далеко-далеко — в Алма-Ату. Он и решил... Раз в Алма-Ату, значит, к вам. По-своему, по-детски.

...Мальчуган быстро освоился с гостями и теперь, сидя рядом со мной, увлеченно рисовал машины, самолеты и, конечно же, своего папу.

«...Я пойду на пенсию, а сын — в школу»,— так, кажется, сказал мне тогда Санитас. Не дождался, отгорело его пламя. А как он светился в ту трудную щедрую осень: «Год нынче счастливый, вот и назвали мы его Бахыттас»...

— Умирая, попросил, чтобы во двор его вынесли: «Хочу в последний раз на звезды взглянуть»,— негромко рассказывала Зейнельгарап.

Счастье, хлеб, звезды — это было его жизнью. Я прикрыла глаза, и передо мною вновь заструилось необъятное пшеничное поле в догорающих бликах вечерней зари.

1972—1977 гг.

Совсем безобидное было облако, округлое, солнцем подсвеченное, а взяло и пролилось дождем над самым поселком, вернее, даже вот над этой широкой улицей, над кирпичным домом, утонувшим в зелени и цветах. Капли радужные, отвесные, редкие,— пробежать в промежутках можно,— но лук, рассыпанный для просушки на старой клеенке, уже весь намок, и хозяйка, махнув на него рукой: «А, все равно теперь»,— подымается с нами на веранду.

— Нехай уж тут мочит, лишь бы не на поля...

— А мы к вам прямо из бригады, Нестеровна,— говорит директор совхоза имени Ильича Анатолий Федорович Динкилакер.— От мужа вам привет, от сына.— И уже обратившись ко мне:— Знакомьтесь, вот это она и есть, наша уважаемая Мария Нестеровна Кулибаба, мать-героиня...

— Так вы от Миколы?— зардевшись, всплескивает руками Нестеровна.— Да идемте в хату, не на веранде же беседовать.

— Хороша у вас хата,— говорю я, оглядывая просторную, по-современному обставленную комнату.

— Так то что... У нас только спален четыре. Когда ордер получали, все десять были в сборе, это уже сейчас разлетаться стали. Трех дочек замуж выдали, одна в институте учится, сын Коля в армии, ну, а остальные пока при нас...

Чувствуется, что Марии Нестеровне в редкость сидеть и беседовать просто так, без дела — руки ее продолжают двигаться как бы сами собой: то поправят скатерку на столе, то у цветка сухой листок оборвут. Лицо моложавое, почти без морщин, а глаза светятся ясно, приветливо, да и от всей ее ладной невысокой фигуры исходит ощущение доброты и в то же время особого внутреннего достоинства, какое бывает присуще людям скромным, но уверенным, что жизнь свою они живут, как и следует, не зря...

Всему есть свое начало. В украинском селе Старый Острополь, на берегу реки Случь, что течет к Новоград-Волынскому, в приземистой беленой хатке вдовы Домны Кулибабы росли три сына: Николай, Григорий, Петр, и дочка Тамара. Время было крутое: в колхозе,

разоренном войной, трудодни выходили мизерные, а детей-то кормить надо. На своем приусадебном участке сеяла Домна в зиму рожь, и уже с первых проталин ребятишки с нетерпением начинали ждать, когда же она заколосится. Не было слаще того первого житного хлеба, что по случаю зажинок мать выпекала чистым, безо всякой примеси...

—...И сколько там земли, нерушеной, непаханой,— рассказывал сосед Николай Сук, весной пятьдесят четвертого уехавший на целину и вскоре вернувшийся, чтобы набрать себе бригаду из односельчан. Зашел он и к Домне Кулибабе — старший Николай был тогда уже взрослым парубком.

— Отпустите Миколу, тетка Домаха,— уговаривал Сук.— Здесь он волов погоняет, а там на тракторе станет гроши зароблять, вам же поможет поднять остальных детей...

Деньги Николай высылал матери исправно, а в письмах писал про нивы пшеничные, которым ни конца, ни края... Потянуло туда и Григория — после армии поехал посмотреть, да так и остался: выучил его старший брат водить трактор, управлять комбайном. Уж после Григорий специальные курсы закончил, стал механизатором широкого профиля первого класса... А младшего, Петра, братья вызвали с тем, чтобы помочь ему получить образование; уже здесь, на целине, закончил он десять классов, поступил в техникум... Ныне инженер-механик в этом же совхозе. Про старших братьев-механизаторов добрая слава по всей Кокчетавщине, друг от друга не отстают: если один намолотит за жатву тысячу сто тонн, другой — тысячу двести, ордена, медали — считай, всего поровну.

Рассказала мне об этой целинной династии секретарь Красноармейского райкома партии Зинаида Федоровна Степаненко, а вскоре и возможность предоставилась съездить в совхоз имени Ильича.

Прежде встретился нам в поле комбайн Григория Федоровича Кулибабы. Помощником у него работал сын Сергей, недавно вернувшийся из армии, другой сын, Анатолий, отвозил на ток зерно.

— Семейное звено у нас получилось,— говорил Григорий Федорович.— Сеем, пары обрабатываем, сено косим, зимой снег задерживаем. Доверил нам землю совхоз, и мы несем за нее полную ответственность. Сыновья

с малых лет в поле, в гараже, все возле меня, возле машин.

Над комбайном развевался красный флажок: семейное звено вышло победителем соцсоревнования за пятидневку.

У края загонки стояла припыленная «Волга».

— Второй наш дом,— сказал Григорий Федорович.— Спозаранку с сыновьями встаем и едем в поле. Где-то в час ночи кончим работу, тоже никого не ждем, чтоб подвезли.

Тот день выдался добрый, солнечный, редкий для жатвы восемьдесят третьего года. Лишь на западе подымалось облако, может быть, то самое, что потом на поселок дождем прольется...

— Будет и у нас семейное звено,— сказал мне старший Кулибаба, Николай Федорович, «ниву» которого мы нашли в поле по необычной примете: у нее не было кабины.— Сын, Юра, в СПТУ учится, а сейчас, на жатве, со мной работает, надо — и подменил,— кивнул он вслед удалявшемуся комбайну.— Старший, Николай, еще до армии два года был у меня помощником, ждем его домой нынче осенью. Вовик — восьмиклассник, в ученической бригаде, тоже к технике тянется, четвертый, Андрюша, пока в третьем классе, но, думаю, в нашу породу пойдет, хлеборобскую, так что кадров у нас не то что на звено — на бригаду хватит, особенно если братов семьи взять, как соберемся в праздники, человек двадцать самых близких, а сейчас еще зятья, невестки, внуки пошли.

Оказалось, что Николай Федорович как раз убирал то самое поле, где когда-то поднимал первый целинный пласт.

— Считай, тридцать лет на одном месте, лишь в гости к матери выезжаем, а сравнишь, что было и что стало — вроде и не здесь начинали жить, так все изменилось... Самое главное, земля другая стала, более плодородная, отзывчивая на уход, на заботу... Ну да и то сказать, сколько всего к ней применяется, чтоб хлеб даже в засуху родила. Нынче мы старались ни капли влаги не упустить — в два следа снегозадержание провели, весной — биги пустили... Летчики сорняки помогли уничтожить... И сорт нынче на этом поле у нас новый — «целинная-21», по сравнению с прежними лучше себя показывает. Без дождей все травы в степи повыгорели, а пшеничка выстояла. Правда, низкорослая, с уборкой

сложности, ну да мы сами себе конструкторы. Жатки переоборудовали так, чтоб зерно не терялось...

— Николай Федорович у нас тем отличается,— вставил директор,— что комбайн его без поломок работает.

— Ну, как же совсем без поломок... За четыре жатвы три подшипника пришлось в поле заменить — на зерновом шнеке и элеваторе, а вообще-то всегда надо быть наготове: у меня в «москвиче» полный набор деталей, болтов с гайками. Кто обратится — я всегда рад помочь. Тут у нас один парень работает — шофер по специальности, первый год на комбайне. Убирает на прямую, а в соломе, гляжу, колосья обломанные. «Да у тебя ж мотовило вперед вынесло, трохи сместить надо...» Люблю подсказать и сам не стесняюсь спросить, чего не знаю. Сынов своих учу, чтоб машину слушать умели. Чуешь, где-нибудь трется, постукивает, остановись — подкрути, смажь, не дожидайся, пока механизм разваливаться начнет. Зимой они вместе со мной сызмалу на ремонте трактора, комбайна.

Мне рассказывали, что Николай Федорович восемнадцать лет проработал на одном и том же «СК-4» и никак не хотел менять его на «ниву», а когда его все-таки уговорили перейти на новый комбайн, кабину при сборке ставить не стал: «Я ж в той кабине глухим буду, а так, где что затарахтит, забренчит, разом учую»...

— Как же вы под открытым небом, Николай Федорович? В зной, в холод...

— В зной лучше ветерком провевает,— усмехнувшись, повел он широкими плечами,— в холод телогрейку можно надеть...

Пока мы беседовали, Юра дошел до конца загонки и теперь повернул назад. Строчки валков оставались за ним ровные, как по линейке, и отец следил за ним с явной гордостью.

— Вот еще Коля из армии вернется,— повторил он.— Совсем уж немного ждать осталось...

Узнав, что мы собираемся заехать к ним домой, попросил:

— Передайте моей Нестеровне, что я младшим ребятишкам спортивные костюмчики взял. Денег с собой не было, так зав. автолавкой в долг поверил.

— Надо же, костюмчики,— засмеялась Мария Нестеровна, когда я выполнила это поручение.— Только вчера обнов навез. Уж такой он к семье желанный, всю жизнь прожила — горя с ним не знала...

— А где вы повстречались, Мария Нестеровна?

— Да в пятьдесят пятом в этом самом совхозе. Я из Белоруссии приехала, как тогда говорили, по комсомольской путевке, по собственному желанию...

Родители у Марийки рано умерли, взял ее в дом старший брат, и стала она у него вроде наймички: со скотом управлялась, за детьми доглядывала, огород полола. Невестка недобрая попалась, никак ей не угодишь. Одевали девушку в обноски: не то что на танцы — по улице пройти стыдно...

— Мы в Гродно близко от вокзала жили. Гудки, объявления — все во двор доносится. Однажды вышла корм задать скотине и слышу: духовой оркестр играет, речи говорят — что такое? А соседка мне: «Разве не знаешь? То добровольцев на целину отправляют...» Так у меня сердце и зашлось... Побежала на станцию — состав уже ушел. А вот запала думка: уеду — и все. Посоветовали в райком комсомола зайти... Когда я с путевкой домой пришла, брат с невесткой дюже рассерчали: «Езжай, езжай, там тебя златы горы ждут, посмотрим, с чем вернешься...» Ни кожуха, ни валенок целых не дали — на первых порах я тут, на целине, сильно померзла, пока добрые люди не помогли одеться-обуться... Чтоб легко здесь было, то не скажу — не на курорт приехали. Но я все равно не жалела, потому что сама себе хозяйка стала и решила: хоть как трудно будет — не уеду. Взяли меня поваром в столовую. Микола потом долго в шутку допрашивал: «Признавайся, какого зелья в борщ положила, что враз меня причарувала?» Свадьбы у нас не было, так, вечер небольшой. Не люблю я эти пышные свадьбы — и дочерям своим не устраивала... А вы знаете,— улыбается она,— две дочки мои старшие тоже мужей себе «прикормили», как и я, в столовой работали и приглянулись своим женихам. У Надюшки муж — шофер, казах по национальности, звать Тимуром. Уж такой ласковый да уважительный. Два мальчика у них, старший, Маратик, в первый класс нынче пошел, а Русланчику шесть исполнилось... Ну так вот, поженились мы с Миколой, а жить негде... Решили землянку из дерна сложить. Печку-буржуйку поставили, трубу вывели. Ох, как же я радовалась, своя хатка, родная матка... Потом-то нам дали квартиру, и вот этот дом специально для нашей семьи совхоз впоследствии выстроил, а вроде не так все, как в тот первый раз было, когда мы в свою хатку вошли. И не скажешь, что

почти тридцать лет минуло с тех пор, вроде как вчера... Часто мне дочки мои говорят: «И как это вы, мама, нас десятерых вырастили, тут с двумя хлопот не оберешься». А я им в ответ: «С вашим отцом я всю жизнь была обеспечена... Были вы голодные когда-нибудь? В школу бегали разутые-раздетые? Все у нас есть: и дом, и скотина, и мебель, и ковры, и машина, и все отцовским трудом нажито, его руками, и одного мы хотим, чтобы наши дети так же честно жили...»

...Течет река Случь к Новоград-Волынскому, живет на ее берегу в беленой хатке родоначальница целинных династий Домна Овксентьевна Кулибаба... На Украине при ней только дочь Тамара, да еще свою дочку Валю Мария Нестеровна и Николай Федорович отправили в Киев на учебу, чтоб по выходным бабушку проведывала. Восемьдесят лет бабе Домахе, а еще крепкая — огород в сорок соток обрабатывать никому не доверяет, кроме овощей да картошки, рожь на нем возделывает, потому что хлеб любит житный, а его не всегда и купишь нынче. Приезжают сыны, зовут к себе жить, но она отказывается наотрез: «Где родилась, там и помру...» Разве вот в гости приедет... Что ж поделаешь, если сделалось тесно сынам в родных местах, если покорили их бескрайние степные просторы.

— Вале пишем,— продолжала Мария Нестеровна:— «Уговори бабушку, чтоб нынче приехала, вот как Колюшка из армии приедет... Сразу всех сынов с невестками, и внуков, и правнуков посмотрит».

Вернется сын — пойдет к отцу в бригаду... И в мыслях нет у Николая Федоровича и Марии Нестеровны, что может быть иначе, что куда-то в другое место его потянет.

...— От добра добра не ищут... Женится — хочет — пусть с нами живет, а то и совхоз квартиру даст. В прошлом году в нашем селе двадцать четыре свадьбы сыграли, и нет такого, чтоб молодожены без квартиры мыкались. А у Коли уже есть дивчина на примете, когда в армию уходил — кисет красивый вышитый ему подарила. Это у нас обычай такой — кисеты новобранцам дарить, а в том кисете — земли щепотка, чтобы помнил о родном селе.

Дождь прекратился так же быстро, как и начался. Русоголовый мальчуган ворошил в саду кусты крыжовника, выискивая последние ягоды; ветки кололись, брызгались, но он упрямо раздвигал их палкой.

— Андрюша, наш младшенький,— сказала Мария Нестеровна.— Ну, что ты там насобирал, сынок?

На детской ладошке лежало несколько крупных, с коричневыми полосками ягод. Глядя в ясные, как у матери, Андрюшины глаза, я подумала: ведь этот дом, этот сад, поле отцовское — это же родина его, навек единственная...

Когда мы уезжали из совхоза имени Ильича, надвигались сумерки. Вспыхивали в полях огни комбайнов, обдавали ветром и пылью машины с пологами, и росли на токах золотые, бесценные горы тридцатого хлеба целины...

ИВАН ЖУКОВ

Дорога кружила полями и перелесками. Светлые березы то подступали к самой обочине, то разбегались, давая простор зеленому разливу хлебов, и лишь какая-нибудь из них, словно растерявшись, оставалась одна-одинешенька среди пшеницы. Земля, освеженная долгожданным дождем, дышала с удесятеренной силой, торопясь отдать эту силу всему живущему и растущему на ней.

— Вон за тем леском,— сообщил Альберт Михайлович Николаев, начальник районных электрических сетей,— в июне шестьдесят третьего приземлился космонавт Валерий Быковский. Там теперь монумент. Если хотите, на обратном пути завернем.

Владимир Николаевич Астанкин, главный энергетик совхоза «Завет Ильича», показывал нам свое хозяйство. Был он молод и очень скромен. Кстати, вырос он здесь, в Казанке, отец его, Николай Тимофеевич, был директором Казанской средней школы.

Осмотрев несколько объектов, мы заехали на зерноток. Возле праздных зерноочистительных агрегатов дрались шустрые воробьи — не могли поделить найденное прошлогоднее зерно. Где-то рядом слышалось постукивание молотка по железу: агрегаты готовили к началу страды.

Владимир Николаевич считал своим долгом дать

характеристику каждому агрегату: когда построен, какова пропускная способность.

— Это ЗАВ-20,— остановился он возле одной из башен.— Самый первый агрегат у нас на току. Построен...— он запнулся,— кажется, в пятьдесят шестом...

Я подумала, что в пятьдесят шестом году главный энергетик, похоже, только осваивал букварь. И вдруг из недр этой башни послышалось:

— В пятьдесят седьмом, Вовка!

Я смущенно взглянула на Владимира Николаевича: наверно, нелегко работать в хозяйстве, где все тебя помнят босоногим мальчуганом, но, к чести Владимира Николаевича, он ничуть не обиделся за «Вовку», а, наоборот, как будто даже обрадовался:

— А, дядя Ваня, здравствуйте. Подойдите сюда, пожалуйста.

К нам подошел невысокий человек в кургузом сером пиджачке и кирзовых сапогах. Круглое добродушное лицо его было тронуто легким румянцем, а глаза лучились ясной синевой. Когда он здоровался со мной, я отметила, что руки у него двигаются чуть скованно, будто спеленатые в плечах, а голову он держал несколько набок — прислушивался, что ли, к чему-то: потом уж я разглядела, что это из-за глубокого шрама, рассекшего слева его шею.

— Жуков Иван Николаевич,— представился он.— Моторист.

— У вас имя и фамилия прямо-таки из рассказа Чехова...

Иван Николаевич с достоинством кивнул:

— Читал этот рассказ. Знаю...

Завязалась беседа.

— Я с двенадцати лет в колхозе,— рассказывал Иван Николаевич.— Как назывался колхоз? Да так и назвали его сразу — «Завет Ильича». Это уж в шестьдесят первом на совхоз перевели, а то все колхоз был. Отец у нас в гражданскую с Колчаком воевал, вернулся, весь израненный, да так и не поправился, в двадцать девятом году помер. А нас у матери четверо, вот мне и пришлось бросить школу. На лошадях, на быках работал. Взял меня в ученье плотник Голубев. Мы с ним делали ручные веялки для колхозного тока. Ну, что это были за веялки: четыре-пять центнеров за день отвеет — и на том спасибо. Изловчились мы, лошадиный привод наладили — дело веселей пошло. А потом взял

меня к себе: вот дед его по матери,— он кивнул на Владимира Николаевича,— Фадей Фадеевич, к себе на мельницу позвал. Болел он сильно. «Иди, говорит, Ванюш, обучу тебя — заместо себя на мельнице оставлю». Только не вышло так, как он думал: механику ту нехитрую я освоил, да тут вскорости войну нам немец объявил, а я двадцать второго года рождения — самый возраст...

В разговоре время летело незаметно, и, спохватившись, Иван Николаевич сказал:

— А ведь время обеда... Может, к нам домой заглянете? Чего-нибудь уж там моя Настасья Петровна сготовила. У меня мотоцикл с коляской, так что машина не потребуется.

Мотоцикл у Жукова был черный, массивный, тульского производства пятидесятых годов. Сколько же надо было ему калиться под солнцем, мокнуть под дождем, подставлять бока наждачным пыльным ветрам, чтобы чернота его стала такой же естественной, как матовая чернота обкатанного морем камня... Иван Николаевич вел его неторопливо, аккуратно объезжая уличные колдобины.

— А вот и моя изба. Милости просим.

Изба Жуковых была старинная, рубленная в угол. Большой пес лениво тявкнул навстречу нам и снова забрался в конуру. В кухне, на русской печи, мурлыкала кошка с котятами, и зеленые глаза ее сверкали из полумрака.

Все, это, наверно, было таким же, как и семьдесят лет назад, когда Жуковы приехали в Казанку, и сто, и двести лет, когда деды и прадеды Ивана Николаевича жили еще в России. Но в семейный быт уже неотъемлемо вошли и телевизор, и стиральная машина, электрический сепаратор и самовар.

Анастасия Петровна и старшая дочь Лида, обе работавшие в совхозной бухгалтерии, тоже только что пришли на обеденный перерыв и сразу же захлопотали, собирая на стол. Иван Николаевич познакомил меня со своей матерью, Марией Степановной; несмотря на восемьдесят пять лет, держалась она бодро, была общительной и словоохотливой. Привезли ее родители в Казанку десятилетней девочкой. Впрочем, Казанки тогда еще не было: только глухой лес да незамерзающий родник, бивший из обрывистого берега небольшой речки,— потому и решили строить здесь село. Приехали из России пять семей

из малоземельных, стали рубить и корчевать деревья, ставить срубы, распахивать землю.

Казахи из ближних аулов встретили переселенцев дружелюбно, помогали, чем могли, выручали продовольствием.

— Казахи часто у нас гостили, и мой отец все, бывало, в аул к кунаку ездил,— вспоминала Мария Степановна.

В дом вбежал мальчуган лет двенадцати, с такими же, как у Ивана Николаевича, пожалуй, даже еще синее, глазами.

— Это наш младшенький, Сережа,— сказала Анастасия Петровна.— Он у нас книгочей. В книжку уткнется — не оторвешь, а то и сам писать возьмется...

— Вот как?— удивилась я.— И что же ты пишешь, Сережа?

— А так кой-что,— небрежно сказал он.— В общем, повести...

Он долго отнекивался, но все-таки я его упросила: Сережа принес кипу тетрадок, исписанных крупным мальчишеским почерком. Повести были о морских пиратах, о лесных разбойниках, опасных плаваниях и заколдованных островах.

Между тем на столе все было уже собрано. У Анастасии Петровны обнаружилась в запасе вишневая наливочка, и она всем взрослым налила по стопке —«за доброе знакомство».

Иван Николаевич пригубил только для порядку.

— Нельзя ему,— как бы извиняясь за мужа, сказала Анастасия Петровна.— Он и раньше до спиртного не шибко охочий был, а теперь и совсем не пьет.

— Почему-то сердце барахлить стало,— признался Иван Николаевич.

— А ранения свои ты в расчет не принимаешь?— возразила жена.— Как-никак, семь ранений, скольким годам они равняются? Осколок до сих пор в легком, не удаленный, а сердце ведь рядом....

— Да на месте он, тот осколок,— как бы оправдывался Иван Николаевич.— Недавно я на рентген ходил, где засел, там и сидит...

— Так вы всю войну прошли, Иван Николаевич?— спросила я.

— Да почитай что всю — от Москвы до Берлина. Ну, только то время нужно опустить, что в госпиталях провел. Молодой был — быстро заживало. Один раз

бедро повредило — в гипсе лежал. Другой — перебило ключицы, ничего, стянули скобами, срослось — опять в бой... Осколки из головы до сорок седьмого выходили, мелкие такие, может, из-за них у меня теперь часто голова болит. А уж под Берлином хряпнул меня по шее еще один осколок — сонную артерию перервал и две малых, а потом в рот выскочил и зуб по пути выбил... Тут бы мне и каюк, кровь из меня почти всю выхлестало, да профессор толковый в госпитале попался — сшил артерию, а потом, когда я стал на ноги подниматься, говорил мне: «Ну, парень, твое счастье, выкарабкался, теперь до ста лет жить будешь...»

— Да что ж мы гостью все разговорами занимаем?— беспокоилась Анастасия Петровна.— Вы кушайте... Еще молочка выпейте... Свое, непокупное...

Молоко было густое, холодное, только из погреба, а пышный хлеб еще хранил тепло русской печи.

...— Вошли мы в Люблин, а **он** что сделал?— негромко, с одышкой рассказывал Иван Николаевич.— Согнал тыщи людей в бетонированную бассейну, облил бензином и поджег. Мы, когда ворвались, там еще все ходором ходило... Насмотришься такого, после в бой насмерть идешь — ни ему пощады не даешь, ни себе... Я наводчиком противотанкового орудия был. Прут танки — с ними воюешь, а нет танков — идешь вместе с пехотой в бой.

— У папки два ордена Красной Звезды, орден Славы третьей степени и еще медали — за Брест, за Варшаву, за Берлин,— вмешался Сережа.

— Ты уж не промолчишь,— усмехнулся Иван Николаевич и продолжал:

— Только бы нашим детям не испытать, что мы испытали... И в войну, да и после войны... Летел домой — душа пела. Ночью пришел — мать открыла и, конечно, в слезы... Стал я гостинцы на стол выкладывать.— «Ставь, мать, самовар, будем чай с сахаром пить. Небось, нет сахара?»— Смотрю, она мнется: «Сынок, и хлеба нет, вот затируха...»

— Трудное время было, что и говорить,— вздохнула Анастасия Петровна.— А уж работали — себя не жалели. Молодым — оно все по плечу...

Послевоенные фотокарточки в семейном альбоме успели достаточно выцвести, но все равно давали представление, какой она была, Настенька Воронова, пышноволосая, с открытым ласковым взглядом... Она и

раньше жила по соседству, но Иван Жуков ее как-то не примечал, «совсем девчушкой была», а тут вернулся из армии и сразу обратил внимание...

Одногодков Ивана Жукова ушло на фронт из Казанки двадцать один человек, вернулось — пятеро. Прежде колхоз считался богатым: много было скота, землю хорошо обрабатывали, удобряли и собирали хорошие урожаи. А тут — фермы опустели, скудела неухоженная земля...

Понятно, как обрадовался председатель Василий Дорошенко демобилизованному солдату: «Давай, Иван Николаевич, будешь работать на своей работе, откуда ушел...» Фадея Фадеевича уже не было, работал на мельнице Иван Прут — очень больной человек, еле ноги таскал, а работал. Ну, дело привычное. Подремонтировал Иван Николаевич свою ветрянку — жернова закрутились веселее. Через некоторое время стали они с председателем о дизеле поговаривать — раздобыли трактор ЧТЗ и поставили на прикол. Зерно на муку мололи, фураж для скота. Заодно Иван Николаевич и на току работал осенью. Когда стали целину поднимать, техники больше пошло. Вот тогда и построили на току ЗАВ-20, что до сих пор стоит. И уж этому агрегату отдал Иван Николаевич свою душу. Было у него такое чувство, как у небогатого человека, который долгими трудами приобрел в дом дорогую вещь и теперь не дает на нее пылинке сесть. Так он и ходил вокруг своего ЗАВа: по десять раз выстукивал, проверял, смазывал. Это ж тебе не веялка, производительность двадцать тонн в час — шутка ли! Потому и не смог он удержаться — поправил Владимира Николаевича, когда тот ошибся, назвав год, в который агрегат был построен.

Так повелось еще с колхозной поры, что подготовкой семян к посеву — калибровкой, протравливанием занимается Иван Николаевич. И уж его забота, чтобы зерно, готовое к посеву, не отсырело в буртах, не стало гореть... Отсеются за неделю, но, пока появятся всходы, Иван Николаевич душой испереживается и лишь тогда вздохнет облегченно, когда поле густо зазеленеет.

— Нынче,— говорил он мне,— мои семена прошли первым классом, первой категорией. Всхожесть — 93 процента... Теперь бы дождичков почаще...

Мои спутники не торопились заезжать за мной, и я была благодарна им за это. Разговор продолжался о детях.

— Какая у нас была молодость?— говорила Мария Степановна.— Разумши, раздемши... Сейчас-то поглядишь, как народ живет, нам и во сне такое не снилось. Моя соседка, она, правда, помоложе меня, ей лет семьдесят, все говорит: «Вот жизнь настала, Степановна, а тут помирать пора... Не обидно ли?» А я ей в ответ: «Если все жить останемся, земля нас не выдержит».

— Выдержит, бабушка,— вмешался Сережа,— а на земле места мало будет — в космос улетим... Так что живи, пожалуйста...

Все рассмеялись, а Иван Николаевич сказал:

— Приземлялся ведь тут у нас космонавт... Настоящий... Я как раз на току, вот так же, как сегодня, агрегаты ремонтировал. Первая мысль — снаряд разорвался. Неужто, думаю, опять начинается? Смотрю, парашют распустился... Тут-то я сообразил: говорили по радио, что летают два корабля, на одном — Валерий Быковский, на другом — Валентина Терешкова. На мотоцикл — и следом, куда парашют несет... Ну, не успел, когда приехал, уже вертолеты прилетели и забрали его. А тот аппарат, в котором посадку он сделал, видел,— круглый такой, черный, обугленный. Забраться туда хотел, получше рассмотреть —не позволили.

— Все бы тебе рассматривать,— с нарочитой строгостью проворчала Анастасия Петровна.

— Интересно ведь, Настя, до чего человек дошел... И то ли еще будет! Только бы не война, а так всего достигнем...

На обратном пути, как было условлено, мы завернули на место приземления космонавта Валерия Быковского. Там, где коснулся земли его аппарат, на большом камне было высечено, что здесь приземлился космонавт Валерий Федорович Быковский, увеличивший рекорд пребывания в невесомости до пяти суток. Рядом были разбиты две клумбы с ярко-желтыми ноготками, за которыми, как мне пояснили, ухаживали пионеры из близлежащих сел. А вокруг пестрели скромные полевые цветы: душистый горошек, кашка клевера, и чуть подальше возвышался монумент, возведенный многонациональным студенческим стройотрядом из университета имени Патриса Лумумбы.

Подойдя поближе, я прочитала высеченные под барельефом Циолковского слова: «Человечество не останется вечно на земле, но в погоне за светом и простран-

ством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет все околосолнечное пространство».

Я представила себе на этой поляне Ивана Николаевича Жукова.. Наверно, вон там он стоял, возле тех берез... О чем он думал в те минуты? Может быть, о своем отце, воевавшем за новую жизнь? А, может, о ручных веялках и ветряных мельницах, с которых начинала страна свой путь к звездам? Или о великой битве, в которой участвовал и он, солдат Иван Жуков, и не одержи он победу — не взлететь бы сегодня этому космическому кораблю...

Прекрасен был окружающий нас земной мир с нежной зеленью белоствольных берез, трелью жаворонка, затерявшегося в небесной глубине, легким ветром, несущим запахи трав и цветов. Но в тысячу раз прекрасней показался он, наверно, человеку, вернувшемуся сюда из космоса...

Только бы не война...— вспомнились вдруг слова Ивана Николаевича и добрый взгляд его синих, не померкших ни от времени, ни от пережитого глаз...

С тех пор прошло почти десять лет. В дни жатвы 1983 я разговаривала по телефону с директором совхоза «Завет Ильича» Сапуаном Нургалиевичем Жанибековым, и он сказал, что полтора года назад Ивана Николаевича Жукова с почетом проводили на пенсию, но дома он не усидел, вернулся на зерноток. Агрегаты в дни осенней страды работали безотказно.

ОРЛЯТА УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ

(Из Арыкбалыкского дневника)

«Чтобы советское общество уверенно двигалось вперед, к нашим великим целям, каждое новое поколение должно подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, профессиональной квалификации и гражданской активности».

(*К. У. Черненко* — речь на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС)

I. РОДНЫЕ БЕРЕЗЫ

Июль 1976 года. У двора, где живет Федосей Евстафьевич Выхристюк,— штук пять легковых автомашин, а в доме — дым коромыслом. Съехались сыновья, отмечают день рождения отца. Дата не круглая, шестьдесят девять, но — так уж принято — собираться в этот день всем вместе в отцовском доме. Да и пора благодатная: в лесах — грибы, ягоды, в озерах — карась и лещ. Старикам надо помочь: дровишек на зиму напасти, сенца накосить — все кстати. Семь сыновей у Федосея Евстафьевича и Натальи Яковлевны, семь сыновей и одна дочь.

— Вы кушайте,— подкладывает мне жареного лещика Наталья Яковлевна.— Сынки наловили...

В низенькой хате с украинскими рушниками на стенах — тесно от широкоплечих, громкоголосых мужчин, еще молодых и уж в годах, с проседью. А с фотографий из-под рушников смотрят они же, глазастые мальчишки, и во сне, наверняка, видит их Наталья Яковлевна чаще мальчишками, чем взрослыми.

— Про нашу семью книгу запросто написать...— это Иван говорит, предпоследний сын. Старше его дочь Александра, младше — Володя, он сейчас в техникуме;

учится на дорожного строителя. Иван в армии был танкистом, так они целым танковым экипажем двинули после демобилизации в город Мирный. Там работал, женился на павлодарской, домой не вернулся, осел в Павлодаре.

— «Семья Рубанюк»— читали? Там всего три сына, а два тома написано. А про нас..,

— Ладно тебе, Вань...— Григорий Федосеевич, старший сын, заместитель директора Кокчетавского приборостроительного завода. У него уже дети взрослые, дочь в аспирантуре, а всего у Выхристюков двадцать шесть внуков и четыре правнука.

— Чего ладно,— не унимается Иван.— Вы на отца гляньте, на руки его. Сколько пальцев у него целых осталось?

— А хай не пидставляе,— вмешивается Наталья Яковлевна,— а то дюже до работы жадный був, себе не помнив, вот йому пальцы и поотхватывало. Та вин и сейчас — до свиту — мать, исты, в бригаду иду...

В 1929 году Федосей Евстафьевич с односельчанами организовали в Гусаковке колхоз и назвали его «Красный хлебороб». Все у него в памяти: первые молотилки, первый трактор и то, как он сам ездил на курсы и вернулся в родное село уже трактористом. Почти полвека прошло, чего только не было за полвека.

— Про маму одну можно два тома написать,— убеждает Иван.— Как они в голодное время нас растили, щавель, лебеда — первая еда. А сколько слез пролили. Степка уезжает — мама плачут, Кольку провожают — плачут, Ваську — опять же слезы льют. А сейчас — ну чего вы плачете, мамо? Здесь мы, рядом с вами, а вы опять в слезы.

— Сегодня-то здесь, а завтра?— всхлипывает Наталья Яковлевна.

Разлетелись сыновья: Василий — геолог, в Кустанайской области. Николай — строитель, в Северо-Казахстанской. Иван от Иртыша в степь каналы ведет, Степан — тракторист на Украине, Григорий — в Кокчетаве и Михаил рядом, в Рузаевском районе, да не в родном селе — только дочь Александра никуда не уехала, работает на ферме дояркой.

А лето, лето какое выдалось... Дождей вволю — березы стоят, как весной,— яркие, нежные, травы цветут даже те, что несколько лет не успевали расцвести, выгорали, хлеба — в пояс.

— Чего ж вам дома не пожилось, сыны мои?..

А кто его знает, чего не пожилось. Все казалось, где-то лучше, чем в затерянной среди степей и лесов Гусаковке. Манили шумные стройки, большие города, и не одни братья Выхристюки вылетели из родного гнезда да так и не вернулись.

А целину в степи поднимал их отец и приезжие парни и девчата, которых тоже, наверное, родные спрашивали: «Чего ж вам дома не пожилось?..» Одни осели здесь, другие уехали назад, к себе домой, но многие все-таки остались...

«Як родився в Барвинках, то и очи сини»,— так говорят на Харьковщине и пересказывают легенду о том, как давным давно, когда еще «козакы по степу кочувалы», нашли на безлюдном месте в барвинковых зарослях малого хлопчика и нарекли его Барвинком. Пошел от хлопца род синеглазых селян, а место, где он «сбудувал» свою хату, так и назвали Барвинки. А вот как появилась в Барвинках фамилия Орел — предание умалчивает, хотя и здесь, наверно, была веская причина.

Когда началась война, Николай Орел еще годами не вышел, чтоб идти воевать; вместе со стариками и женщинами перегонял на восток колхозный скот, а потом пришел в военкомат и попросил: «Возьмите в армию, ведь всего каких-то двух месяцев не хватает». С самого начала оказался на передовой... В боях на Курской дуге был ранен, после излечения попал на Северный фронт. В Карельских лесах, на переднем крае, в окопе, вручали ему карточку кандидата в члены КПСС. Членом КПСС стал уже в Чехословакии, там и День Победы встречал. Но службу военную еще продолжал на Дальнем Востоке, лишь в 1947 году вернулся в родные Барвинки. Работал трактористом, затем закончил курсы бригадиров, и тут началось освоение целинных земель. Сначала сам Николай Федорович приехал в Казахстан, а затем, спустя три месяца, и жена его Вера Акимовна.

— Я ей сказал: подожди пока, не трогайся с места. Говорят и пишут много, но надо своими глазами посмотреть. И что сразу меня здесь поразило — необыкновенный простор. Поля нарезают — по четыреста гектаров... Где еще такое? Ну, думаю, есть где развернуться. Молодой еще был, силы много...

В «барвинковых», чуть поблекших глазах — добрая

усмешка. «Кремезный»— есть такое украинское слово — от кремня, что ли, идет, так и хочется применить его к Николаю Федоровичу: широкоплечий, кряжистый, крепко стоит на земле. За ту четверть века, что возглавляет бригаду, он так свои поля изучил, что, пожалуй, заставь его закрыть глаза и дай горсть земли — он определит, откуда она взята.

Однажды Николай Федорович тяжело заболел. Врачи сделали сложную операцию и признали его нетрудоспособным — отправили на пенсию. Односельчане переживали: «Такой человек, одно слово — Орел, а прикован к постели...» И вдруг новость: Орел на рыбалку собрался. Все радовались, глядя, как он идет по селу,— трудно, с палочкой, но идет. А через некоторое время снова появился в бригаде: «Не могу без вас, хлопцы, тяжко мне дома...»

С тех пор минул добрый десяток лет. По-прежнему колесит по полям бригадирская «летучка». За советом к Николаю Федоровичу не стесняются приехать ни директор совхоза, ни первый секретарь райкома. Из области приедут — тоже к нему в бригаду заглянут. Скажем, ставит погода в тупик: вроде бы и рано сев начинать, да позже синоптики дожди обещают, а Орел как-то всегда умеет лучший срок выгадать, и с севом, и с жатвой. Для него не то что каждый дождь — каждая ночная роса свое, особое значение имеет; уже с весны смотрит он, где как травы взошли, на первый взгляд — зряшные, придорожные, но и у них свой характер, в разные годы по разному себя проявляют. Цветами, травами земля как бы знаки человеку подает, только научиться их читать нужно.

Беседуем на скамье под березой во дворе бригадного стана. Высоко в небе, то четко вырисовываясь на белизне плывущих кучевых облаков, то растворяясь в густой синеве, кружит птица — похоже, беркут. Должно быть, бригадный стан кажется ему ярким пятном среди зеленого разлива хлебов: весь двор в цветах.

У въезда на территорию — надпись: «Бригада высокой культуры земледелия». За каждую пятилетку урожайность на здешних полях возрастает в среднем на три центнера, за девятую вышло по шестнадцать центнеров с гектара.

— Мы теперь все стали агрономами,— говорит мне Николай Федорович.— Было время, по приказу сверху работали: прикажут — сей, и сеяли, хоть волк траву

ешь. А попробуйте нынче любого нашего механизатора заставить сеять в неподготовленную, в не свободную от сорняков землю — да он ни за что не станет.

В эти июльские дни бригада уже заботится об урожае следующего года: обрабатывают пары, сеют кулисы из горчицы, до осени они вырастут высотой в метр, и уж тогда снег с полей не сдует.

Но не только высокими урожаями славится бригада Орла — в ней прошли школу многие ныне известные механизаторы и совхозные специалисты. Как-то само собой заходит у нас разговор о подготовке молодой смены, о том, как сделать, чтобы не тянуло молодых парней и девчат в иные дали, не казалось бы, что «там лучше, где нас нет...»

— В воспитании, как в хлебосеянии,— главное: наперекор здравому смыслу не идти,— говорит Николай Федорович.— Раньше в крестьянских семьях земледельческая наука с молоком матери, с отцовским хлебом впитывалась. Не возделаешь землю, не доглядишь, не выходишь скот — голодать будешь, по миру пойдешь... А теперь среди части сельской молодежи такое рассуждение появилось: «Чего мне в поле выматываться, возле скотины колготиться, в школе я знания не для того получаю, а чтоб свою жизнь покрасивей устроить». И родители в том же их утверждают: «Мы ломили, а они пусть полегче поживут». Считается, школа должна прививать привычку и любовь к сельскому труду. Выведут ребятишек на совхозный огород, а он весь в сорняках, вот они и выдирают их, что есть мочи, тюкают тяпкой, пока не устанут. Картошку помогут колхозу выкопать, корнеплоды убрать — все работа «черная», не особо привлекательная. Ну, здесь еще хоть польза есть. А то надумали спускать школам задание — курей и кроликов выращивать. А как? Не в классах же — ясное дело, ребятишкам по домам раздавать. У нас трое учеников было, так жена за голову хваталась: натащат этих цыплаков, корми их. Какой подохнет — слезы в три ручья: «Меня в школе на линейке стыдить будут...»—«Да не реви ты, своих кочетков отдадим, только уймись...»— Как-то пригласили меня побеседовать со школьниками — принес я в класс несколько колосьев, и что же: не то что сорта — пшеницу от ячменя отличить не всякий сумел. Спросите, какие травы растут у нас на лугах, многие ли знают, как пшеница цветет, какие у нее вредители в поле,— и глаза долу: «может, проходили, да

уже и позабыли». Как же любить то, чего не знаешь... Правда, сейчас уж у нас многое по-другому. В Арыкбалыкской ученической производственной бригаде вам не доводилось бывать? Только мимоходом? Нет, там серьезно надо разобраться. Я считаю, начинание этой школы должно в государственном масштабе рассматриваться. Было время — скептически к нему относились, поругивали даже, а теперь за опытом со всей страны едут... Вот и у нас, в Гусаковке, с них взяли пример, свою ученическую бригаду организовали...

Едва засветились макушки берез, поднялся такой отчаянный птичий гомон, что уже не поспишь. Впрочем, это мне с непривычки — девчонки, мои соседки по вагончику, и не думают подыматься, на заре у них самый сладкий сон... Хотя есть и такие, что встают до солнышка. Потихоньку выйдя на воздух, вижу, что напротив, на ступеньках кухни-столовой, дежурные уже чистят картошку.

— Ох, девочки, и птицы у вас тут горластые...

— Это все скворцы...— одна из девочек, не выпуская ножа, тыльной стороной ладони отводит волосы, выбившиеся из-под косынки.— Вы посмотрите, на каждой березе скворечники, наши мальчишки их всю зиму мастерили, старались, у какого класса больше получится...

— И все скворечники заселены?

— Все... Наверно, еще и не хватило...

Из дальнейшего разговора выясняется, что колония скворцов в этой живописной березовой роще устроена не просто «для души». На уроках биологии ребятам рассказывали, что скворцы уничтожают огромное число жужелиц, долгоносиков, гусениц, совок и прочих вредителей, а для ученической бригады, имеющей восемьсот гектаров пашни, большой огород и около двадцати пяти гектаров яблоневого сада, это вовсе немаловажно.

— Ой, вы знаете, как они потешно за плоскорезами вышагивают, с грачами вместе... Важные такие...

До побудки в лагере еще около часа. Тропинка петляет по лесу. От белых березовых стволов, яркой листвы, солнечных зайчиков весело рябит в глазах. Березы вдруг расступаются, открывая просторный росистый луг, на котором пасутся телята. Ученическая бригада — комплексная, есть у нее своя «ферма». С весны до осени школьники выхаживают триста телят. Девочки —

пастушки одеты в теплые спортивные костюмы, на ногах — резиновые сапожки: спозаранку прохладно, да и роса. У них свой, особый режим дня. Пасут телят до часу, затем в загонках поят их обратом, а когда спадет жара, уже другая смена будет продолжать пастьбу до одиннадцати вечера...

— Девочки, вот мне сказали, что в совхозном стаде телята дают по триста граммов привеса в день, а у вас по семьсот и побольше. Чем объяснить?

Бойчее всех кудрявая черноглазая Соня Ситариди:

— А мы их чайком поим...— и тут же, чтобы не усмотрели в ее словах подвоха или насмешки, скороговоркой продолжает:

— Вот когда их совсем маленьких к нам сюда привезли, они обратик пьют, а пастись ну совсем не хотят, не умеют... Если б у них мама рядом была, может, она бы научила... А нам что делать? Сорвешь, положишь перед ним пучок пырея, а он все равно не хочет... И тогда мы вывариваем траву, а этот взвар добавляем в обрат. Пьют, аж захлебываются. Попоишь так несколько раз — он на лужке начинает к траве принюхиваться, щипать понемногу, а там и распробует наконец, что к чему...

Конечно, не только в «чае» суть, главное — в привязанности, любовном отношении, животные тонко это чувствуют; и в ответственности тоже: все делается строго по часам, на лугу девочки сами не присядут, но и телятам не дадут улечься в тенечке раньше времени: «Ну-ка, попаситесь еще, лежебоки...» Научились уколы делать, если теленок заболеет, знают, как судороги снять: «маленьких часто судороги бьют...»

В зависимости от привесов и зарплата у юных телятниц выходит более ста рублей в месяц.

«...Постойте, постойте,— может быть, воскликнет строгий моралист.— У школьниц — зарплата? Ну, понятно одухотворяющее воздействие труда, воспитание коллективизма, профориентация... Но деньги тут при чем?! Зачем раньше времени прививать подростку меркантильные начала? Труд в юном возрасте должен стать удовольствием, потребностью, но не источником заработка... Пусть бы эти деньги шли в общую копилку, использовались на улучшение быта, отдыха, питания членов бригады, на туристические поездки, на учебные пособия, да мало ли на что можно их пустить...»

Сразу, для сведения: такая «общешкольная копилка» в Арыкбалыкской школе существует. Средства для нее выручаются от сбора макулатуры и металлолома, от воскресников в помощь совхозу — копки картофеля, скажем, или прополки саженцев в лесничестве. Средства достаточные для того, чтобы организовать поездки в Москву и другие города страны, приобретать игры, книги и прочее. Кстати, и совхоз не скупится, ежегодно выделяет значительные суммы на оборудование учебных кабинетов — еще бы ему скупиться, когда ученическая бригада ежегодно дает десятки тысяч рублей чистой прибыли. Но о совхозных прибылях чуть позже, а пока вернемся к той самой детской зарплате, которая коекого приводит в священный ужас.

Позволю себе обратиться к фактам из моей уже давней педагогической практики. В нашей небольшой бревенчатой школе, где в каждом классе была своя печка-голландка, почему-то никогда не хватало до весны топлива. Климат ли дальневосточный слишком суров, или печки были плохие — трудно сказать, но где-то в феврале надо было отправлять в лес бригаду на заготовку дров. Но из кого? Мужчин-учителей — раз, два и обчелся, учительниц не пошлешь; ясное дело, учеников старших классов под руководством завхоза и учителя труда. Старшеклассники — парни дюжие, работали на совесть и, конечно, следовало за их труд расплачиваться по существующим расценкам. Но каждый раз это была проблема. Нагрянет ревизия из районо: «Деньги? Школьникам?!» Вот и приходилось ловчить, оформлять наряды, свидетельствующие, что дрова заготавливали не эти парни, а их мамаши — отцов в ту послевоенную пору, увы, было очень мало... Шли на заведомый обман, зато по идее чистые юношеские души не осквернялись «презренным металлом»...

Впрочем, в летнюю пору многие из наших питомцев зарабатывали деньги самым законным способом. Наше село Новокуровка стояло среди тайги, которая изобиловала ягодами, лесным орехом, пушным зверем. А в чистейшей ледяной воде быстрого Кура водилась не только рыба, но и перламутровая раковина-жемчужница (это из нее делают перламутровые пуговицы и прочие поделки). Ныряя на дно, мальчишки наловчились добывать раковины в большом количестве, на заготпункте за них платили хорошие деньги. А из тайги таскали и тоже сдавали ведрами голубику и другую ягоду...

С пятого по седьмой класс у меня учился Толя Максимов, так он за лето умудрялся заработать на одежонку и обувку не только себе, но и своим младшим братишкам и сестренкам, которых мать растила одна. Что же касается «меркантильных начал»... Нужно было прочитать Толины сочинения, Толины стихи, чтобы понять, какая светлая поэтическая душа у этого мальчишки. Пройдут годы, и в Москве, в издательстве «Детская литература» выйдет книжка с олененком и мальчиком на обложке «Как я жил в тайге». И появятся другие книги: о природе, об истории Дальнего Востока, о строительстве БАМа, о простой человеческой жизни с ее радостями и горестями. Автором всех этих книг будет Анатолий Максимов, член Союза советских писателей, ныне живущий в Хабаровске...

Кажется, я слишком отвлеклась...

— Соня, что ты собираешься купить на заработанные деньги?

— Сапоги...

— А ты, Наташа?

— А я маме отдам, мы на телевизор копим...

«В воспитании, как и в хлебосеянии, нельзя наперекор здравому смыслу идти»,— вспоминаются мне слова Николая Федоровича Орла. Нет, не рвачи, не стяжатели здесь растут, а люди, понимающие цену заработанному рублю, умеющие им распорядиться.

Среднемесячный заработок полевода, строителя, животновода составляет в бригаде около ста рублей, садовода, лесовода, овощевода — около пятидесяти рублей.

Возвращаюсь на полевой стан как раз в тот момент, когда под звуки горна ребята строятся на линейку. Вдоль усыпанной гравием дорожки — цветущие флоксы, петушки, а на круглой песчаной клумбе из шишек выложено: 9 «В».

Во всем так: яркая жизнерадостность детства уже сочетается с сугубо взрослой озабоченностью судьбой урожая, состоянием подопечных животных.

У бригады свой план, свои социалистические обязательства. Техника богатая: шесть тракторов, новеньких, ярких, словно игрушки, весь прицепной инвентарь, почвозащитные орудия — плоскорезы, глубокорыхлители, стерневые сеялки, два зерновых комбайна.

Ныне во всех хозяйствах Арыкбалыкского района принято школьникам вручать только новую технику. Когда-то А. С. Макаренко писал, что можно на всю

жизнь оскорбить ребенка, давая ему носить старую, потрепанную одежду, — так и здесь считают, что можно навсегда отбить интерес к технике, заставляя подростка работать на разболтанной, дребезжащей машине. Доверить новую машину, зато уж и потребовать уважительного, бережного отношения к ней.

Идет линейка. Бригадир Миша Давтян подводит итоги вчерашнего дня. Ребята обрабатывали пары, помогали шефам — совхозной бригаде № 2 на сенокосе, культивировали междурядья в саду.

За лето классы в бригаде меняются трижды, а бригадир остается тот же. У Миши все данные хорошего руководителя. Расчетливый, немногословный, в земледелии разбирается под стать агроному, отлично владеет техникой. Ребята его уважают. Бригадир — он же председатель совета бригады — облечен большим доверием и высокой ответственностью. Он принимает из совхоза по акту закрепленную за бригадой технику, комплектует посевные агрегаты, а затем строго следит за соблюдением правил техники безопасности, сохранностью сельскохозяйственных машин. Он контролирует работы на учебно-опытном участке и выполнение режима в бригаде. Организует дежурства на полевом стане, выносит на совет бригады предложения о поощрении лучших, а, бывает, и о взысканиях с нерадивых.

Понятно, что в глазах ребят бригадир должен быть самым знающим, самым честным, самым справедливым. Еще задолго до того, как бригадир, заканчивающий школу, сложит свои полномочия, комитет комсомола, совет бригады приглядываются к тем, кто мог бы его заменить. О лучших вожаках живут предания, как, например, о первом бригадире Анатолии Шуховцове, закончившем школу с серебряной медалью и направленном совхозом на учебу в Тимирязевскую академию, или о Саше Рейгеле, который не пощадил даже своего лучшего друга, обнаружив большие огрехи после его лафетной жатки: все колосья заставил вырывать руками, а чтобы жатка не простаивала, продолжал косить ею сам...

Руководит бригадой опытный механизатор, ныне преподаватель машиноведения Иван Яковлевич Рудницкий. Он и познакомил меня с историей становления бригады.

В конце пятидесятых годов в трудовом воспитании арыкбалыкских школьников главенствовала тяпка. Сперва ходили полоть, «куда пошлют», затем договори-

лись с совхозом, чтобы выделил восемь гектаров земли: уж если растить овощи, то с начала до конца, чтобы видеть результаты своего труда. Между тем жизнь ставила новые задачи: в хозяйстве не хватало механизаторов, и в 1961 году начали готовить трактористов-машинистов.

Убеждение насчет того, что ребятам следует давать новые машины, пришло потом, а пока совхоз выделил списанные «ДТ-54» и «Беларуси»: «пускай доламывают...» Но так велика была у ребят тяга к технике, так хотелось принять участие в настоящем, «взрослом» труде, что они с жаром взялись за ремонт, и к посевной тракторы и весь прицепной инвентарь были в полной боевой готовности. В ту памятную весну шестьдесят первого ребята почувствовали себя истинными целинниками; все было первое: собственное школьное поле в шестьсот гектаров, шесть собственных тракторов, вагончики бригадного стана в светлой березовой роще.

Из бригадной летописи: «Двадцать восьмого апреля небольшой, но крепкий, дружный отряд механизаторов из девятнадцати юношей и девушек начал весенний сев. Мальчики сели на тракторы, девочки на прицепные машины и в предельно короткий срок посеяли 286 гектаров зерновых... »

Двадцать восьмого апреля... Конечно же, тогда еще считалось, что чем раньше посеешь, тем лучше, ребята следовали установленной агротехнике, и не их вина, что первый урожай получился жиденьким: менее семи центнеров с гектара. Но они продолжали стараться изо всех сил: под урожай следующего года летом вспахали пары, зимой провели снегозадержание, вывезли в поле перегной, объявили по всему селу сбор древесной золы. К севу шестьдесят второго подготовились основательно, все было учтено, о чем и свидетельствует летопись: «Были приобретены двенадцать аптечек, очки для трактористов и противогазы. Во время сева дули сильные ветры, поднимали огромные тучи пыли. Наши трактористы и сеяльщики, не останавливая работы, продолжали сеять в противогазах...» Даже ветровая эрозия не помешала в том году получить неплохой урожай — по пятнадцать с половиной центнеров с гектара. «...Бригада дала совхозу прибыль в сумме 12 289 рублей,— торжествующе отмечал неизвестный школьный летописец.— Себестоимость продукции оказалась значительно ниже, чем в

совхозе. Наш центнер пшеницы обошелся в три рубля тридцать копеек, а в совхозе в четыре двадцать...»

Вот так учились они хозяйствовать, так завоевывали себе авторитет, и уже в 1963 году успехи бригады демонстрировались на ВДНХ в Москве.

В том году портрет лучшего комбайнера Александра Головина поместили на Доску почета Чистопольского производственного управления. Закончив школу, Александр останется в родном совхозе и в первую же уборку обгонит многих взрослых механизаторов. Не пройдет и месяца, как ему первому в отделении будет присвоена квалификация механизатора широкого профиля первого класса...

О многом повествует бригадная летопись. О том, как осваивали новую почвозащитную технику, вводили на своем поле научно обоснованный севооборот. Как по заданию совхоза выращивали на семена новые сорта пшеницы и как в 1967 году закладывали сад; саженцы яблонь взяли из Омского питомника — морозоустойчивые, стелющиеся и в то же время дающие крупные, приятные на вкус плоды... Ребята содержат сад в образцовом состоянии.

— Нынешней весной,— рассказывает Иван Яковлевич,— двое мальчишек, Кубрик и Кох, сконструировали культиватор для рыхления междурядий в саду. Сами подгоняли части, сваривали. Отличный культиватор получился — так его окрестили в бригаде: «Культиватор навесной Кубрика-Коха».

Иван Яковлевич считает, что воспитание в бригаде ускоряет становление личности.

...— Воспитывает коллектив, многолетние традиции, весь уклад бригады. Вот понаблюдайте, какими они приходят в бригаду и какими из нее выходят. Я не боюсь сказать, они заканчивают школу взрослыми, сложившимися людьми, с пониманием чувства товарищества, сплоченности, ответственности. Всех трактористами мы, конечно, не можем сделать, да это и ни к чему. Главное — человек должен знать цену себе, людям, уметь стойко воспринимать жизненные неудачи и не слишком заноситься при успехах. Но для этого нужно иметь определенные критерии в жизни, и вот таким критерием я считаю те жизненные принципы, которые получают ребята в бригаде... Был у нас в школе паренек — шалун, озорник, учителя от него стоном стонали. А уже перед выпуском он мне вдруг заявил: «А знаете,

Иван Яковлевич, теперь я понял, почему в народе говорят, что прежде чем кусок хлеба съесть, нужно комок земли проглотить. Тут, действительно, пока колос вырастишь, столько пыли наглотаешься, столько пота прольешь». Вот видишь, говорю, а забыл, как я бранил тебя, когда ты в столовой кусок хлеба пнул? Смутился: «Глупый я был, Иван Яковлевич, ничего не понимал. Я теперь крошку хлеба со стола зря не смету».

— Ну, и наоборот бывает. В школе отличник, примерный, а в бригаду пришел — не клеится. С девочкой была история: дома единственная, изнеженная, все ей не так в бригаде: и пища невкусная, и работа трудная. Мамаше нажаловалась — та приехала с претензиями: «Перегружаете детей». Показал я ей соцобязательства нашей бригады — сами ведь ребята принимали, трезво свои возможности взвешивали.— «Нет, это вы их принуждаете». Пришлось поставить вопрос на совете бригады: «Так и так, решайте сами, может, у нас действительно требования непомерные». А они сгоряча возьми да и исключи эту девочку из бригады — пусть идет, отдыхает все лето. А это, нужно сказать, самое страшное для наших ребят. Девочка как будто вначале даже обрадовалась, только пожила дома несколько дней и вдруг снова является с горючими слезами: «Примите обратно». Не принимают. Я уж стал за нее просить. Кое-как приняли, но условие поставили, как у Макаренко: «Не пищать!» Народ самостоятельный, дотошный. Сейчас создаем при школе учебный комбинат по подготовке механизаторов, так у них столько инициативы, выдумки. «Иван Яковлевич, что нам по моделям тракторы изучать? Давайте пару списанных тракторов разрежем...» Разрезали, ток подвели, сделали так, чтобы механизмы в разрезе медленно двигались. Только выдумку их тушить не надо, наоборот, развивать...

...Вечер. Жарко натоплена баня, ребята смыли пыль после жаркого трудового дня, и вот уже, принаряженные, спешат к вагончику, где расположен красный уголок. Музыка, танцы... Подкатывает автобус, из него несется задорная песня. Приехали гости из Нижне-Бурлукской ученической бригады, такие встречи бывают часто. Ученические бригады соревнуются, перенимают друг у друга опыт.

Налетает ветер, закипает листва у берез, в небе загораются звезды, и между ними осторожно и плавно пробирается звездочка искусственного спутника.

— Наверно, это самые лучшие годы в нашей жизни,— мечтательно говорит Соня Ситариди.— Вы знаете, бригада — это же... Ну, как вам сказать... Вот некоторые у нас хотели после восьмого класса поступить куда-нибудь в техникум или училище, а из-за бригады передумали, пошли в девятый. У нас даже пятиклассники мечтают, как будут работать в бригаде...

Как же все-таки важно, чтобы человек с детства полюбил родные просторы, понял красоту и величие труда!

2. ХЛЕБ ДУШИ

Лето семьдесят восьмого... Из окон кабинета первого секретаря Арыкбалыкского райкома партии открывается такой простор, что дух захватывает. За большим озером, в переливах нежно-зеленого, голубого, сиреневого — пшеничные поля, березовые рощи, темные сосны среди выступов скал, и все утопает вдали в зыбкой фиолетовой дымке.

— Красивые у вас места, Николай Елисеевич...

— Как для кого,— улыбается он,— а для меня краше и нет ничего. Потому что родина моя здесь...

...Отец пришел домой необычно рано, еще засветло.—«Да что с тобой, Елисей,— ахнула мать.— На тебе лица нет...» Он что-то вполголоса начал ей рассказывать, она ужаснулась, всхлипнула громко, и пятилетний Коля тоже заплакал, сам не зная отчего. Стал постарше — тогда узнал. Отца в тот день кулачье хотело на вилы поднять — спасла овчинная шуба: борчатка прочная, собственной выделки, и, спасибо, колхозные активисты подоспели вовремя.

Шел 1931 год. Елисей Федорович Нижников был председателем Константиновского колхоза. С домашним хозяйством управлялась мать Анастасия Романовна: отец уходил и приходил, когда дети спали. Правда, иногда по праздникам в доме у них собирались друзья отца, и тогда Коля, тершийся возле стола, схватывал и запоминал новые, странно звучавшие слова: «бригада», «коллектив», «трактор», «саботаж»...

Кулаки скрывали хлеб, а бедняки голодали. Скудно жила и семья Нижниковых, даром, что председательская... Но Николай Елисеевич не помнит, чтобы мать когда-нибудь попрекнула отца. Троих сынов и четырех дочерей подняла, считай, на своих плечах, но уж и надорвалась рано...

В восемнадцать лет, сразу после окончания десятилетки, Николай ушел на фронт. Хотел сначала в летное училище, но глазной врач-старичок обнаружил у него легкий дальтонизм: «Ты, сынок, самолеты будешь гробить, ступай-ка лучше в пехоту». И зашагал Николай по полям войны: воевал на первом Прибалтийском фронте, брал Витебск, форсировал Западную Двину. А осенью 1944 года его тяжело ранило и контузило одновременно. Случилось это 14 сентября, — число, дважды памятное недобрым. Ровно через год, тоже 14 сентября, умерла Анастасия Романовна, умерла, когда Николаю, опять, как в детстве, нужна была рядом мать. Пришел он домой из госпиталя инвалидом, с трясущейся головой и руками. Нога отнималась, ходил на костылях, и речь была нарушена — заикался. Заботу о нем взяла на себя старшая сестра, учительница Матрена Елисеевна. Опекала, обихаживала, ласковыми речами вселяла веру в будущее: нельзя поддаваться болезни, надо быть человеком. Наверно, и просторы арыкбалыкские врачевали, дух боров хвойных, свет родных берез. Спустя три года после войны Николай сделал первые шаги без костылей.

9 мая 1974 года в районном центре Арыкбалыке, на холме, вершина которого далеко видна окрест, открывали памятник павшим за Родину сельчанам. Строили его всем селом, так он был и объявлен — всенародной стройкой, и в этот майский день у подножья обелиска собрались все: от малых детей до глубоких стариков. Четыреста пятьдесят восемь фамилий и имен было высечено на граните, и, пожалуй, каждый находил в этом печально-торжественном списке своих родных. Значилась здесь и фамилия Нижников: Григорий Елисеевич, главный врач, погиб при бомбежке полевого госпиталя. А митинг открыл его младший брат Николай Елисеевич, первый секретарь Арыкбалыкского райкома партии. Николай Елисеевич говорил о бессмертии павших, о великой ответственности живых за грядущее планеты, за внуков и правнуков, и еще не знал, что в этот самый момент у него родился первый внук — Сережа.

За минувшие десять-двенадцать лет хозяйства района добились довольно значительных успехов. Резко выросла урожайность, многие бригады носят звание коллективов высокой культуры земледелия.

...— Итак, что нам дает концентрация и специализация производства? Прежде всего, мы не так распыляем средства. За прошлую пятилетку капиталовложения в развитие сельского хозяйства по району у нас составили 25 миллионов рублей, в нынешней — их значительно больше. Но вкладывать капиталы можно по-разному. Один и тот же рубль может очень быстро удвоиться, а может и осесть где-то на задворках животноводческой фермы в виде неиспользованного оборудования или на машинном дворе, где у нас также зачастую стоит в бездействии техника. Концентрация производства определит четкую направленность капиталовложений.

Специализированным молочным и свиноводческим хозяйством уже является у нас совхоз «Константиновский», он же специализируется по семеноводству трав; крупным овцеводческим хозяйством становится совхоз имени Дзержинского, а «Лобановский» будет доращивать и откармливать молодняк крупного рогатого скота из хозяйств всего района. Резко повысится производительность, культура труда. И тут ведь суть не только в сугубо материальной пользе — люди имеют возможность быстрее, глубже изучать определенную отрасль производства, а, следовательно, и расти профессионально. Мы направляем товарищей в лучшие хозяйства Российской Федерации, нашей республики, где уже есть интересный опыт.

Нашу беседу часто прерывают телефонные звонки. По голосу, по выражению лица секретаря пытаюсь угадать его невидимого собеседника.

—...Ну что ты пал духом, дорогой? Да, град, стихийное бедствие, здесь мы еще не властны... Жаль, конечно, хлеб на этом поле отличный ожидался. Но от того, что будем стонать, ведь ничего не изменится, правда? К уборке, к уборке надо готовиться, дорогой мой, чтоб вот тут уж ни одного зернышка не пропало. Как у тебя с межпольными дорогами? Где надо, почистите, заровняйте ухабы, чтоб машины не трясло, хлеб не терялся. Комбайны на случай, если где хлеб поляжет, готовите? Надо и это предвидеть. Ну, ты заезжай. Всего тебе хорошего.

И другой разговор:

— Не ожидал, не ожидал, что ты так скоро переменишься. Удельным князьком... На глазах у людей живешь — все видят. Ты себя не над людьми чувствуй, а

с людьми. Да, да... Зря не стал бы. Для твоей же пользы, хочу, чтоб ты настоящим руководителем стал, людям доступным, людьми уважаемым.— И дальше сугубо деловой разговор о сенокосе, о подготовке рабочей техники.

«Наш Кутузов»,— как-то услышала я от одного из директоров совхозов о Нижникове. А и в самом деле есть в этом грузном, покореженном войной человеке нечто, позволяющее сделать такое сравнение: внутренняя стойкость, мудрая неторопливость в принятии решений, непоказная суровая доброта...

— Мы сейчас как на перевале,— говорит Николай Елисеевич.— И перспективы огромные, и в то же время ясно видим, где что упустили, что не доделали. Наряду со строительством новых комплексов предстоит большая работа по реконструкции и механизации старых ферм. Ведь наряду с такими высокоспециализированными хозяйствами, по существу уже промышленными предприятиями, как, скажем, Имантавская птицефабрика, дающая до трех тысяч тонн мяса в год, есть у нас и такие, где фермы еще крыты землей и соломой, где пока что самые примитивные условия труда. Нужно иметь в виду, что механизация должна не только облегчать труд рабочих, но и давать ощутимый рост производительности труда, снижать уровень себестоимости продукции. А то ведь как бывает: механизируем ферму любой ценой, а потом посчитаем — себестоимость молока, шерсти, баранины не только не снизилась, а даже повысилась. И вот здесь-то встает вопрос: достаточно ли подготовлены для этого наши люди. Только при высокой ответственности каждого, рачительном отношении к народному добру мы сможем успешно развивать нашу экономику.

— Но пока что — возьмите наши доклады на всяких совещаниях,— только и слышно: «гектары, пуды, тонны...» А за пудами и гектарами зачастую совсем не видно Человека, хотя делается-то все для него... Качества, эффективности мы можем добиться лишь тогда, когда в людях по-настоящему восторжествуют коллективные начала. Нет, конечно, же, не обезличку я имею в виду, а такой коллектив, в котором все живут одной заботой — о конечном результате своего труда. В таком коллективе лодырю неуютно, товарищи вправе ему сказать: «Мы знаем, что ты умеешь работать, но не хочешь. Ты лодырь, мы тебя прикрывать своим трудом не

обязаны, иди-ка ты лучше от нас подобру-поздорову». И вот, если повсеместно будут созданы такие коллективы,— а их у нас уже немало,— куда податься нерадивому? Поневоле перестроишься. В этом процессе играют важную роль наши ученические бригады, которые воспитывают сознательных, грамотных тружеников и коллективистов. Сейчас они у нас повсеместно, при каждой школе, воспитанники бригад трудятся во всех отраслях хозяйства, немало выпускников, получив высшее образование, стали агрономами, инженерами, между прочим, уже два директора совхоза есть, Меренцов и Кулешов. Главный инженер районного объединения «Казсельхозтехники»— один из первых бригадиров Арыкбалыкской ученической бригады — Александр Рейгель...

Рейгель... Знакомая фамилия. Ну, конечно, это он — тот Саша Рейгель, строгий бригадир, о котором рассказывали, что он лучшего своего друга снял за огрехи с «лафетки» и заставил вырывать колосья руками...

— Разумеется,— продолжает Николай Елисеевич,— мы постоянно помним, что хорошее дело испортить нетрудно. Если парень или девушка после школы попадут в нездоровый, разболтанный коллектив, то и разувериться, растерять то, что было приобретено, тоже недолго. Вот почему мы создаем специальные комсомольско-молодежные бригады, придаем большое значение наставничеству. Собираем опытных механизаторов, животноводов, беседуем с ними, просим: привечайте новичка, словно это ваш сын или дочь, а если внуки у вас есть, так и любите, как внука родимого... К детям мы порой строги бываем, и накричать, и взбучку дать можем, потому — по возрасту от них не так уж далеко ушли, а вот внуки... Такие они порой беззащитные кажутся,— и тут же делится с горестью:

— Понимаете, Сережу сын с невесткой увезли... До пятого года мы с женой воспитывали, а тут забрали, говорят, в школу готовить надо... Домой приду — места себе не нахожу...

В заключение Николай Елисеевич советует мне съездить в совхоз «Лобановский» к одному из опытных наставников молодежи Герою Социалистического Труда Кенжетаю Рамазанову. Поехали мы туда с секретарем райкома партии по идеологии Полиной Александровной Демченко.

Седьмая комплексная бригада, которой руководит Рамазанов, по благоустройству полевого стана не усту-

пала бригаде Орла, с ним, кстати, Кенжетай давно соревнуется. Добротные дома для механизаторов, кухня, столовая с холодильником и погребом, спортплощадка, красный уголок, где есть телевизор, настольные игры, довольно большая библиотечка. Поля вокруг выглядят прекрасно. Однако бригадир встретил нас пасмурный.

— Беда у нас, наверно, уже слышали? Садитесь в машину, поедемте.

Мы ехали довольно долго. По сторонам дороги колыхались набирающие колос хлеба, тянулась вверх кукуруза, цвели подсолнухи и травы. И вдруг разом все оборвалось и открылась широкая полоса исковерканных, вмятых в грязь растений. Будто стадо слонов протопало, все сокрушая под собой.

— Сорок шесть лет на свете живу,— с горечью говорил Кенжетай,— тридцать лет хлеб выращиваю, а такой напасти не видел. Я на сенокосе был, когда гроза разразилась, вернулся домой уже в сумерки, а тут ребята из нашей бригады прибегают, бледные: «Бригадир, ты чего дома сидишь? Поехали в поле!» У меня первая мысль — молнией кого убило.— «Да нет, град...» Едем — и вдруг в ложбине забуксовала машина. Вылез я... Верите, сверху земля — намыло потоком с паров — вон, видите, на парах промоины, а под нею — слой града, чуть не по колено. Градины крупные — с мой большой палец, и граненые, острые, как обломки льдин. Что же тут останется, под таким градом?

Мне вспомнилось, как сочувственно разговаривал по телефону Николай Елисеевич с директором Лобановского совхоза Владимиром Александровичем Паршиным. Еще бы — такое горе...

— У нас один парень заикнулся — дескать, спишется на стихийное бедствие, материально не пострадаем, так все на него обрушились: «Ты понимаешь, что говоришь?» Хлеб погиб — словно кого близкого потеряли...

Мы тронулись с места и, наконец, миновали градобойную полосу. Снова расстилались вокруг чистые от сорняков поля, среди которых, будто светлые островки, там и сям виднелись березовые колки. Лицо Кенжетая несколько прояснилось. Узнав о цели нашего приезда, начал рассказывать о том, как воспитывают в бригаде молодых хлеборобов. Кудайберген Байбазаров, Узбек Хасенов, Болат Алькеев и многие другие пришли в кол-

лектив прямо со школьной скамьи — ныне это опытные механизаторы, уважаемые в районе люди.

— Мы у себя в бригаде организовали консультационный пункт — спасибо, учителя из нашей школы помогают. Двенадцать человек учатся заочно в техникумах, вузах, и я считаю, что это очень правильно. Без образования хлеборобу нынче трудно, знаю по себе.

Семи лет Кенжетай лишился отца. Семья была большая — 16 человек; Кенжетая взял на воспитание брат Мукжан. Когда началась война, Мукжан ушел на фронт, и теперь уже на четырнадцатилетнего Кенжетая легли заботы о семье брата, где осталось пятеро детей. Он стал работать в колхозе, окончил курсы трактористов, а в сорок седьмом году провел свою первую жатву — помощником комбайнера.

— Вот мы иной раз с Сейтмашем Сейфуллиным,— он тоже тридцать лет за рычагами,— беседуем: сложнее нынешнюю молодежь стало воспитывать, иной раз не знаешь, с какого боку подступиться, чтобы самолюбие не задеть. Сейтмаш говорит: «Потому что нужды не знали. Чтобы счастье понять, нужно горе увидеть». А я ему: «Неужели ты хочешь, чтобы твои дети горе увидели? Нет, неправильно это. Всему свое время, все равно жеребенок дальше коня ускачет. Нас нужда учила, а им надо с малых лет дать почувствовать радость и пользу труда, пробудить тягу к познанию нового».

Озеро Имантав... Синь неба, рябь воды, уходящие ввысь чешуйчатые стволы сосен. Нынче шишек много завязалось, аксакалы говорят: хлеб должен добрый уродиться.

Мерно плещет волна о прибрежные камни — и вдруг песня:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг отчизна зовет...

Из-за мыса выплывают пять шлюпок. Мальчишки в белых морских робах, синих бескозырках энергично взмахивают веслами.

...Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход...

На косогоре, меж сосен, в дощатых домиках, гордо именуемых кубриками и каютами, проводят летние кани-

кулы члены клуба юных моряков «Нептун» Имантавской средней школы и птицефабрики имени газеты «Правда». Клуб был создан в шестидесятых годах по инициативе директора Имантавской школы Георгия Константиновича Прохорова. Первое время многие недоумевали: «Степь же кругом, хлеборобов надо воспитывать, зачем вся эта затея с моряками, лучше устроить обыкновенный лагерь труда и отдыха». Но прохоровская «затея» оказалась удивительно притягательной для ребятишек пятых-шестых классов. Играючи усваивают они устройство дизельных моторов на лодках и катерах, учатся ими управлять,— кстати, от многих в Арыкбалыке, и механизаторов, и педагогов, я слышала, что в двенадцать — четырнадцать лет у человека особенно сильна тяга к технике, и никак нельзя упускать возможности этого возраста, когда все схватывается на лету, не бить по рукам: «тебе еще рано», а всячески удовлетворять ребяческое любопытство, стремление овладеть тайнами механизмов. Обычно, приходя из Клуба юных моряков в ученическую производственную бригаду, подросток легко осваивает вождение трактора и автомобиля.

В программе Клуба — строевая и физкультурная подготовка. Ребята изучают Устав Военно-Морского флота, историю и типы боевых кораблей, сигнализацию. Они учатся вязать морские узлы, выходить на шлюпках «в открытое море».

Игра-игрой, а некоторые воспитанники клуба и в самом деле стали моряками. С Тихого океана приходят письма от Александра Песоцкого, мичмана, корабельного механика. Виктор Дмитриев служит на Черном море... С благодарностью вспоминают они о родном «Нептуне», о светлых водах целинного озера, где получили первую «морскую» закалку.

Есть у Клуба юных моряков еще одно важное, сугубо земное дело. Ребята несут постоянную вахту, охраняя имантавские леса от пожаров и порубок, берега озера — от загрязнения, захламления любителями «отдохнуть на природе». Кстати, благодаря бдительности юных моряков удалось предотвратить несколько опасных лесных пожаров. Помогают они и Арыкбалыкскому лесопитомнику: сажают и оберегают молодые деревья.

Бережное отношение к природе в районе чувствуется повсюду. Мне довелось побывать на ярмарке, проходившей вблизи Арыкбалыка в большой березовой роще. Народу наехало из одиннадцати хозяйств, по самым

скромным подсчетам, тысяч пять, а разбрелись меж деревьев — вроде бы и не густо. На просторных полянах, в палатках и павильонах шла бойкая торговля. Варилось в больших казанах мясо, кипели самовары, жарились шашлыки. Были здесь спортивные состязания, на специальном помосте выступали молодежные ансамбли. И как хозяева, повсюду расхаживали ребята в красных галстуках.

— Наш зеленый патруль,— пояснила Полина Александровна Демченко, с которой мы приехали на ярмарку.— Обратите внимание, как они действуют...

Вокруг большого ковра (специально для вольной борьбы из Киева выписали) толпилась масса азартных зрителей, подбадривавших борцов громкими криками и свистом... Один особенно ярый болельщик в черной шляпе и желтой рубашке взгромоздился на березу, вот-вот готовую хрустнуть под его тяжестью. Но «зеленый патруль» уже начеку:

— Дяденька, слезайте немедленно!

Ничего не поделаешь — пришлось повиноваться.

Многие приехали семьями, расстелили на траве чистые полотенца, разложили снедь, и понеслись над рощей протяжные песни. А когда кончилось все — никаких следов не осталось после семейных трапез: ни банок, ни бутылок, ни обрывков бумаги... Если бы городские туристы так вели себя на природе!

Мы с Полиной Александровной пробыли на ярмарке, по сути дела, до самого вечера, когда и торговые лавки уже разъехались, и нигде я не заметила искалеченного деревца, сломанной ветки, красавица-роща осталась такая же, как была, лишь примятая шелковистая трава с цветами земляники потихоньку выпрямлялась...

...— Что такое ученическая бригада?— спрашивает Ултай Нурсеитов.— И отвечает:— Завтрашний день нашего совхоза...

Ултай Нурсеитов — Герой Социалистического Труда, директор совхоза «Имантавский»— потомственный хлебороб. Его отец Ишмухамбет Нурсеитов был полеводом, опытником, ездил на первую сельскохозяйственную выставку в Москву. Сын Ултая — Мукан пошел по стопам отца и деда: в ученической производственной бригаде он освóил вождение трактора и нынче поступил в сельскохозяйственный институт.

Имантавская ученическая производственная бригада организовалась одновременно с Арыкбалыкской. Разви-

ваясь, соревнуясь между собой, они во многом влияли и влияют друг на друга.

Два десятилетия — срок немалый. Семьдесят пять процентов тружеников совхоза «Имантавский» — питомцы школьной бригады.

У Имантавских школьников — самые чистые в совхозе поля (семьсот гектаров), самая продуманная агротехника (пятипольный оборот), и техника всегда в образцовом порядке. Лучше иного взрослого механизатора ребята растолкуют, почем обходится центнер хлеба, что такое амортизация техники, как нужно беречь горючее и смазочные материалы.

Ежегодно бригада собирает с каждого гектара на 2-3 центнера больше, чем в целом по совхозу; скажем, в семьдесят шестом совхоз взял в среднем по двадцать пять центнеров, а школьники — по двадцать восемь.

Юным опытникам было поручено найти для совхозных полей оптимальные нормы высева семян на гектар, и, поставив многолетний эксперимент, они пришли к тому же выводу, что и шортандинские ученые: «Зачем сеять больше, чтобы получать меньше?»

Чем раньше начато трудовое воспитание, тем оно эффективней. Об Аканском детском комбинате я уже слышала. Знала, что за успехи его в трудовом воспитании дошкольников он представлен на ВДНХ. И все же была приятно удивлена: таким солнечным и уютным был этот двухэтажный дворец для детворы, утопающий в цветах, окруженный прекрасным садом со всевозможными игровыми площадками, качелями, каруселями, аттракционами, павильонами и беседками в виде сказочных домиков, с аккуратными миниатюрными грядками в огороде, где малыши любовно высевают пшеницу, овес, рожь, высаживают всякие овощи. В теплицах дети вместе с воспитателями всю зиму выращивают свежие овощи и зелень. На обед у детей как раз была окрошка, для которой они сами вырастили огурцы, редиску, зеленый лук, укроп.

Труд здесь — радость, игра. И в то же время он незаметно становится потребностью, жизненной необходимостью.

Все есть у детей: яркие книжки, красивые игрушки. Есть светлые спальни, чистые постели, вкусная калорийная еда, заботливые няни и воспитательницы. Музыкаль-

ный руководитель — Заслуженный работник культуры Казахской ССР Ирина Бакеновна Адильбаева. Уже двадцать лет руководит она художественной самодеятельностью в совхозе, вместе с областным ансамблем «Кокшетау» ездила на гастроли за границу.

В очередь на детский сад не записываются: любая работающая мать может привести своего ребенка, причем львиную долю расходов берет на себя совхоз, плату за питание можно назвать символичной. Недавно в совхозе чествовали мать-героиню И. Цафт, у нее десять детей, пять дошкольников воспитываются в детском комбинате на полном обеспечении совхоза. Так же обстоит дело и с другими многодетными семьями.

Заведующая детским комбинатом Раиса Владимировна Скоржевская, она же председатель женсовета, постоянно занимается вопросами семейного быта. «Ведь если ребенок вечером вернется в грязную, неухоженную квартиру, услышит брань родителей,— все наше воспитание насмарку»,— говорит Раиса Владимировна.— Поэтому бывает даже и так: придут из женсовета в такой дом, выбелят квартиру, вычистят посуду и скажут: «Так держать!» Используют и другую форму общественного воздействия — устраивают вечера для женщин. Встречаются, делятся опытом воспитания детей, секретами домашнего хозяйства.

— Специфика села дает громадные возможности для интересной, своеобразной культурно-массовой работы,— говорила мне Полина Александровна Демченко.— Но как слабо еще используются эти возможности! Самое больное наше место — нехватка кадров культурно-массовых работников. В клубах и домах культуры зачастую работают случайные люди. Готовить работников культуры нам надо прежде всего из жителей района. И если сейчас хозяйства посылают учиться своих парней и девчат только в сельскохозяйственные вузы и платят им стипендию, то надо нам подумать и о вузах и техникумах культурного профиля. Посылать туда, конечно, людей талантливых и выявлять их с малолетства. Не так уж и долго в райцентре у нас музыкальная школа работает, а была я на днях на концерте и порадовалась: ребята играют пьесы Чайковского, Глинки, Прокофьева. Некоторые хозяйства тоже хотели бы создать у себя хотя бы музыкальные классы, студии изобразительного искусства. Но где взять педагогов? У нас в школах ни

одного преподавателя пения нет со специальным образованием.

Многие в селе сейчас живут материально лучше, чем в городе. И все-таки завидуют горожанам. Потому что видят: там люди имеют больше свободного времени, культурней, интересней отдыхают. И надо сейчас думать о том, чтобы сельскому человеку перепадало больше духовного хлеба...

3. И СНОВА ЖАТВА

Стояли последние дни августа восемьдесят третьего. Низкие тревожные тучи ползли над землей и, как бы наперерез им, двигались комбайны, методично стирая золотистые строки пшеничных валков, расставляя аккуратные пунктиры копен. Николая Федоровича Орла мы нашли возле остановившегося агрегата.

— Что, серьезная поломка?

— Цепь маленько ослабла. Ничего, наладили... Давай,— махнул он комбайнеру и повернулся ко мне:

— С приездом вас... Опять за зерном к нам приехали?

— Как это?..

— Ну, вам ведь тоже надо зерно собрать, прежде чем свой хлеб испечь... Разве не так?

— Так, Николай Федорович. Вообще-то так...

Стылый осенний ветер пахнул не то дождем, не то снегом.

— Погодка-то, а?— пожаловался бригадир.— За горло берет... А все лето на наши поля, верите, ни капли. Пройдут тучи, прогремят, где-то в соседних хозяйствах дождем прольются, а мы задыхаемся...

— Но пшеница у вас как будто неплохая, Николай Федорович...

— Смотря как судить. В восьмидесятом мы по двадцать пять центнеров с гектара взяли, а нынешняя пятилетка с самого начала как пошла засушливая, так и держится. В среднем по пятнадцать за эти годы получается, какую влагу запасли зимой и весной сохранили — та и наша... Но сейчас-то ведь как назло... Синоптики предсказывали еще дней десять погожих, да, видно, в небесной канцелярии переиграли...

Лицо у Николая Федоровича было усталое, веки воспалены — чувствовалось, недосыпает он...

— Потом отдохнем. Главное без потерь уборку за-

кончить. На комбайне этом, что сейчас отошел, знаете кто? Сын мой, Николай...

Я вспомнила, что тогда, при первой нашей встрече, молодой Орел только вернулся из армии.

— Жена его Галя поваром у нас в бригаде, а другой сын, Володя, ветеринарный врач, в нашем же совхозе. Тоже успел жениться, и внучат у нас с Верой Акимовной уже четверо: Женя, Наташа, Оля, Алеша... Такие бедовые: хлебом не корми — на тракторе дай покататься...

«Орлята учатся летать»,— вспомнилось мне из песни Пахмутовой. Давно ли, кажется, беседовали мы с Николаем Федоровичем на полевом стане, и над нами в теплом июльском небе неторопливо кружила большая степная птица, а вот — уже семь лет промелькнуло...

— В Гусаковке нашей много добрых перемен,— рассказывал Орел.— Сам облик села стал другой, столько новых домов — для молодоженов специальную улицу построили. Дом быта, детский сад, сейчас вот за школу новую взялись. Да, еще забыл сказать: полевой стан для ученической бригады. Место красивое — в лесу, озеро недалеко... Теперь у нас молодежи гораздо больше стало в селе оставаться, глядишь, и нас потеснят скоро.

— Ну, что вы так, Николай Федорович...

— А что? Вполне естественно. Как говорится, молодой — на дело, а старый — на думу...

И тут же, к слову, рассказал мне Николай Федорович о бригадире соседней комплексной бригады Кажгали Нургалиевиче Жукенове.

— Мы его просто Коля зовем — сызмальства так. Парнишка смышленый рос, все возле техники вертелся. Школу кончил — в институт поступил. Вернулся агрономом. И вот — взял себе бригаду.—«Я,— говорит,— дядя Коля, хочу полностью на полях свои знания применить...»—«Ну, тезка, давай, если что, поможем».— По началу ему, правда, трудновато было, а в прошлом году — впервые — обогнала нас его бригада: мы взяли по шестнадцать и восемь десятых, а они по семнадцать с половиной центнеров с гектара — победителями областного соревнования вышли...

В голосе Николая Федоровича не было и тени обиды, наоборот, звучала гордость за молодого «соперника». После, когда я рассказала об этом разговоре Полине Александровне Демченко, она заметила:

— Жукенов — толковый специалист. И, знаете, сильно чувствуется у него почерк Орла...

«Орлята учатся летать»... В ученической производственной бригаде Арыкбалыкской школы тоже много новостей. В 1979 году за успехи в трудовом воспитании она была удостоена звания Лауреата премии Ленинского комсомола и занесена в Золотую Книгу целинной славы. Двадцать членов бригады награждены медалью «За освоение целинных и залежных земель».

На полевом стане бригады уже не было прежних вагончиков: их сменили добротные кирпичные дома, в которых разместились спальные корпуса, кухня, столовая, баня, медпункт, красный уголок, агрохимлаборатория.

— Вот этот спальный корпус Павлик мой строил,— рассказывала Полина Александровна,— как раз в том году он возглавлял в бригаде строительное звено. Вместе с Ленинградским студенческим строительным отрядом работали. Ну, а осенью его уже выбрали бригадиром.

Полину Александровну с Арыкбалыкской ученической бригадой роднит многое. В шестидесятые годы, самое время становления бригады, работала она сначала учительницей, а затем директором Арыкбалыкской средней школы, и вот уже пятнадцать лет занимается делами ученических бригад в районе как секретарь райкома партии. И еще: Полина Александровна и Николай Степанович Демченко — оба считают, что если выросли их сын и дочь самостоятельными, трудолюбивыми, то это прежде всего — благодаря закалке, полученной в ученической бригаде.

...— Павлик с БАМа, из поселка Магистрального, пишет, он там в студенческом строительном отряде «Шугла» от Карагандинского политехнического института: «Довелось мне поработать и молотобойцем, и плотником, и бетонщиком, и электриком. И мох на тракторе из тайги возил — здесь им стены для тепла конопатят... Ребята удивляются: «Где ты столько специальностей получил?» Даже не верят, что в ученической бригаде...»

...— Сейчас он бригаду только добром вспоминает,— посмеивается Полина Александровна.— А ведь всякое было. Как-то,— он уже бригадиром был,— летом прихожу домой с работы, а он на диване лежит, лицом в подушки зарылся.—«Ты что, Павлик, уж не заболел ли? Почему не в бригаде?»—«Я туда больше не пойду. Если я бригадир, то и решать вопросы должен самостоятельно, а не по указке»...— Оказывается, какие-то разногласия у них с руководителем Иваном Яковлевичем Рудницким

возникли...—«В чем дело, ты хоть расскажи».— Молчит. Ну, не стала я допрашивать, пошла корову доить. Слышу: машина у ворот загудела. Иван Яковлевич приехал: «Павлик дома?»— О чем уж они там толковали, только сын веселый на крыльцо вышел, кричит мне: «Мама, до свиданья, поехал я!»—«А ужинать?»—«В бригаде поужинаю!»

А то однажды восемь телят у них потерялось... Вот уж он испереживался. На мотоцикле, на лошади верхом всю округу объехал... Нашел-таки. Оказывается, ушли по ветру на Верхний Бурлук...

Признаться, я побаивалась, что с постройкой капитальных домов ученический полевой стан потеряет прежнее своеобразие. Понимала, что ребятам станет гораздо удобней, и все-таки жаль было вагончиков, чудесной березовой рощи, ведь половину ее, по крайней мере, придется вырубить... Но мои опасения оказались напрасными. Просто удивительно, как удалось юным строителям «вписать» дома меж деревьев. Корпуса расставили в довольно прихотливом порядке — наискось, углом друг к другу, словом, «как продиктовали березы». Ухищрений это стоило немалых, при рытье котлованов под фундамент зачастую приходилось отказываться от бульдозеров и действовать лопатами, но живописный пейзаж был сохранен, а цветов стало еще больше.

Раньше вода в бригаде была привозная. Теперь пробурили скважину, поставили вместительные чаны. В распоряжении ребят — поливальная машина «Волжанка».

В красном уголке — веселые лозунги, типа: «Труд из обезьяны сделал человека. Безделье приводит к обратному результату». Остроумно оформлены правила безопасности.

— Когда мы решили передать технику в полное распоряжение ребят,— вспоминает директор школы Александр Антонович Возный,— наслушались всяких ахов и охов: «Ребенка на трактор — одного? Да он же у вас руки-ноги покалечит. Если уж и сажать, то обязательно трактор должен быть с двойным управлением, чтобы рядом — наставник». А у того «ребенка» усы уже пробиваются, он дела самостоятельного жаждет. Да и наставников где столько набраться, чтобы с каждым на тракторе сидел... И вот прошла четверть века,— «тьфу-тьфу, как говорится, через левое плечо»,— никаких серьезных травм, кроме царапин и порезов. Бдительности, разумеется, не теряем, на каждой линейке твердим

об осторожности: «Ухарство — не геройство, поспешишь — не просто людей насмешишь — родных и близких плакать заставишь...»

В эти дни территория полевого стана была почти пуста: ребята разъехались по домам, готовились к школе, но кое-кто еще оставался здесь: несколько юных опытников колдовали в агрохимлаборатории, девочки продолжали пасти телят.

— Они же за привесы борются,— пояснил директор,— а сейчас, после дождей, травы хорошо в рост пошли.

— Зарплата им идет по-прежнему?

— А как же... В назначенные дни на полевой стан приезжает совхозный кассир, все, как положено. Да, у нас еще новость — узаконена трудовая книжка. Теперь, заканчивая школу, члены ученической производственной бригады имеют двухгодичный трудовой стаж. Это справедливо: за десятую пятилетку совхоз получил от нашей бригады чистой прибыли полмиллиона рублей. Только зерновых дали пятьдесят пять тысяч центнеров, а еще ведь и кукурузу на силос, картофель, свеклу, овощи, фрукты... Можно уверенно сказать, что и в повышении продуктивности совхозного стада есть заслуга школьников: выращено почти две тысячи породистых телочек...

Теперь поле ученической бригады занимает тысячу гектаров. В распоряжении школьников — восемь тракторов, три комбайна «Нива», бункер-накопитель, картофелесажалка, вся необходимая почвозащитная техника. На машинном дворе — своя станция техобслуживания с механической мойкой.

Над юными механизаторами шефствует совхозная комсомольско-молодежная бригада, которую возглавляет выпускник этой же школы Дмитрий Дмитриевич Паксюткин. (Учителя по старой памяти еще зовут его Митей). Впрочем, некоторые считают, что еще надо уточнить, кто над кем шефствует. Школьники помогают старшим товарищам во время посевной, сенокоса, жатвы, словом, приобщаются ко всем их делам. А самое главное, чувствуют себя во «взрослой» бригаде, как дома, а сам бригадир им вроде бы как старший брат.

Бригада Паксюткина в подавляющем большинстве состоит из выпускников школы. Работают творчески, с выдумкой. Помню, в 1976 году Дмитрий Дмитриевич мне рассказывал, как «усовершенствовали» они снегозадержание:

«Обыкновенные снегопахи делают снежные валы недостаточно высокие, весной солнце слишком быстро их растапливает, и влага не успевает впитаться в землю. Вот мы и решили провести эксперимент: попросили на время у дорожников ДАГи, мощные грейдеры и нарезали ими на двенадцатом и тринадцатом полях снежные валы почти в два метра высотой».

В том году бригада собрала в среднем по двадцать девять центнеров пшеницы с гектара, а поля, где снег задерживали таким необычным способом, дали по тридцать пять. Стоило «валы городить!»

«Может, и в самом деле следует конструкторам подумать об усовершенствовании техники для снегозадержания на целинных полях?»— спрашивал Паксюткин в своей заметке, опубликованной в «Казахстанской правде».

Содружество ученических и взрослых коллективов стало нормой в районе. В Константиновской ученической производственной бригаде, например, после восьмого класса ребята уже работают помощниками комбайнеров, а после девятого самостоятельно убирают хлеб. В жатву-82 сын парторга совхоза «Константиновский» Анатолия Николаевича Тимофеева девятиклассник Сергей намолотил одиннадцать тысяч центнеров зерна.

В Арыкбалыкской ученической бригаде готовят также теперь операторов машинного доения, причем не только девочки, но и мальчики стремятся овладеть этой профессией. Сто пятьдесят коров размещаются в трех летних фермах; поение животных, раздача кормов механизированы. Есть и доильная площадка с молокопроводом, охлаждением молока, чистка помещений — гидросмывом. А где техника, там и мальчишки, дотошный народ.

Вдруг выяснилось, что они надаивают молока от коровы больше, чем девочки, а при анализе в бригадной агрохимлаборатории и жирность молока оказалась у них выше. В чем дело? Ларчик открывался просто: девочки доят только механическим способом, а мальчишки взялись додаивать своих коров после аппарата еще вручную. Последние струи молока — самые жирные, вот и весь секрет...

Очень ответственно относятся к кормлению животных. Однажды недобросовестный совхозный шофер решил скинуть часть зеленки у себя во дворе. Обнаружили и такой тарарам подняли...

Как-то в статье М. Кондакова, президента Академии

педагогических наук СССР я прочитала, что проблемам, связанным с трудовым обучением и воспитанием, посвящено около трехсот докторских и кандидатских диссертаций и более ста монографий. Разработано несколько вариантов программ. «Теоретически как будто все на месте,— пишет академик.— А практически мы до сих пор неудовлетворительно обеспечиваем подготовку молодежи к труду...»

— Тут научная сотрудница приезжала,— рассказывал Возный,— собирала материал для диссертации, так она возмущалась: «Так рано дети встают — коров доить, телят пасти... Им бы еще поспать, бедненьким...»— Я ей говорю, что у нас в животноводы идут только добровольно, что ребята сами заинтересованы, и морально, и материально: заработок оператора машинного доения, к примеру, у нас достигает двухсот рублей в месяц.

—«Ах! Так они из-за денег выматываются, это еще хуже...»— Ну как ей объяснишь? На разных языках разговариваем. Вот мы сейчас сетуем: молодые не хотят коров заводить. Да потому что боятся, не знают, как подступиться. А наши выпускницы — те, что доярками, телятницами работали,— пусть она экономистом, швеей, медсестрой стала,— а корову в хозяйстве держит.

—«Вы их детства лишаете...»—«А что вы понимаете под детством?»—«Ну... Возможность играть, развлекаться...»—«Положим, очень трудно разграничить, где в этом возрасте труд, а где игра. Вот посмотрите на мальчишку, как он по машинному двору деловито снует, как борону к трактору цепляет, как радостно сияют его глаза, когда он свой агрегат в поле выводит. Ему дано задание в два следа поле проборонить, а он норовит в четыре, потому что сам процесс работы — для него удовольствие... И потом — время работы у нас очень строго регламентировано: учащиеся пятых-седьмых классов в лагере труда и отдыха работают четыре часа в день, старшеклассники — шесть. Остальное время — читай, играй, смотри телевизор, занимайся спортом. У нас в бригаде — своя киноустановка, эстрадный оркестр. Вместе со студентами стройотряда ребята устраивают вечера художественной самодеятельности, спортивные состязания. Есть один недочет — плавать негде учиться, теперь котлован роем для искусственного озера: будет где и покупаться, и порыбачить. Да что мне вас убеждать: спросите любого нашего выпускника, какие у него самые яркие воспоминания? И он ответит:

время, проведенное в бригаде. Не случайно же после выпускного бала ребята вместе с родителями приходят сюда, на полевой стан, и здесь встречают рассвет...»

—«Но не носит ли все же воспитание в бригаде скрытый принудительный характер?.. Может быть, вы, заставляя всех заниматься сельскохозяйственным трудом, неосознанно гасите в отдельных личностях иные творческие задатки?»—«А нам кажется, что мы как раз их пробуждаем. Если говорить об умственном развитии наших ребят в общем, то вот вам такие данные. Четвертый год у нас нет второгодников. Более половины ребят учится на четверки и пятерки. Двое выпускников в районе нынче получили золотые медали, оба — наши. Около сорока процентов наших питомцев нынче поступило в вузы и техникумы, причем не только в сельскохозяйственные и технические, но и гуманитарные. А вот что мы точно можем сказать: тянет наших выпускников обратно в родные места. Сорок пять учителей нашей школы когда-то в ней учились, все педагоги молодого и среднего возраста прошли через ученическую бригаду. Есть среди наших выпускников «медицинская» династия: медсестры Валентина и Надежда Долгополовы, и Леонид, их брат,— врач, заведующий районной поликлиникой, есть работники культуры...

Да, работа в поле не проходит для юного человека бесследно. Сколько бы статей он ни прочитал о хлебе, сколько бы бесед ни прослушал, но эти двадцать дней, которые проведет он в кабине комбайна, когда будет жить одними заботами со взрослыми комбайнерами, как сохранить, убрать все до зернышка, когда сердце его будет замирать от появления тучи, неизвестно что несущей,— то ли дождь, то ли снег, и вольной птицей взмывать навстречу ясному погожему дню, когда чистое сухое зерно польется в бункер его комбайна и петь захочется от радости — тот, кто не испытал этого, вряд ли поймет истинную цену хлеба.

Формирование личности. Никакими двойками и пятерками не добьешься того, что испытывает подросток, видя дело своих рук. «Я поработал. И вот он, дом, стену которого я выложил своими руками,— это моя стена... Это дерево, этот цветок я посадил. Этот теленок выращен мною, это я позаботился, чтобы он не болел, растил, кормил, поил его, оберегал от напастей...»

Найдите у нас в бригаде «автограф» на стене, выбитое стекло, погубленное дерево... Наши дети растут не

разрушителями, а созидателями, они учатся тонко чувствовать и любить природу, потому что живут заодно с ней...»

— Вот так мы и побеседовали,— заключил Александр Антонович.— Не знаю, убедил ли я ее, но кое-что ее заинтересовало, в частности, проблема разновозрастного трудового коллектива учащихся. Чтобы яснее, скажу о семье, в которой сам рос. Нас, детей, было восемь, родители работали в колхозе. Следить за младшими было обязанностью старших. Помню, каким авторитетом был для меня старший брат, как я стремился перенять то, что он умел. Не так от матери с отцом хотелось заслужить похвалу, как от старшего брата. Сейчас во многих семьях один ребенок, от силы двое; и в детском саду, и в классе он находится в обществе своих ровесников. Класс — коллектив искусственный, здесь ребятишки, как бы поточней выразиться: ну, как в зеркало, друг в друга глядятся: один кривляется, на голове ходит, и другому тоже надо... И все равно их тянет к старшим. Вот почему в последние годы мы даже опытные грядки начальных классов перенесли на территорию ученической производственной бригады. Копает первоклассник лопатой свою грядочку, поливает из лейки, а сам уже приглядывается, как его старший товарищ трактор ведет или «Волжанкой» большой огород поливает. И уже мечтает малыш о том времени, когда подрастет и ему машину доверят... А в то же время старшие чувствуют себя обязанными опекать младших, устраивать с ними игры, ходить в походы... Разновозрастные объединения школьников — это же от макаренковского наследия идет — именно Антон Семенович утверждал, что этому принципу принадлежит будущее.

Спустя несколько месяцев, когда на всенародное обсуждение был вынесен проект ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», я позвонила в Арыкбалык Александру Антоновичу Возному.

— Нет у нас сейчас в районе такой семьи, такого хозяйства,— сказал он,— где не обсуждалась бы предстоящая перестройка системы народного образования. Мы горячо одобряем меры, направленные на улучшение трудового воспитания школьников. В проекте ЦК КПСС подчеркнуто, что «...непосредственное участие школьни-

ков в общественно полезном, производительном труде является непременным фактором выработки осознанного отношения к учебе, гражданского становления, нравственного и интеллектуального формирования личности, физического развития».

Это положение мы можем подтвердить своей практикой. Повышению качества знаний во многом способствует тесная связь обучения с производительным трудом, начиная с первого класса: на опытном участке, в лагере труда и отдыха и, наконец, в бригаде. Труд не только помогает нашим воспитанникам вырабатывать активную жизненную позицию, формирует коммунистическую убежденность — он способствует активизации мышления: учебный материал, связанный с фактами и примерами из жизни родного совхоза и их собственной трудовой практики, школьники усваивают крепче, успешней его применяют. Наш двадцатипятилетний опыт помогает наметить основные узлы взаимосвязи общеобразовательных предметов с сельскохозяйственным трудом.

Мы замечаем, что наши ребята стали инициативней — они стараются сделать самостоятельные «открытия», собственные выводы. Это логичный результат того, что творческое, исследовательское отношение к труду воспитывается с начальных классов. Так, уже первоклассники и второклассники на опытном участке сравнивают, как всходят и развиваются растения, посеянные сухими и замоченными семенами, определяют влияние площади питания на величину отдельных луковиц и т. п. В третьем классе учатся подкармливать растения минеральными и органическими удобрениями, испытывают влияние на урожай различных способов их внесения. Постепенно опытническая работа усложняется и расширяется.

Подлинно научным центром школы мы считаем агрохимзооветлабораторию, которой руководит педагог с тридцатилетним стажем работы Отличник просвещения Казахской ССР Т. М. Максимова. Лаборатория оснащена всем необходимым оборудованием, позволяющим проводить анализ почв и срезов растений, анализ молока, исследовать состав и качество зерна. Специальные группы юных агрохимиков, в основном, из числа семиклассников, в течение всего лета ведут фенологические наблюдения, собирают материал, который затем используется на уроках биологии и химии.

В сельских условиях, думается, следовало бы

дать больше прав и возможностей общеобразовательной школе в осуществлении профессиональной подготовки учащихся. Ежегодно от нас требуют: «Направьте двадцать пять человек в СПТУ». А вы думаете, это легко? Как ни убеждаешь ребят, что государству нужны квалифицированные специалисты, многие уходят с обидой. Каждый год неизменно повторяется одно и то же: «Не отправляйте моего Ванюшку... Тут он у меня на глазах, а уедет, неизвестно еще в какую компанию попадет...» Убеждаю матерей, что ничего не случится, а у самого на душе кошки скребут: в четырнадцать-пятнадцать лет подросток очень подвержен чужому влиянию. Да и видят родители, что школа не хуже мастеров, чем училище, готовит. Тот же Митя Паксюткин. За десять лет орден «Знак Почета», два ордена Трудового Красного Знамени заслужил. Теперь ребята пишут в сочинениях: «Хочу быть таким, как Дмитрий Паксюткин». А механизатор Александр Шарыпов — тоже орденоносец, у Знамени в Кремле сфотографировался. А знатный мастер-строитель Антонина Семенова, депутат областного совета,— где квалификацию строителя получила? У нас, в бригаде. Да если нам хоть часть той материально-технической базы, которую современные СПТУ имеют, мы все профессии сельские сможем нашим ребятам дать — не только полеводов и животноводов, но и строителей, и работников службы быта. И в то же время дети остались бы до конца при родной школе, при доме, при семье... А уж потом, как это и записано в главе о структуре общего среднего и профессионального образования, наши выпускники могли бы поступать «...для получения более высокой квалификации или сложной профессии... на одногодичные отделения средних профессионально-технических училищ, в средние специальные учебные заведения...»

В этой же главе, чуть ниже, говорится о том, что «...целесообразно изучить вопрос о возможном снижении возрастных ограничений по ряду профессий». Мы считаем, что это в полной мере относится к сельской школе. Сколько пишут и говорят о том, что права на вождение техники следует давать юношам и девушкам с шестнадцати лет, а воз и нынче там. Они все равно водят у нас и тракторы, и комбайны, только без прав, «на честном слове». А работают как — вы ведь видели...

После беседы с Возным вспомнилась мне минувшая осень. С утра первого сентября погода настораживала: дул холодный ветер, казалось, вот-вот пойдет дождь. Но солнцу все же удалось разорвать завесу туч. Вспыхнуло червонным золотом пшеничное поле, и тут же, словно только и ждал этого момента, раздался заливистый школьный звонок. Здесь, на краю поля, где стояли готовые к жатве четыре комбайна «нива», по традиции проходила торжественная линейка.

Арыкбалык, Арыкбалык,
Село родное наше,
Кто здесь родился, тот привык
Встречать рассвет средь пашен.

Песню эту пели многие «поколения» воспитанников ученической бригады, наверняка станет она любимой и для этих первоклассников, которые весело побежали к юным комбайнерам, чтобы вручить им яркие георгины и астры.

— чистого неба, доброго хлеба!

Еще минута — и комбайны величаво двинулись по хлебному полю...

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Васильевна Черноголовина

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ

Документальные повести, рассказы, очерки

Редактор *В. Чирков, О. Поповиченко*
Художники *Л. Тетенко, А. Тлендиев*
Художественный редактор *Б. Табылдиев*
Технический редактор *С. Лепесова*
Корректор *Т. Сажина*

ИБ № 2766

Сдано в набор 17.02.84. Подписано к печати 10.05.84. УГ 17149. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,4. Усл.кр.-отт. 13,7. Уч.-изд. л. 14,4. Тираж 100000 экз. Заказ № 353. Цена 90 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

90 к.

Г. ЧЕРНОГОЛОВИНА • Я К ВАМ ВЕРНУСЬ